

HISTORY OF UZBEKISTAN

UZBEKISTON TARIXI

4/2010

4
2010

Jurnalga 1998-yil
iyulda asos solindi
Bir yilda to'rt
marta chiqadi

Toshkent
O'zbekiston
Respublikasi Fanlar
akademiyasi
«Fan» nashriyoti

O'zbekiston Respublikasi Fanlar akademiyasi

O'ZBEKISTON TARIXI

Илмий журнал

Мундарижа

И. Алимов. XVI – XVIII асрларда Наманган беклигидаги мадраса, корихона ва мактаблар тарихидан	3
А. Ҳақимов. XXI аср Марказий Осиё санъатида маданий стратегиялар ва ўзига хослик муаммоси	10
О. Масалиева. АКШ ва Англияда Урта Осиё тарихини ўрганувчи асосий илмий маркази бунинг шаклланиши ва ривожланиши	19
М. Рахимов. XIX аср – XX аср бошларида Марказий Осиёдаги халқаро муносабатларнинг Англия ва Россия рақобатчилиги контекстидаги хусусиятлари	28

Этнология масалалари

А. Тоғаев. Нурота воҳасида XX асрнинг биринчи ярмида кечган этнослараро муносабатларнинг экологик жиҳатлари	36
--	----

Ўзбекистон тарихи хориж тадқиқотларида

С. Мамедов. Хоразмшоҳлар-Ануштегинийлар Ширвон давлатининг XII асрдаги ҳарбий иттифокдоши сифатида ..	43
А. Хаецкий. Пахтачилик саноатини Украинада жорий этиш ҳаракати ва унда Ўзбекистондан «қулоқ» қилинганлардан фойдаланилиши	50

Ёш тадқиқотчи минбари

А. Кубатин. Қадимги турк унвонларининг генезиси масаласига доир	61
А. Собиров. Туркистон пахтачилиги трансформациясига доир	73
А. Турсунметов. Инглиз-америка тарихшунослари Туркистон жадидларининг XIX аср охири – XX аср бошларидаги ижтимоий-маданий ва сиёсий фаолияти тўғрисида ...	81

Тарихчи кутубхонасига

Ш. Шайдуллаев, Ш. Даминов. Ўқтам Мавлоновнинг «Марказий Осиёнинг қадимги йўллари: шаклланиши ва ривожланиш босқичлари» монографиясига тақриз	87
Р. Ю. Почекаев. Б. М. Бабаджановнинг «Кокандское ханство: власть, политика, религия» монографиясига тақриз	91

Илмий ҳаёт

А. Т. Сабиров. Oral history усули ЎзР ФА Тарих институтида	99
Р. Назаров. Оғзаки тарих: назария, методология, амалиёт (илмий-амалий симпозиум)	101

Содержание

И. Алимов. Из истории медресе, карыханы и мактабов в Наманганском бекстве в XVI – XVIII-е века	3
А. Хакимов. Культурные стратегии и проблема идентичности в искусстве Центральной Азии XXI века	10
О. Масалиева. Формирование и развитие основных научных центров по изучению истории Средней Азии в США и Англии	19
М. Рахимов. Особенности международных отношений в Центральной Азии в XIX веке – начале XX века в контексте англо-русского соперничества	28

Вопросы этнологии

А. Тагаев. Экологические аспекты межэтнических контактов в Нуратинском оазисе в первой половине XX века	36
--	----

История Узбекистана в зарубежных исследованиях

С. Мамедов. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов как военный союзник Ширванского государства в XII веке	43
А. Хаецкий. Попытка внедрения хлопководства на Украине и использование «раскулаченных» из Узбекистана	50

Трибуна молодого исследователя

А. Кубатин. К вопросу о генезисе древнетюркских титулов	61
А. Собиров. Трансформации в Туркестанском хлопководстве	73
А. Турсунметов. Англо-американские исследователи о мусульманском реформаторском движении в Центральной Азии в конце XIX – начале XX вв.	81

В библиотеку историка

Ш. Шайдуллаев, Ш. Даминов. Рецензия на монографию У. Мавланова «Марказий Осиёнинг қадимги йўллари: шаклланиши ва ривожланиш босқичлари»	87
Р. Ю. Почекаев. Рецензия на монографию Б. М. Бабаджанова «Кокандское ханство: власть, политика, религия» ..	91

Научная жизнь

А. Т. Сабиров. Метод oral history в Институте истории АН РУз	99
Р. Назаров. Устная история: теория, методология, практика (научно-практический симпозиум)	101

Тахрир хайъати:

Дилором Алимова
(бош мухаррир)
Мируэрт Абусентова
(Козогистон)
Омонулла Бўриев
Алишер Доннёрлов
Доно Зияева
Ўткир Исломов
Мирсодиқ Исмоков
Элёр Каримов
Зоя Орифхонова
Эдвард Ртвеладзе
Ильза Сиртаутас (АКШ)
Рустам Сулаймонов
Маргарита Филинович
(бош мухаррир ўринбосари)
Темур Ширинов
Нозим Ҳабибуллаев
Шоира Асадова (масъул котиб)
М. Соликова
А. Михерёва
(мухаррирлар)
Т. Гез (мукова дизайнери)

Манзилимиз:

100170, Тошкент,
И. Мўминов кўчаси, 9-уй.
Телефон: 262-38-73.

Журнал Ўзбекистон матбуот
ва ахборот агентлиги томонидан
22.12.2006 йилда рўйхатга олинган.
Гувоҳнома № 0051.

Теришга берилди 08.04.2011.
Босишга рухсат этилди 20.05.2011.
Қоғоз бичими 70×100^{1/16}.
Таймс гарнитураси.
Офсет босма. Офсет қоғози.
Ҳисоб-нашриёт т. 6,0.
Шартли босма т. 8,39.
380 нусха. 102-буюртма.
Келишилган нархда

И. Алимов

XVI – XVIII АСРЛАРДА НАМАНГАН БЕКЛИГИДАГИ МАДРАСА, ҚОРИХОНА ВА МАКТАБЛАР ТАРИХИДАН

Фарғона водийси Ўзбекистон заминининг энг қадимий ва бой тарихий ўтмишга эга худуди ҳисобланади. Айниқса, бу ерда дунё тан олган буюк алломалар етишиб чиққанлиги шубҳасиз. Мазкур ҳолат ўлкада юқори даражада маориф тизимининг йўлга қўйилганлигидан далолатдир. Ўрта асрларда водийда кўплаб мактаб, қорихона, мадрасалар фаолият юритган бўлиб, уларнинг қурилиши ҳамда ободонлаштирилишига катта эътибор қаратилган. Фарғона водийсининг энг муҳим қисми саналган Наманган беклигида ҳам XVI – XVIII асрларда шундай вазиятни кузатиш мумкин эди. Таассуфки, шўролар даврида нашр этилган тарихий адабиётларда Наманган худудида мактаб, мадрасалар мавжудлиги тўғрисида ёзилмаган. Ушбу ҳолат совет ҳукуматининг динга қарши сиёсати ва ислом тарихига оид архив ҳужжатларидан фойдаланиш ман этилганлиги билан белгиланади. Фақат мустақиллик туфайлигина тарихчилар Ўзбекистон тарихининг барча босқичлари каби қадимги ва ўрта асрлар даврини ҳолисона ёритиш имкониятига эга бўлдилар. Шу жумладан, маориф ва маданият тарихи ҳам ўзининг тубдан янги баҳосини ола бошлади. Бу йилларда нашр этилган «Ўзбекистон миллий энциклопедияси» да мавжуд маълумотлар асосида Наманганда фақатгина 1892 йилда бунёд этилган Ғойиб Назар ва 1912 йилда қурилган Мулла Қирғиз мадрасаси тўғрисида қисқача маълумот бериб ўтилди¹. Ундан олдинги даврлардаги мактаб, мадрасалар тўғрисида эса бирон-бир маълумот учрамайди. Фикримизча, мазкур ҳолат муаллифларда Намангандаги ўрта аср даврига тааллуқли мактаб ва мадрасалар тўғрисида маълумотлар бўлмаганлиги билан изоҳланади. Архив фондларидан фойдаланиш имконияти туфайлигина ЎзР Марказий Давлат Архивининг Фарғона вилояти бошқармаси фондида Наманганда XVI – XVIII асрларда мавжуд бўлган мактаб, қорихона ва мадрасалар тўғрисидаги маълумотлар сақланган. Бу ҳужжат «Наманган уезди бўйича ўқув юртлари тўғрисидаги 1887 ва 1888 йилларга тегишли хабарнома» деб номланади². У Наманган уезди бошлиғи полковник Куропаткиннинг 1889 йил бошларида Фарғона вилояти бошқармасига юборган хабарно-

¹ Ўзбекистон миллий энциклопедияси. 6-жилд. Тошкент, 2003. 255-бет.

² Ўзбекистон Республикаси Марказий Давлат Архиви. 19-фонд, 1-рўйхат, 12206-иш, 145-160-варақлар.

масининг тасдиқланган нусхаси бўлиб, унинг асл нусхаси Туркистон ўлкаси ўқув юртлари бош бошқармасига юборилган. Бу ҳужжат тарих фани учун жуда ноёб ва қимматли маълумотларни ўзида жамлаган. Унда берилган рақамлар, маълумотлар асл нусха билан бир хил эканлиги тасдиқланган. Наманган уезди бошигининг котиби ҳужжатни «Аслига тўғри» деб имзо чеккан, иш юритувчи эса матнни аслига солиштириб чиққанлигини кўрсатиб «Солиштирдим» деб уни тасдиқлаган. Ушбу ҳужжатнинг бундай таркибий қисмларининг мавжудлиги уни яна бир карра ишончли манба эканлигидан далолат беради. Ҳужжат рус тилида, қўлда ёзилган ва 15 варақдан иборат. Унда ҳужжат тузилган 1889 йилда Наманган уездида мавжуд бўлган 42 та мадраса, 40 та қорихона ва 296 та мактабларнинг рўйхати жадвал тарзида берилган.

Жадвалдаги маълумотларни таҳлил қилиш шуни кўрсатадики, XVI асрда Наманганнинг Чодак қишлоғида 1578 йилда 1 та мадраса ва Косон қишлоғидаги Хапалакхўжа маҳалласида 1593 йилда 1 та қорихона бунёд этилган. XVII асрда эса Наманган шаҳрида 1683 йилда қурилган Дўст Оғалик номли мадраса фаолият кўрсатган. XVIII асрда Наманган беклигида 5 та мадраса, 1 та қорихона ва 13 та мактаб қурилиб, фаолият кўрсатган. Фикримизча, XVI – XVIII асрларда мадраса, қорихона ва мактаблар сони рўйхатга олинганидан кўра анча кўп бўлган, лекин улар ҳисобга олинаётган вақтгача етиб келмай ўз фаолиятини тўхтатган. Аслида мадраса бўлган даврда мактаб бўлмаслиги мумкин эмас. Шунинг учун ҳам XVI ва XVII асрларга оид мадрасалар қайд этилиб, мактабларнинг жадвалга киритилмаганлиги у қадар тўғри эмас.

Таъкидлаб ўтганимиздек, Наманган уездининг энг қадимги мадрасаси 1578 йилда ташкил қилинган Чодак мадрасаси ҳисобланади. Бу мадраса аслида Чодак қишлоғининг бозори яқинида жойлашган. 1888 йилда мадрасада 19 нафар талаба ўқиган ва уларга бир нафар мударрис дарс берган³.

Одатда, мадраса қурдирган шахс мадрасани таъмирлаш, ходимлар ва талабаларни маблағ билан таъминлаш мақсадида вақф мулки ҳам васият қилар эди. Мадрасага таъсис этилган вақф мулки қозилар томонидан вақфнома билан расмийлаштирилган. Архивда Чодак мадрасасининг вақфномаси сақланмаган, лекин мадрасанинг вақф ерлари тўғрисидаги айрим ҳужжатлар мавжуд. Шунинг учун мадраса тарихига оид бу ҳужжатларни муҳимлигини инобатга олиб, улар ҳақида батафсил тўхталиб ўтамиз.

Чодак мадрасаси ташкил қилинганда уни қурдирган шахс ўз даврининг йирик ер эгаси бўлган. У ўзига қарашли Пнук қишлоғининг

³ ЎзР МДА. 19-ф., 1-р., 12206-иш, 145-в.

ерларини мадрасага вақф қилиб беради. Фарғона водийсидаги дастлабки мадрасалардан бири Чодакда бунёд этилгани ҳам бежиз эмас. Чунки Чодак қишлоғи қадимдан машхур хўжалар яшаган жой бўлиб, Бухоро хонлигидан Фарғонани ажратиб олиб, Қўқон хонлигини ташкил қилишда уларнинг роли муҳим бўлган. 1709 йилда Фарғона мулкида Чодак хўжалари кўзғолон кўтариб, Шохрухбийни хон қилиб кўтаришда ва мустақил Қўқон хонлигини бунёд этишда бевосита иштирок этган эдилар.

Бухорода жўйбар хўжалари катта мулкка эга бўлиб қанчалик хонга таъсири кучли бўлган бўлса, Қўқон хонлигида Чодак хўжалари шундай нуфузга ва мартабага эга эдилар. Бу хўжалар орасида шубҳасиз йирик ер эгалари мавжуд бўлган. Чодак мадрасасини ким қурдирганлиги номаълум, лекин бу йирик бой айнан Чодак хўжаларидан бири бўлганлиги эҳтимолдан йироқ эмас.

Қайд этганимиздек, Ашт туманининг Пнук қишлоғи ерлари Чодак мадрасасининг вақф мулки бўлган. Илгари бу ерлар Бухоро хонлиги тасарруфида бўлиб, аввал Бухоро хонлари, кейин Қўқон хонлари мадрасанинг мутаваллисига вақф ерларидан ижара ҳақини йиғиб олишга рухсат бериб келган. 1858-1862 йилларда Қўқон хони Маллахон ҳам мадраса раҳбарларига шундай ёрлик берган. Лекин ундан кейин хонлик ҳукмдори бўлган Худоёрхон мадрасага вақф ерларидан даромад олишга рухсат берувчи ёрликни бермаган. Бунга сабаб, бизнинг фикримизча, Худоёрхоннинг Маллахонга бўлган салбий муносабати эди. Маълумки, 1858 йили Худоёрхон сиёсатидан норози бўлган халққа Маллахон раҳбарлик қилади ва ҳокимиятни ўз қўлига олади. Худоёрхон Бухорога қочишга мажбур бўлади. Маллахон эса ислохотлар ўтказиб, мамлакатда тинчлик ўрнатишга эътибор қаратиб, мудофаани мустаҳкамлайди. Маллахон ўзини қўллаб-қувватлаган Чодак руҳонийларига имтиёзлар беради ва Чодак мадрасаси вақф ерларини солиқлардан озод қилади. 1862 йили Маллахон ўлдирилгач, 1863 йил Худоёрхон такрор Қўқон хони бўлгандан сўнг мадраса вақф мулкларини солиқдан озод қилмаган. Шунингдек, Маллахоннинг васикасини ҳам тасдиқламайди. Айнан Чодак уламоларининг Маллахон билан бўлган илиқ муносабатлари, бизнинг фикримизча, Худоёрхоннинг мадрасага вақф ерларидан тушадиган ижара ҳақини олишдан маҳрум қилганлигининг асосий сабабларидан бири бўлган.

Туркистон подшо ҳукумати маҳаллий халқ урф-одатлари, шариат қоида-қонунлари билан ҳисоблашмай, турли баҳоналар билан, вақф ерларини давлат мулкига айлантириб, ер солиғини жорий қилди. Подшо ҳукумати Туркистондаги ер-сув масалалари тўғрисидаги қарор ва қонунларида вақф ерларини давлат ерларига айлантириш ва бу ерлардан фой-

даланувчилардан солиқ олиш йўлини тутган эди. Вақф ерларига нисбатан қўлланилган сиёсат 1886 йил 12 июнда тасдиқланган «Туркистон ўлкасини бошқариш тўғрисидаги Низом» да ўз аксини топган.

Юкорида келтирилган далиллар шуни кўрсатмоқдаки, Чодак мадрасаси 1863 йил, яъни Худоёрхоннинг иккинчи маротаба тахтга ўтирганидан буён ва 1876 йилда подшо Россияси томонидан Наманган босиб олганидан кейин Пнук қишлоғидаги вақф ерларидан даромад олиш ҳуқуқидан ажралган эди. Шунинг учун ҳам мадрасанинг ерлардан тушадиган даромади бўлмаган. Лекин шунга қарамай, мадраса подшо маъмурлари томонидан рўйхатга олинган 1889 йили ўз фаолиятини давом эттирган. Мадрасада 1888 йилда 19 нафар талабага бир мударрис сабоқ берган. Мадрасанинг 54 рубль даромади бўлган⁴. Бу даромад эҳтимол ердан ташқари дўкон, тегирмон каби савдо-саноат корхоналаридан вақф мулки бўлган бўлиши мумкин.

XIX асрнинг тўртинчи чораги (1878-1900 йиллар) да 54 рублнинг қиймати анча баланд бўлган. Ўша даврда товар маҳсулотларининг нарх-навоси деярли ўзгармаган ёки кам ўзгарган. Шуни ҳисобга олиб, XIX асрнинг 70-90-йилларига тегишли Наманган бўйича айрим товарларнинг нарҳини келтиришни жоиз топдик.

Архив ҳужжатларидан бирида 1877 йилда Наманган уездида қўйнинг ўртача нарҳи 5 рубль, ҳўкизники – 8 рубль, сигирники – 8 рубль деб кўрсатилади⁵. 1883 йилдаги маълумотга кўра, Наманган уездида 1 пуд (16 кг) буғдой 70 копеек, ун – 80 копеек, арпа – 65 копеек, гуруч – 1 рубль 10 копеек, жўхори – 60 копеек, 1 пуд мол гўшти – 1 рубль 80 копеек, қўй гўшти – 2 рубль 20 копеек бўлган⁶.

Келтирилган маълумотлардан кўриниб турибдики, Чодак мадрасасининг 1888 йилдаги вақф мулкидан тушган даромади нисбатан оз бўлса ҳам анча қийматга эга бўлган. Мадраса талабалари ва мударрисларининг сони, одатда, унинг умумий даромади миқдорига ҳам боғлиқ бўлган.

Айрим маблағи кўп мадрасаларда муллабаччалар сони ҳам, мударрислар сони ҳам кўп бўлган. Масалан, 1788 йилда Наманган шаҳрининг Чукуркўча қисмида бунёд этилган Азизхон Эшон мадрасасининг 1888 йилдаги даромади 388 рублни ташкил этган. Мадрасада ўша йили 40 нафар муллабаччалар ўқиган ва 2 нафар мударрис таълим берган.

Қуйида Наманган ҳудудидаги мавжуд мадрасаларнинг 1888 йилдаги даромадлари жадвалини келтирамыз:

⁴ ЎзР МДА. 19-ф., 1-р., 12206-иш, 145-в.

⁵ ЎзР МДА. 19-ф., 1-р., 12206-иш, 145-в.

⁶ ЎзР МДА. 19-ф., 1-р., 28456-иш, 11-14-в.

№	Мадраса номи	Курилган санаси	Жойлашган ери	Талабалар сони	Мударрислар сони	1888 йилдаги даромади
1	Чодак	1578	Чодак кишлоғи	19	1	54 рубль
2	Азизхон Эшон	1788	Наманган ш. Чукуркўча	40	2	388 рубль
3	Хонхўжа Эшон	1798	Тўракўрғон кишлоғи	40	2	120 рубль
4	Абдуллахўжа Эшон	1727	Наманган ш. Лаббайтоғи қисми	60	1	162 рубль
5	Онритон Исмоил	1788	Наманган ш. Чукуркўча қисми	30	1	264 рубль 60 коп.
6	Дўст Оғалик	1683	—	10	1	65 рубль
7	Иминхўжа	?	Наманган ш. Чукуркўча даҳаси	6	1	—

Шаҳарнинг Чукуркўча даҳасидаги Иминхўжа Эшон мадрасасининг 1888 йилда даромади бўлмаганлиги сабабли, унда бор-йўғи 6 нафар муллабачча ўқиган ва уларга бир нафар мударрис дарс берган. Мадрасанинг даромади бўлмаганлигидан шунини тахмин қилиш мумкинки, талабалар стипендия – нафақа олмасдан, ота-оналарининг ёрдамида ўқиган. Мударрис эса мадрасадан ҳақ олмай, муллабаччаларни бепул ўқитган⁷.

Ислом динининг муқаддас китоби Қуръони каримни тўла ёд олдирадиган, кироат билан ўқишни ёшларга ўргатадиган ўқув юрти – қорихоналар Наманганда нисбатан кўп бўлган. 1888 йилдаги маълумотга кўра Наманган уездида 40 та қорихона фаолият юритган⁸.

Туркистондаги подшо маъмурлари томонидан тўпланган маълумотларга қараганда Фарғона водийсидаги энг қадимги қорихона Наманганда бўлиб, у 1593 йилда Косон кишлоғининг Хапала хожи маҳалласида ташкил қилинган⁹. Қорихонада, одатда, Қуръонни кироат билан ёддан ўқийдиган бир нафар домудла-қорибоши бир неча қорибаччаларга таълим берган. Марказий давлат архивида сақланаётган ҳужжатда ёзилишича, 1888 йилда Косон кишлоғидаги ушбу қорихонада 1 нафар қорибоши 3 нафар қорибаччаларга, Тўракўрғон туманининг Кичик Қўрғон кишлоғида бунёд этилган қорихонада эса 1 нафар домудла 5 нафар қорибаччаларга таълим берган¹⁰. Қорихоналарда ўқиш 3-4 йил давом этган. Талабалар жума кунидан ташқари ҳар куни эртадан кечгача Қуръон сураларини ёдлаш билан машғул бўлишган. Қорихонани тугатган қорилар, асосан, масжидларда ва маҳалла аҳолисининг турли маросимларида Қуръон сураларини ўқиб хизмат қилганлар.

⁷ ЎзР МДА. 19-ф., 1-р., 12206-иш, 145-146-в.

⁸ ЎзР МДА. 19-ф., 1-р., 12206-иш, 146-148-в.

⁹ ЎзР МДА. 19-ф., 1-р., 12206-иш, 147-в.

¹⁰ Ўша жойда.

Биз таҳлил қилаётган ҳужжатда, шунингдек, Наманган беклигида XVIII асрда ташкил бўлган ва 1888 йилда мавжуд бўлган 13 та мактаб қайд қилинади¹¹. Ундан аввалги асрларда мактаблар бўлганлиги тўғрисида ёзилмаган.

Одатда, мактабни битирган болалар мадраса ва қорихоналарга ўқишга кирган. Мактаблар айрим мулкдорларнинг махсус қурдирган биноларида фаолият олиб борган. Айрим ҳолларда улар масжидлар қошида ҳам очилган. Ҳужжатда кўрсатилган 13 та мактабнинг 7 таси айнан масжид қошидаги ўқув хоналарида машғулоти олиб борган. Бу мактабларда ўқувчиларга масжид имоми ёки сўфиси дарс берган. Аёллар мактаби эса алоҳида бўлиб, уларда қизларга сабоқ берилган.

Қуйидаги жадвалда Наманган ҳудудида XVIII асрда ташкил этилган ва 1888 йил рўйхатга олинган мактаблар ҳақидаги маълумотлар келтирилади¹².

№	Мактаб номи	Қурилган санаси	Жойлашган ери	Талаба сони	Домулла сони
1	Мухаммад Иброҳим Эшон-масжиди қошидаги мактаб	1787	Наманган ш. Лаббайтоғ мавзеси	30	1
2	Эшоноғим мактаби	1793	Наманган ш. Чуқурқўча мавзеси	25	1
3	—	1798	Наманган ш. Дегрез мавзеси	17	1
4	—	1738	Ҳонобод қишлоғи	22	1
5	Бузрукхўжа Шоқайнарев масжиди қошидаги мактаб	1757	Ҳазрат шо қишлоғи	55	1
6	Таланбой Сўфиев мактаби	1758	Янгиқўрғон қишлоғи	25	1
7	Ўрта маҳалла масжиди қошидаги мактаб	1768	Гулзорсарой қишлоғи	15	1
8	Ҳожихўжа Эшон масжиди ҳузуридаги мактаб	1787	Қатта Тошбулоқ қишлоғи	29 нафар ўғил бола, 12 нафар қиз бола	1
9	Хусанбой Қўқонбоев мактаби	1787	Фармон қишлоғи	10	1
10	Дарвишали Ҳожи Абдулла Ҳожи мактаби	1787	Эскиобод қишлоғи	20	1
11	Оғалиқбой масжиди қошидаги мактаб	1788	Ирвидан қишлоғи	21	1
12	Нийёз Қучакбой Ирис Мухамедов мактаби	1788	Янгиқўрғон қишлоғи	30	1
13	Домуллабобо масжиди қошидаги мактаб	1798	Гирвон қишлоғи	25	1

Бу мактаблар подшо маъмурлари томонидан ҳисобга олинган йилдан 130-150 йил илгари қурилган бўлишига қарамай, пишиқ, пухта,

¹¹ ЎЗР МДА. 19-ф., 1-р., 12206-иш, 148-156-в.

¹² ЎЗР МДА. 19-ф., 1-р., 12206-иш, 148-149-в.

эхтимол пишиқ ғиштдан қурилган бўлса керакки, шикастланмай, бузилмай сақланиб қолган ва ўз фаолиятини давом эттирган¹³. Бу бино хоналари кенг бўлиб, ўртача 30-40 нафар ўқувчини ўзига сиғдирган.

Болаларини ўқитганлиги учун ота-оналар ўқитувчининг хизматларини тақдирлаб совға олиб борганлар. Ота-она ўз фарзандини домуллага ўқишга берганда албатта сарпо тақдим этган. Шундан кейин ҳар пайшанба кунлари ўқувчилар ўқитувчига ўз оилавий имкониятларидан келиб чиқиб, «пайшанбалик», яъни ошга керакли маҳсулот ёки нон олиб келган. Бундан ташқари, одатда, бир китобни ўқишни тугатганда ҳам ота-она томонидан домуллага тортиқ қилинган. Қишлоқларда ҳосил йиғилганда ота-оналар домуллага ғалла инъом қилганлар. Мактаб домулласининг хизмат ҳақи ўқувчиларнинг ота-оналари томонидан берилган мана шундай тухфалардан ташкил топар эди.

Одатда, мактабда ёшларга диний таълим берилган ва араб алифбосини ёзиш, ўқиш ўргатилган. Қуръоннинг кичик суралари ва айрим оятлари ёдлаттирилган. Ўқувчиларга мусулмонча одоб-ахлоқдан ташқари, мумтоз адабиёт намуналари бўлган Навоий, Бедил каби буюк шоирлар асарларидан сабоқ берилган.

Хулоса қилиб шуни айтиш мумкинки, XVI – XVIII асрларда Наманганда бундай ўқув юр்தларининг мавжудлиги ўша даврларда маданият, маърифат маънавият ишлари анча тараққий этганлигидан далолат беради.

Бу эса келгуси тадқиқотларда сўнгги ўрта асрларда Фарғона водийсида фаолият юритган мадраса, қорихона, мактабларнинг ислом дини ва маданияти тараққиётига қўшган ҳиссасини аниқлаш, уларнинг тарихини ўрганиш, таҳлил қилиш каби вазифаларни амалга оширишни талаб қилади.

И. Алимов

Из истории медресе, карыханы и мактабов в Наманганском бекстве в XVI – XVIII-е века

В статье на основе обнаруженных автором в Центральном Государственном Архиве Узбекистана новых архивных документов исследуются история возникновения и деятельность медресе, карыханы, мактабов в Наманганском бекстве в XVI – XVIII в. По данным документов показано, что в Наманганском бекстве в XVI в. основано одно медресе

¹³ ЎЗР МДА. 19-ф., 1-р., 12206-иш, 154-158-в.

и одна карыхана, в XVII в. – одно медресе, в XVIII в. – 5 медресе, одна карыхана, 13 мактабов. Обосновано на основе привлечения документов, что в Наманганском бекстве медресе и карыхана впервые возникли в XVI в.

I. Alimov

From the history of medrese, kharihana and schools in Namangan in XVI – XVIII centuries

In this article was mentioned the basis of found the author in the central state archive of Uzbekistan of the new archival documents investigates a history of occurrence and activity medrese, kharihana and schools in Namangan in XVI – XVIII centuries. Documents testifies that in Namangan is based one medrese, one kharihana in XVI, one medrese in XVII, 5 medreses, one kharihana, 13 schools in XVIII. These facts documentary confirms that Namangan medreses and kharihana for the first time have arisen in XVI.

A. Хакимов

КУЛЬТУРНЫЕ СТРАТЕГИИ И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСКУССТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ XXI ВЕКА

I. О методологии и категориальном аппарате современной арт-критики. Вопрос терминологической дефиниции актуализировался после 1990-х годов, когда привычный набор искусствоведческих критериев и определений, весь инструментальный спектр советской художественной критики распался и уже не был в состоянии отразить динамично развивавшиеся в искусстве постсоветских государств разнонаправленные тенденции. В связи с обретением права на самостоятельное культурное взаимодействие с западным миром в художественной практике Узбекистана появились различные формы актуального искусства, породившие необходимость лексического обновления языка отечественной арт-критики. В искусствоведческом лексиконе появляются новые дефиниции как жанровые (*дизайн, инсталляции, видеоарт, перформанс*), так и понятийные, смыслообразующие (*постмодернизм, идентичность, эс-*

хатология, культурные стратегии, утопия и антиутопия, симулякры, толерантность, интеграция, субкультура, парадигма, антропология, мейнстрим, герменевтика, концепция, идиоматика, гедонизм и др.), которые более точно и полно отражают суть протекающих в современной культуре, искусстве и художественном сознании процессов.

Источники обновления – западная и российская арт-критика и родственные сферы гуманитарных наук – культурология, философия, социология и т. д. Следует отметить, что такая «европеизация» языка неоднозначно оценивалась отечественными оппонентами, порой видевшими в этом профессиональный снобизм и псевдонаучную риторику. Между тем, возникновение нового категориального аппарата в искусстве и арт-критике, в том числе и узбекистанской – явление естественное и должно рассматриваться в контексте общих глобализационных процессов, которые в культуре и науке также, как и в экономике и социальной сфере, невозможно остановить. Безусловно, что в процессе интерпретации таких категорий необходимо учитывать своеобразие историко-культурного и ситуативного пространства. Причем понимание специфики использования такого аппарата признают и ведущие российские культурологии.

Таким образом, используемая в современной арт-критике и искусствознании терминология не является самоцелью, а вызвана закономерностями внутреннего, имманентного развития художественной практики, а также внешними объективными социально-историческими процессами, влияющими на формирование современного искусства. Одним из таких понятий является «идентичность», своего рода терминологический индикатор, позволяющий более развернуто интерпретировать проблематику «художник – общество – нация – история». Причем, экстраполируя термин «идентичность» на процессы в искусстве нашего региона, следует сделать несколько пояснений. Во-первых, учесть специфику современного процесса национальной и культурной идентификации, связанную с особенностями регионального социо-культурного контекста, во-вторых, дифференцировать само понятие «идентичность», имеющее ряд вариаций – социальная, эстетическая и художественная, персональная и т. д. Причем термин «идентичность» следует рассматривать не статично, а в контексте его исторической динамики¹.

II. Региональная и национальная идентичность: в поисках неидентичности. В этом ключевом методологическом разделе хотелось бы выделить несколько аспектов:

¹ Х а к и м о в А. Историко-культурный и художественный контекст центральноазиатской идентичности // Коллоквиум III. Искусство Узбекистана. Динамика идентичности. Ташкент, 2007.

1. Исторический опыт развития цивилизаций Центральной Азии показывает, что в регионе на протяжении многовекового развития была выработана своеобразная и уникальная модель единства многообразий. Геостратегическое положение региона как перекрестка трансконтинентальных путей древнего и средневекового мира определило ее важную особенность – кросскультурный характер цивилизации Центральноазиатского региона, формирование здесь симбиозных форм культурного развития. Регион издревле был местом пересечения традиций западных и восточных цивилизаций. Причем в доисламское время понятие «Запад» для среднеазиатского междуречья имело иное значение. Средняя Азия, именуемая сегодня Центральной, в тот период для культур и цивилизаций к востоку от нее, там, где располагалась китайская стена, культурно-географически являлась Западом. Ситуация изменилась с приходом в регион в VIII в. ислама. С этого времени Средняя Азия входит в культурный мир ислама и прежние координаты меняются. Теперь регион представляет универсальную исламскую культуру Востока, ментально противопоставляемую христианскому Западу².

В условиях исторического взаимодействия в регионе оседлых (городских) и кочевых (скотоводческих) народов, значение ислама для них было неоднозначным. Ислам как городская религия в первую очередь распространился в среде оседлых народов региона – предков узбекского и таджикского народа, которые стали опорой ислама в регионе. Кочевые народы – предки казахов, кыргызов – приняли ислам несколькими столетиями позже и в их культуре прежние верования и законы кочевой жизни сохраняли свою силу и часто брали верх над установлениями шариата. У туркмен это соотношение было более сбалансированным, но в целом кланово-номадическое сознание всегда стояло выше религиозных правил. Этот фон во многом определял культурное восприятие мира народами региона.

Центральноазиатская цивилизация вобрала в себя две составляющие – цивилизации кочевников и оседлых земледельцев, взаимно обогащавших друга друга и создавших важные цивилизационные основы исторического развития региона. Номадизм и урбанизм Центральной Азии – характерная особенность ее исторического развития. Нами подчеркивается неприемлемость конфронтационно-сопоставительных оценок (номадоцентризм или урбаноцентризм).

Атеистическая концепция советского времени (1917-1990) кардинально изменила облик быта, культуры и искусства народов региона. Однако, как показала практика политической и культурной жизни неза-

² Там же. С. 7.

висимых государств, прежние религиозные и этнокультурные традиции не были забыты, их значение стало весьма существенным фактором развития новых обществ, их идеологии и культурной ментальности.

2. С обретением независимости закономерные и интенсивные усилия государств региона к исторической самоидентификации объясняются так называемым феноменом национального признания. Как писал в начале 1990-х годов Фрэнсис Фукуяма, *«национализм сейчас на подъеме в таких регионах, как Восточная Европа и Советский Союз, где народам долгое время отказывали в признании их национальной идентичности, но и в самых старых и надежных национальных государствах мира национализм претерпевает изменения. Требование национального признания в Западной Европе одомашнено и согласуется с универсальным признанием...»*³. Бурный процесс роста национального самосознания вызвал интерес к собственной национальной истории, религии и поэтике традиционной культуры в отдельных молодых государствах региона и мы можем уверенно говорить о поисках «национальных идентичностей». В этой связи нам представляется более точным говорить об интенциях к интеграции, а не о «региональной идентичности», которая имела место в историческом прошлом, и которая, возможно, появится в будущем, но едва ли близком⁴.

3. Сегодня одна из наиболее острых проблем современного и будущего развития культуры и искусства региона – выбор путей развития национальных культурных парадигм в XXI в. в условиях преобладания в каждом из государств Центральноазиатского региона того или иного пласта традиций – конфессиональных (Таджикистан, Узбекистан), этнокультурных и этнобытовых (Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан). Это оказывает существенное влияние на характер адаптации западных инноваций, неизбежно проникающих в современную художественную практику региона. В качестве ведущих ценностных ориентиров новой культурной политики во всех государствах Центральноазиатского региона был провозглашен симбиоз национальных и общечеловеческих ценностей – эти две составляющие придали своеобразие современным эстетическим поискам в искусстве региона. Снятие «железного занавеса» позволило напрямую соприкоснуться с творческим опытом и авангардными явлениями современного мирового искусства. Таким образом, мы

³ Фукуяма Ф. Конец истории. М., 1990. С. 13. http://polbu.ru/fucuyama_lastman/ch00_i.html

⁴ Хакимов А. Искусство Центральной Азии сегодня: поиск неидентичности. Тезисы доклада на конференции по проблемам региональной интеграции в культуре. Душанбе, 2009.

наблюдаем картину, когда, с одной стороны, усилились модернистские тенденции в искусстве государств региона, с другой – стали очевидными апелляции к традиционным пластам эстетического сознания.

4. Имманентные трансформации в искусстве государств Центральноазиатского региона сопровождались и серьезными изменениями в отношении к искусству самого общества, его роли и места в изменяющемся культурном обиходе наций региона. В связи с усилением позиций исламской религии обострилась ранее не ощущавшаяся оппозиция «ислам и светское искусство». Новая этнокультурная среда потребителей искусства вызвала новые импульсы художественной культуры, появились новые критерии и отсчеты в творческом процессе. Авангард и традиционализм отразили противостояние представлений о предназначении искусства, сложившихся в общественном сознании. Наследие и современность порой стали представляться полярными, антагонистическими категориями, глобализация искусства как проявление антитрадиции воспринимается определенной частью населения как враждебная культурная интервенция.

5. Культурные стратегии Центральной Азии – это основные мировоззренческие линии развития искусства региона. В условиях, когда нет диктата союзного Центра Москвы и идеологических догматов соцреализма, возникает проблема формирования новой художественной парадигмы. В то же время культурная политика независимых государств отличается друг от друга тем, что создает новый теоретический дискурс, в котором выявляются такие приоритетные факторы развития современного искусства во всех государствах региона, как религиозный, этнокультурный и глобализационный. Между предпочтениями в отношении этих трех составляющих и формируется своеобразие национальных искусств в государствах региона.

III. Постмодернизм и идентичность. Расплывчатость самого понятия «постмодернизм», его плохо окаймляемая стилевая дефиниция позволяют включить в зону постмодернистских явлений практически любую современную культурфилософскую инновацию. Между тем, очевидно, что постмодернизм – это явление, преимущественно характерное для институций западного общества, с приоритетом нигилистического восприятия и обостренной антиутопической философией. Эти концептуальные архетипы постмодернизма составляют семантику современного искусства Запада и адекватны его социо-политической конструкции.

Нигилизм, правда, иного образца, был свойственен движению московского андерграунда конца 1980-х годов. Так, например, в период пе-

рестройки московский соц-арт, как проявление неофициального искусства, оказался параллельным западным моделям постмодерна, став его «самобытным стилистическим ответвлением». Хотя российский постмодернизм географически и ментально ближе к европейскому аналогу, тем не менее и в его дефинициях существует много спорного и неясного: *«...Если период зарождения постмодернизма на Западе более или менее определен концом 1950-х – началом 1960-х..., то русский постмодернизм до сих пор остается открытым понятием. ...чтобы не создавать терминологическую путаницу, мы будем пользоваться термином «постмодернизм», хотя везде, где он в дальнейшем будет появляться, его имеет смысл прочитывать как «так называемый постмодернизм»⁵.*

По мере продвижения на восток – сначала в Россию, а затем в регионы Центральной Азии, эта постмодернистская традиция теряла свою первоначальную силу и аутентичность, образуя новые модификации и ответвления. Речь идет о характере трансформаций принципов европейского постмодернизма в восточных регионах: является ли это расширение зоны полноценным или остается на уровне восприятия внешних атрибуций, без углубленного осознания самих концептуальных основ феномена. Постмодернизм, – это не просто пластические рефлексии, но во многом социально-философский феномен, способный полноценно функционировать на определенной стадии развития демократических институций общества. Для полноценного существования таких концептуальных феноменов в евроазиатской среде (даже максимально европеизированной), субстанционально инициированных социальной антиутопией западного толка, необходима соответствующая атмосфера и условия вне поля художественных факторов. Итак, постмодернизм – не столько пространственная форма и не столько пластический инструментарий, а философия восприятия жизни, некий набор определенных критериев оценки современности. Социально-протестный пафос, его философский нигилизм, ирония и самоирония, гротеск, дискретность и сознательная хаотичность повествования, скептицизм и альтернативная пластическая форма, толерантность, доведенная до эклектики, стирание различий между элитарным и массовым сознанием – все это находится в арсенале постмодернизма⁶.

⁵ Берг М. Литературократия. Проблемы присвоения и переопределения власти в литературе // Новое литературное обозрение. М., 2000, глава 1 // <http://www.mberg.net/utreipis>.

⁶ Хакимов А. Клип и видеоарт – артефакты массового и элитарного сознания // Проект «Коллоквиум – 2»: Клип и видеоарт: стратиграфия языка. Ташкент, 2006. С. 13.

Практика инновационных проектов – инсталляции, концептуальные проекты, видеоарт, перформансы – с конца 1990-х годов становится привычной для Центральноазиатского региона. Идейная установка исламской теологической доктрины на нейтрализацию собственного Я в пользу высшего Абсолюта подсознательно близка художникам Узбекистана и Таджикистана 1980-х – 1990-х годов. Возможно, этот историко-мировоззренческий дискурс объясняет приверженность национальных живописцев Узбекистана к социально-индифферентной, лирико-романтической с гедонистическими интонациями эстетике. С другой стороны, в искусстве Узбекистана последних лет можно отметить новую тенденцию – стремление художников к философской интерпретации социальной проблематики. Возникает ощущение, что поиск национальной идентичности переместился в зону, в которой прежняя арт-модель социально индифферентного мышления уступает место более концентрированной на жизненно важной проблематике художественно-философской точке зрения. Фотография все активнее вторгается в зону искусства Узбекистана, то как инструмент для создания живописных работ или акций актуального искусства (видеоарт, инсталляция), то в формах самого фотоарта – исторических коллажей и композиций.

В Казахстане и Кыргызстане, где вековые традиции номадической культуры обусловили особое отношение к традиции – уважительное, но не догматическое, начались первые в регионе и достаточно радикальные эксперименты по созданию инсталляций, перформансов, видеоарта, связанные с постмодернистской парадигмой западной культуры. У кыргызских художников-актуалистов (Ч. Осмонова, А. Сейталиев, У. Джапаров, Г. Трякин-Бухаров и др.) постмодернистская десакрализация советских ценностей проявляется в целом ряде работ. Тем не менее анти-утопическая интонация в них достаточно мягкая и неконфронтационная. У художников Казахстана более жесткая, провоцирующая, эпатажная лексика, подсознательно ассоциирующаяся с архетипами сакрально-номадического сознания (А. Менлибаева, Е. Мельдибеков, А. Угай).

Общий уровень интерпретации постмодернистских форм и жанров во всем регионе позволил говорить, на первый взгляд, о вторичности и определенной имитационности центральноазиатских экспериментов. В то же время это не совсем корректная оценка. Такое ощущение возникает не в силу отсталости профессионального или ментального уровня местных художников, а в силу существования онтологических различий

в современной ситуации на Западе и на Востоке; художники лишь отражают эту неадекватность. Создается искусство, которое не хуже и не лучше, просто оно – другое.

IV. Будущее демократии и роль искусства в мире и регионе: проблема модернизации цивилизационного развития Центральной Азии. Лексика искусства в странах Центральной Азии меняется на глазах. С арт-сцены региона уходит творческая элита, оставившая миметическое художественное наследие, современное поколение артистов пытается найти собственный язык изложения, адекватный вызовам мировой и отечественной истории и эстетики. В поисках национальной и культурной идентичности главным критерием является наличие нестандартных творческих идей, с одной стороны, сохраняющих автономию эстетического пространства, а с другой – способных модернизировать общественное сознание.

Период независимости в государствах региона отмечен заявлениями о построении в них гражданского общества, стремлением к социальному обновлению и открытости культурного пространства. Рыночная экономика, политические свободы, демократизация обуславливают усиление роли искусства в гуманизации общественного процесса. Если исходить из мирового опыта динамики соотношения искусства и политики, то значение искусства в формировании стратегий цивилизационного развития региона с каждым годом должно возрасть. Во всяком случае новейшая западноевропейская история показывает, какой важный вклад внесло искусство в формирование демократического сознания европейского обывателя.

В статье-интервью известный российско-германский культуролог Б. Гройс, упоминая фигуру К. Малевича (в частности, его картину «Черный квадрат») и его роль в формировании демократических принципов, отметил следующее: *«Малевич ... открыл демократическое пространство, которое выходит за пределы существующей системы представления, за пределы таких понятий, как «нация» или «государство»; и окно, открытое им, — это окно в будущее...»*⁷. Еще один тезис, связанный с прогностическими картинами искусства и судьбой демократических преобразований, имеет важное значение. После глобального кризиса 2009 г., идеи Фукуямы относительно судьбы ценностей либеральной демократии воспринимаются как чрезвычайно актуальные. Он пишет, что одним из ключевых для него является такой вопрос: *«...Видны ли*

⁷ Б. Гройс об искусстве, дизайне и демократии. http://artinvestment.ru/news/artnews/20081122_boris_groys.html

в сегодняшнем мире жизнеспособные альтернативы либеральной демократии? ... действительно ли умер коммунизм, может ли вернуться религиозный фанатизм или ультра национализм... Но более серьезный и глубокий вопрос – это добротность самой либеральной демократии, а не то, устоит ли она против своих сегодняшних соперников...»⁸.

С этой точки зрения современная ситуация может рассматриваться как некий прогностический индикатор. На наш взгляд, нынешний период можно с долей условности определить как **постлиберализм**, т. е. возникла мировоззренческая ситуация в универсальной истории (термин Фукуямы), когда в условиях недоверия либеральной рыночной философии, вызвавшей глобальный экономический кризис, государство, а не свободный рынок, становится главным регулирующим игроком. Соответственно, предшествующие ценности и непоколебимость либеральной демократии, в известной мере, подвергаются десакрализации и частичной корректировке, хотя о полной переоценке речь не идет. В этой связи возникает вопрос: **Какова во всем этом процессе трансформаций мировая история культурного и художественного пространства?** В мировом арт-поле намечается некая настороженность в однозначном опровержении либеральных идей, которое стало ипостасью постмодернизма последних десятилетий в западном искусстве. Эсхатологическая игра западных художников-актуалистов, поверивших в возможность бесконечной критики собственного же либерализма, который, как они считали, в принципе непоколебим и в этом смысле выдержит все их философские натиски, столкнулась с серьезным испытанием. В условиях, когда шанс потерять прежние либеральные ценности, составляющие их неотъемлемый антропологический ландшафт, ими же двусмысленно и порой лукаво опровергавшиеся, становится реальным, художники актуалисты, как нам кажется, или будут акцентировать внимание на автономных задачах художественного пространства или способствовать гуманизации и смягчению прежних радикальных идей и жестов.

В региональном контексте ожидается усиление роли искусства как проводника демократических и либеральных идей, поскольку индивидуальное признание как стимулятор становится наиболее адекватным ответом требованиям гражданского общества и его принципов, которые не теряют для государств региона своей актуальности даже в атмосфере глобального мирового экономического кризиса.

⁸ Фукуяма Ф. Конец истории. М., 1990. С. 14 // http://polbu.ru/fucuyama_lastman/ch00_i.html.

А. Ҳакимов

XXI аср Марказий Осиё санъатида маданий стратегиялар ва ўзига хослик муаммоси

Мақола Марказий Осиё халқларининг XXI аср санъати назарий-методолик муаммоларига бағишланган. Муаллиф минтақа санъатидаги терминология масалалари, ўзига хослик, постмодернизм ва модернизм билан боғлиқ муаммоларни таҳлил қилган.

A. Khakimov

The problems of cultural strategies and identity in Central Asian art in XXI century

This article is about theoretical and methodological problems of Central Asian nationalities contemporary art. Author analyzes such kind matters and problems of art like terminology, identity, post modernity and modernity.

О. Масалиева

АҚШ ВА АНГЛИЯДА ЎРТА ОСИЁ ТАРИХИНИ ЎРГАНУВЧИ АСОСИЙ ИЛМИЙ МАРКАЗЛАРНИНГ ШАКЛЛАНИШИ ВА РИВОЖЛАНИШИ

Хориждаги илмий марказлар ҳақида сўз юритар эканмиз, америкалик Роберт Бурнеснинг мақоласини тилга олиш ўринлидир. Унда муаллиф АҚШда Россия ва Шарқий Европани ўрганишни бир неча даврга бўлади. Жумладан, «Қўшма Штатларда Россия ва Шарқий Европани ўрганиш тарихи биринчи марта 1885 йилда Оберлин коллежида бошланган бўлиб, у бир неча даврларга бўлинади. Энг муҳим босқичларидан бири – Биринчи жаҳон уруши тугаганидан 1955 йилгача бўлган давр бўлиб, бу даврда санокли университетларда бир қанча йирик муассасалар томонидан, айниқса, Рокфеллер ва Форд муассасалари ва Карнеги акционерлик жамияти ва федерал ҳукумат томонидан берилган муҳим моддий ёрдам билан жаҳоннинг кам ўрганилган қисмини ўқитиш ва

тадқиқот олиб бориш учун марказлар ташкил этилган»¹лигини ёзади. Бу фикрлар, албатта, Ўрта Осиё тадқиқотларига ҳам тааллуқлидир, чунки юқорида таъкидлаганимиздек, Ўрта Осиё масалалари собиқ советшунослик таркибида ўрганилган.

АҚШ ва Англияда ташкил этилган илмий марказлар бўйича тадқиқот олиб борар эканмиз, уларнинг ҳар бири ўзининг вужудга келиш ва ривожланиш давларига эга эканлигини кўрамиз. Манбаларнинг гувоҳлик беришича, айниқса XX асрнинг 20-йилларидан кейин ушбу давлатларда Ўрта Осиёга қизиқиш орта бошлади. Бу фикримизни ўша даврга келиб Ўрта Осиё халқлари тарихи, маданияти, урф-одатлари, анъаналари, ижтимоий-сиёсий ҳаётини ўрганувчилар сони ортганлиги ҳам тасдиқлайди. Тадқиқотчилар сонининг ўсганлигини эса 20-йиллардан сўнг «бой», «босмачи» тамғаси билан ўз юртидан қувғин қилинганлар, чет элга қочган сиёсий муҳожирларнинг таъсири билан боғлаш мумкин. Бундан ташқари, XX асрнинг 20-йилларида Ўрта Осиёда рўй бераётган воқеалар, жаҳон жамоатчилиги диққатини жалб этган бўлиб, уларни мазкур ўлканинг тарихи, маданияти, урф-одатлари, ижтимоий-сиёсий ҳаётини ўрганишга нисбатан қизиқишлари янада ортди. XX аср бошларида Англияда Ўрта Осиё бўйича тадқиқотларни ҳам ўз ичига олувчи бир неча марказлар ташкил этилган. Масалан, 1915 йилда Лондон университетида славяншунослик ва Шарқий Европа бўйича тадқиқотлар мактаби (School of Slavonic and East European studies) ташкил этилди. Мактаб вақтли нашри «The Slavonic and East European review» деб аталиб, унинг саҳифаларида Ўрта Осиё бўйича маълумотларни ҳам учратиш мумкин.

1921 йилда эса Лондон университетида тарихий тадқиқотлар институти (Institute of Historical Research) ташкил этилди. У тарих, шунингдек, миллий масала бўйича аспирантлар тадқиқот олиб борадиган ҳамда тарих бўйича мутахассислар тўпланадиган университет маркази сифатида юзага келган. Вақтли нашрлари: «Annual report historical research, Bulletin, Historical Research for higher degrees in the United Kingdom and etc».

Англияда яна собиқ «СССР билан маданий алоқалар жамияти» (Society for cultural relations with the USSR) мавжуд бўлиб, 1924 йилда ташкил этилган. Мазкур жамият ўзининг ахборот бўлими, минтақа халқлари тилида бемалол гаплаша олувчи мутахассислар, собиқ СССР бўйича тил ўргатиш курслари, кўргазмалар ва кинофильмларига эга бўлиб, маданий алоқаларнинг ривожланиши ва собиқ СССРга саёҳат ташкил этиш ишларига ёрдам беради. Унинг аъзолари сони тахминан 1.500 нафар.

¹ Byrnes R. F. USA: Work at the universities // Survey. A journal of Soviet and East European studies. 1964. № 50. P. 63.

«Anglo-Soviet journal» номли 3 йилда бир марта чиқадиган вақтли нашрига эга эди².

Англиялик В. С. Франкнинг ёзишича: «Лондон иқтисодчилар ва сиёсий фанлар мактабида кичикроқ ҳажмда ўқитилиб келган совет иқтисодиёти каби, 1950 йиллардан бошлаб совет ҳукумати ва муассасалари ҳақида ҳам ўқитила бошланди. Совет иқтисодий муассасалари ҳақида 1940 йиллардан бери Бирмингхам ва Глазков университетларида ҳам ўрганилаётган эди. Уруш, урушдан кейинги тезкор ривожланиш вақтида Англияда рус тадқиқотчиларининг ачинарли даражада етишмаслиги юзага чиқди. Унгача Британия университетлари ушбу соҳадаги машҳур олимлари сони билан мактаниши мумкин бўлса ҳам, улар совет масалалари ва рус тили бўйича битирувчиларни етарли билим билан таъминлай олмас эди. 1941 йилдан бошлаб таржимонлар, ахборотчилар, алоқа офицерлари каби иш олиб борувчи, рус тилида ўқиш ва гапиришга қобилиятли кишилар керак бўлиб қолди. Мактабнинг 2 гуруҳ аъзолари – инглиз-рус ва рус эмигрантлари томонидан маълум даражада маълумотлардаги узилишлар тўлдирилди»³. (Фикримизча, узилишлар деганда муаллиф XX асрнинг 30-йилларида мустабид тузум ўрнатилганлиги ва минтақа «ёпиқ зона» га айланганлиги натижасида маълумотлар олиш тўхтаб қолганлигини назарда тутган бўлса керак).

Иккинчи жаҳон урушидан кейин Осиё ва Америка мамлакатларида миллий озодлик ҳаракатининг ўсиб бориши англиялик ҳамда америкаликларни мазкур минтақага, жумладан, Ўрта Осиёнинг маҳаллий аҳолиси турмуш тарзини ўрганишга бўлган қизиқишларини янада ортирди. Англия ва Америкада Ўрта Осиё бўйича тадқиқот олиб борувчи махсус илмий тадқиқот марказлари ташкил топа бошлади ҳамда хориж илмий жамоатчилигида марказийосиёшунослик алоҳида ўрин эгаллай бошлади.

Бу мамлакатларда туркий халқлар тарихи, жўғрофияси, маданияти, маорифи, тили, этнографияси, урф-одатлари билан бир қанча илмгоҳлар шуғулландилар, жумладан, Индиана университети (АҚШ), Манчестер университети (Англия), Вашингтон университети (АҚШ) ва шу каби бошқа бир нечта илм масканларида туркий халқлар маънавий олами ўзгача қизиқиш билан ўрганилди.

АҚШда Ўрта Осиёни ўрганувчи асосий марказлардан бири Индиана (Блумингтон) университетидаги марказ бўлиб, у 1949 йилда ташкил

² The world of learning 1988. The standart and authoritative guide to educational scientific and cultural institutions all over the world. P. 1400-1410.

³ Frank V. S. Soviet studies in Western Europe, Britain // Survey. A journal of Soviet and East European studies. 1964. № 50. January. P. 91.

этилган. Дастлаб, у Урал ва Олтойни ўрганиш бўлими сифатида ташкил этилиб, илмий тадқиқотнинг объекти сифатида турк тили ва адабиёти, ўзбек ва татар халқлари адабиёти ҳамда тили, Мўғулистон, Тибет ва Оттомон (Усмон) империясига оид тадқиқотлар танлаб олинди. Вақтли нашрининг номи: «Осиё тарихи журнали». Кейинчалик, ушбу бўлим Ўрта Осиёни ўрганувчи асосий марказлардан бирига айланиб, бўлимнинг аъзолари сони ҳам ортиб, тадқиқот доираси кенгайди.

90-йилларда «Урал ва Олтой тадқиқоти» (Department of Uralic and Altaic studies) номи билан фаолият кўрсатаётган факультет Туркистон, турк фольклори, Ўрта Осиё, тарих, чигатой, ислом каби ўнга яқин тадқиқот бўлимларига эга бўлиб, уларда Ю. Брегель, Л. Кларк, В. Фейерман, М. Шахроний каби машхур олимлар иш олиб бордилар⁴.

1995 йилда мазкур марказ «Ички Осиёни ўрганиш бўйича тадқиқот институти» (RIFIAS)⁵ деб юритиларди. Айниқса, Ўрта Осиё, тарих, чигатой бўлими директори Ю. Брежелнинг Ўрта Осиё хонликлари тарихи ҳақидаги тадқиқотлари муҳим аҳамиятга эга.

50-йилларда Йель университети асосий илмий марказлардан бири сифатида машхур бўлди. Бу университет ҳақида хорижлик Ж.Орнстейн ёзишича, «50-йилларда Йель университети университетлараро илмий материаллар ташкил этиш – умуминсоний муносабатлар соҳасида марказ ролини ўйнади. У 50 га яқин университетлар аъзолигидаги акционерлик жамияти бўлган. Штаб библиографлар ва таржимонлар тайёрлайди, маълумотлар узилишини тўлдириш иш фаолиятига кўмаклашади. Марказ Чикаго университети билан поляклар, литваликлар чехлар ва словаклар, белоруслар ва украин каби этник гуруҳлар бўйича тадқиқот олиб бориш лойиҳа шартномасини рўйхатга киритди. Асосий эътибор эса совет Ўрта Осиёсига қаратилди. 1949 йилда соҳавий дастурлар унчалик мукаммал бўлмаган»⁶.

Туркистон – Америка Ассоциациясининг «Умид» (Hope) журналида ёзилишича: «50-йиллардан бошлаб Колумбия университети Ўрта Осиё бўйича ўқув курслари ва йўналишлар инструкцияси ва унинг тиллари ... бўйича Америка муассасалари ичида етакчилик қилди»⁷.

Америкалик Роберт Бурнеснинг таъкидлашича: «Америкада Россия ва Шарқий Европага тааллуқли дастурлар марказлардан кўпгина уни-

⁴ Survey of Central Asia Related Programs in North American Universities / Umid. Hope. Spring 1992. P. 47.

⁵ Каримов Э. Э. Суфийские трактаты в Центральной Азии XII – XV вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ташкент, 1998. С. 9.

⁶ Ornstein J. Slavic and East European studies. Their development and status. Washington. 1957. P. 27.

⁷ Umid (Hope). Vol. 1. 1992. Number. 2. Fall. P. 7.

верситет ва коллежларга тарқалди, ҳаттоки, олий мактабларда хорижий тил дастурлари ва ижтимоий фанлар курсларига таъсир этишни бошлади. Россия ва Шарқий Европа дастурлари ҳамда илмий тадқиқотлар учун дастурлар Америка маорифи учун фойдали бўлиб қолди. Масалан, жамиятни ўрганишда ижодкорлик ва маҳоратни шундай такомиллаштирдик, натижада Америка олимларига 1950 йил ўрталаригача сир бўлган муҳим маълумотлар кўпгина фанлардан самарали тадқиқот олиб борилиши учун янги усуллар яратилишига олиб келди. Пировардида, жамиятни жадал ўрганишнинг бизникидан фарқини ўзимизнинг мавжуд тузум ва бошқа жамиятларнинг ўтмиши ҳамда ҳозирги кунини яхшироқ тушунишимизга имкон берди»⁸.

Ж. Орнстейн⁹ ва Ю. С. Ахтямова¹⁰ нинг тадқиқотларида келтирилган маълумотларда қайд этилишича, 50-йилларда бошқа ҳудудлар масалалари билан бир қаторда Ўрта Осиё тадқиқотлари билан ҳам шуғулланган қуйидаги асосий илмий марказлар мавжуд бўлган:

Колумбия университети рус институти (Нью-Йорк шаҳри)

Гарвард университети Рус тадқиқоти маркази (Кэмбридж шаҳри)

Массачусетс технология институти халқаро алоқаларни ўрганиш маркази (Кэмбридж шаҳри)

Мичиган штати Давлат университети Узоқ Шарк ва Осиё программаси (Лэнсинг шаҳри)

Мичиган университети Узоқ Шарк тадқиқотлари программаси (Ан-Арбор)

Пенсильвания университети халқаро алоқалар факультети (Стэнфорд Филадельфия)

Стэнфорд университети Тинчлик, Осиё ва рус программаси (Стэнфорд)

Вашингтон университети Узоқ Шарк рус институти (Сиэтл)

Гавайя университети совет Ўрта Осиёни ўрганиш маркази (Гонолулу)

Йель университети ҳузуридаги жамият алоқаларини ўрганиш маркази (Нью-Хейвен).

Юқорида таъкидлаб ўтилганидек, махсус бошқарувчи марказлардан бири славяншуносликни ривожлантириш Америка Ассоциацияси

⁸ Burnes R. F. USA: Work at the universities // Survey. A journal of Soviet and East European studies. 1964. №. 50. P. 62.

⁹ Ornstein J. Slavic and East European studies. Their development and status. External research paper. 1957. P. 129.

¹⁰ Ахтямова Ю. С. Национальная политика Советской власти в Средней Азии в американской буржуазной историографии (1917-1970): Дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1973. С. 61.

(American Association for the Advancement of Slavic Studies – AAASS) дир. Ушбу ассоциация бир қанча йиллар давомида собик Иттифок ва Шарқий Европа фаолият соҳаси бўйича маълумотларни тўплаш ва таҳлил қилиш лойиҳаси бўйича шуғулланиб келди. Иккинчи жаҳон урушигача Қўшма Штатларда ушбу регионлар бўйича қизиқишларга алоҳида эътибор жалб қилинмаган эди. Ассоциацияни федерал ҳукуматнинг ўзи кучли мутахассислар ва ўқув қуролларининг етишмаслиги билан боғлиқ катта қийинчилик шароитида ташкил этди. Унинг дастлабки тадқиқотлари фақат адабиёт, тил ва тарих соҳаларига оид бўлиб, бошқа анъаналарга алоҳида эътибор бериш фақат 1950 йиллардан кейин бошланди. 50-йилларнинг охириларида маданият соҳасида тузилган шартномалар... тараққиёт йўлида йирик ўзгаришларга сабаб бўлди. 1960 йилларда эса талабаларни ҳам рўйхатга киритган, янги фаолият турлари яратилган дастурлар ишлаб чиқилган янги институтлар сони ортиб борди»¹¹.

Собик СССР ФА Шарқшунослик институти сектори бошлиғи бўлиб ишлаган тарих фанлари доктори В. Ф. Ли замонавий шарқшунослик ҳақида қуйидагича фикр билдирган эди: «АҚШ буржуа шарқшунослари урушдан кейинги иккинчи ва учинчи ўн йилликларда шиддатли миллий озодлик ҳаракатлари ва улардаги ижтимоий-иқтисодий ва маданий ислохотлар тараққиёти ҳақидаги ҳар хил маълумотларни илмий қайта ишлаш ва тўпланганларни тартибга солишга ғайрат билан киришдилар.

Хукмрон синф манфаатларига жавоб берувчи фандаги йирик силжишларга биринчи навбатда ҳал қилувчи даражада давлат монополистик характеридаги акциялар чиқариш натижасида эришилганди. 1958 йилда махсус ишлаб чиқилган ва қабул қилинган «Миллий манфаатларни мудофаа қилишни ўқитиш ҳақидаги қонун»да Америка университетлари етакчилигида фаолият кўрсатадиган кенг тармоқдаги шарқшунослик илмий марказларини ташкил этиш ва академик базада ижтимоий соҳадаги кадрлар тайёрлашни анчагина кенгайтириш учун федерал маблағ ажратиш кўзда тутилганди. АҚШда ушбу қонун кучга кирган дастлабки ўн йилликнинг ўзидаёқ Осиёдаги миллий тил гуруҳларини ўрганиш деярли 60 та марказда қабул қилинган 98 та илмий марказлар тузилди. Халқаро кескинликни юмшатиш шароитида комитетнинг либерал реформистик таъсири АҚШдаги бошқа шарқшунослик тадқиқотлари билан шуғулланувчи «Америка шарқшунослари жамияти», «Осиё тадқиқотлари Ассоциацияси» бошқа илмий ташкилотларга ижобий таъсир этди...»¹².

¹¹ Atkinson D. Soviet and East European studies in the United States // Slavic review. 1988. № 3. P. 397.

¹² Востоковеды США. История, социология, политические науки. 1960-1975. Библиографический справочник / Сост: Исаев В. И. М.: ВГБИЛ, 1978. С. 7.

Англиядаги «Ўрта Осиё тадқиқоти маркази» (Central Asian Research Center) асосий йирик марказлардан бири бўлиб, у 1953 йилда мавжуд туркология маркази негизида ташкил этилган. Унинг асосий мақсади университетларда ва бошқа тадқиқот муассасаларида олиб борилаётган тадқиқотлар сингари собиқ Иттифоқ ва Осиё масалаларини ўрганишдаги етишмовчиликларни тўлдириш эди.

«АҚШнинг Гарвард университети қошида 1960 йилларда Америкада энг йирик ҳисобланган «Рус тадқиқоти маркази»да профессор Р. Пайпс раҳбарлигида биринчи маротаба «Рус ислом тадқиқоти» дастури ишлаб чиқилган, унда Ўрта Осиё мусулмон халқлари ҳаётига ҳам алоҳида аҳамият берилган»¹³.

Буюк Британиянинг Глазгов университетида 1963 йилда собиқ Иттифоқ ва Шарқий Европа тадқиқотлари институти (Institute of Soviet and East European Studies) ташкил этилган бўлиб, шу ҳудудлар бўйича барча ижтимоий фанлар соҳасида илмий тадқиқот, ўқитиш ва нашриёт фаолиятини олиб борган. Унинг кўпроқ рус ва бошқа Шарқий Европа тилларидаги 16.000 китоб ва памфлети бор бўлган кутубхонаси мавжуд.

1967 йилда Лондон университетида халқаро тадқиқотлар маркази (Center for International Studies) ташкил топган бўлиб, у халқаро тадқиқотлар, айниқса собиқ Иттифоқ Хитой ва Европа халқлари бўйича илмий тадқиқотлар олиб боради.

«АҚШда Совет Иттифоқини ўрганиш бўйича шуғулланадиган 170 та илмий тадқиқот муассасаларидан 50 таси Ўрта Осиё республикаларини ўрганиш бўйича иш олиб борди. Уларда «Ўртаосиёшунос – советологлар» тайёрланди. 1960-1965 йилларда фақат АҚШнинг ўзида Совет Иттифоқи бўйича 38 нафар фан доктори – регионал мутахассислар тайёрланиб, улардан 12 нафари Ўрта Осиё бўйича мутахассис эди»¹⁴.

АҚШда йиллар ўтиши билан янги марказлар ташкил этилиши ҳисобига марказларнинг сони ортиб борди. Бу ҳақда Р. Т. Саримсақов ўз диссертациясида ҳам таъкидлаб: «1950 йиллардан то 1980 йилларгача бўлган даврда советологик марказлар сони 3 тадан 150 тагача ўсди. Бундан ташқари, АҚШда Совет Иттифоқи ва социалистик мамлакатлар масалаларига тегишли мавзу билан шуғулланувчи 20 та ихтисос-

¹³ Э р г а ш х ў ж а е в а Г. 20-йиллар Ўрта Осиё хотин-қизлар эмансипацияси масалалари француз тарихшунослиги талкинида: Тарих фанлари номзоди дис.... Тошкент, 1996. 38-бет.

¹⁴ Величие советского строя и бессилие его фальсификаторов. Критика извращений прошлого и настоящего Узбекистана / Отв. ред. Хайруллаев М. Ташкент: Фан, 1975. С. 4.

лаштирилган илмий марказлар мавжуд. Бу марказларда, асосан, Совет Иттифоқи бўйича ишлар жамланган бўлиб, мазкур марказларда Ўрта Осиё тарихи бўйича мутахассислар ҳам иш олиб боришган»¹⁵ лигини эътироф этади. Ўрта Осиё тарихи бўйича шуғулланган хорижлик тадқиқотчилар илмий фаолиятининг муҳим томонларидан бири сифатида шуни қайд этиш лозимки, улар ўз ватандошларининг асарларини ўрганиш билан бир каторда жаҳоннинг турли мамлакатларида нашр этилган Ўрта Осиёга тааллуқли адабиётларни ҳам ўрганиб, улардан самарали фойдаланганлар. Шунингдек, уларнинг асарларида рус ва Ўрта Осиё манбалари ҳам қайд этилиб, асосий эътибор рус тадқиқотчилари асарларига қаратилган эди. Илмий марказлар ташкил этиш 80-йилларда ҳам давом эттирилди.

Шуни қайд этиш жоизки, 80-йилларда Ўрта Осиё бўйича тадқиқотлар Ўрта Шарқ тадқиқотларининг бир қисми сифатида ҳам ўрганилади.

1978 йилда Колумбия университетининг Ўрта Шарқ тиллари ва маданияти бўлимида Ўрта Осиё тўғараги очилган эди. Тўғарак машҳур ўзбекшунос олим Э. Оллворт ташаббуси билан ташкил этилган бўлиб, Ўрта Осиё, Каспий денгизидан Хитойдаги Урумчигача, Хитойнинг Уйғур автоном области, Афғонистондан Россия Федерациясигача, Кавказ ва собиқ Совет Иттифоқининг бошқа туркий мусулмон гуруҳлари бўйича тадқиқот олиб бориш тўғаракнинг кизиқишлари доирасига киради. Ушбу тўғарак базасида 1984 йил 13 майда, «Нью-Йорк Таймс» рўзномаси хабарига кўра, «Ўрта Осиё тадқиқоти маркази» ташкил этилган. Марказ факатгина Ўрта Осиё масалаларини ўрганиш билан чекланиб қолмай, балки Шарқий Хитой, Афғонистон масалалари билан ҳам шуғулланади. Мазкур марказ Ўрта Осиёнинг турли жабҳалари бўйича тадқиқот олиб бориб, унинг тарихи, ҳозирги замон муаммоларини ҳам эътиборга олади. Марказ ташаббуси билан турли учрашувлар, анжуманлар ўтказилди, ташкил этилган кутубхонада эса вақтли матбуот, китоблар билан бирга қўлёзмалар, нодир ёзма манбалар ҳам сақланади.

Марказ раҳбарларидан бири Э. Оллворт сўзлари билан айтганда, хомийларнинг бегараз ёрдами ва тадқиқотчиларнинг саъй-ҳаракати туфайли қўлёзмаларни нашр қилиш ва библиографик кўрсаткичлар тайёрлаш ишлари амалга оширилди.

1985 йилдан кейин бутун собиқ Совет Иттифоқи бўйлаб бошланган қайта қуриш, 1991 йилда собиқ СССР парчаланиб, Ўрта Осиё республикаларининг мустақил тараққиёт йўлига ўтиши Ғарб жамоатчилиги диққатини ҳам жалб этди. Хорижда Ўрта Осиё республикаларининг у

¹⁵ Сарымсakov P. T. Современная американская буржуазная литература о национальных отношениях в Средней Азии: Дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1973. С. 29.

ёки бу масалалари назарий асосларга таяниб, ўзгаришларнинг объектив – тарихий характери кўрсатишга ҳаракат қилина бошлади.

«Умид (Hope)» журнали «Ўрта Осиё республикалари мустақил бўлган, халқаро тан олинган бугунги кунда Колумбия университети Ўрта Осиё дастурини давом эттириш Америка ва Ўрта Осиё бир-бирини яхшироқ тушуниши учун информациялар алмашишда ва уларни ўрганишда ҳаётий, муҳим роль ўйнайди»¹⁶, деб умид билдиради.

АҚШ ва Англияда марказлар ташкил этиш ҳамда уларнинг фаолиятига алоҳида эътибор бериш ишлари ҳозирги кунларда ҳам давом эттирилмоқда. Яқинда Гарвард (АҚШ) университетидаги Ўрта Шарқ тадқиқотлари ва Рус илмий тадқиқоти марказлари Гарвард университетида Ўрта Осиё тадқиқотларини янада кучайтириш ташаббуси билан чиқди.

Ҳозирги кунда биргина Шимолий Америка университетларида 50 га яқин Ўрта Осиё бўйича дастурлар фаолият кўрсатмоқда.

Хориждаги марказларни иқтисодий жиҳатдан таъминлашда фондларнинг роли ниҳоятда катта. АҚШдаги мана шундай йирик фондлардан бири Карнеги фонди бўлиб, у 1911 йилда ташкил этилган эди. Орадан икки йил ўтгач эса Рокфеллер фонди пайдо бўлди. Кейинроқ бирин-кетин Даунфорт, Дьюк, Гугенхейм, Хартфорд, Келлог, Розенберг ва бошқа фондлар вужудга келди. Иккинчи жаҳон уруши тугаганидан сўнг фондлар пайдо бўлишининг иккинчи ривожланиш босқичи бошланиб, Форд, Меллон, Пью, Кайзер, Муди, Ричардсон, Мотт ва бошқа фондлар ташкил этилди. «Расмий маълумотларга кўра, 1915 йилда мамлакатда 25 та шундай муассасалар мавжуд бўлган бўлса, 1948 йилда – 899, 1955 йилда – 4162, 1960 йилда – 5202, 1967 йилда – 6803 та фонд мавжуд эди. 1971 йилда эса АҚШда 5,5 минг»¹⁷ фонд фаолият кўрсатган бўлса, ҳозирги кунларда мавжуд бўлган фондларнинг сони ҳақида аниқ рақамга эга эмасмиз.

Шундай қилиб, АҚШ ва Англияда XX аср давомида Ўрта Осиё масалаларига алоҳида қизиқиш билан қараганлар. Шуни ҳам қайд этиш лозимки, давлатлар ўртасидаги, айниқса, Англия ва Россия, АҚШ ва собиқ Иттифок ўртасидаги муносабатлар тадқиқотлар мавзусига, Ўрта Осиё минтақасини ўрганишга ҳам бевосита таъсир кўрсатди.

АҚШ ва Англияда Ўрта Осиё халқлари тилини ўрганиш, Ўрта Осиёни ҳар томонлама тадқиқ этиш муҳим вазифа сифатида қабул қилинган марказлар ташкил этилди. Бу марказлар фаолиятини ўрганиш муҳим аҳамиятга эга.

¹⁶ Umid (Hope). Vol. I. 1992. Number 2. Fall. P. 15-16.

¹⁷ К а н и н г е м М. Частные деньги и общественная служба. Роль фондов в американском обществе // Общественные науки за рубежом. 1974. № 3. С. 127.

О. Масалиева

Формирование и развитие основных научных центров по изучению истории Средней Азии в США и Англии

В статье рассматривается образование в США и Англии основного научного центра по изучению истории Средней Азии. Перечисляются созданные на протяжении XX в. центры и обосновываются их цели. Показан рост числа таких центров XX века – их насчитывается свыше ста.

O. Masaliyeva

Foundation and development main scientific centres leaning of history Central Asia in the USA and England

In this article examined about main scientific centres founded in the USA and England. Enumerated centres which founded during the XX century and their aims. Showed to increase such centres in the XX century above hundred.

М. Рахимов

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XIX ВЕКЕ – НАЧАЛЕ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ АНГЛО-РУССКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА (историко-историографический анализ)¹

В XIX в. происходят крупные политические и геополитические преобразования в Центральной Азии, под воздействием комплекса внутренних и внешних факторов. Начиная со второй половины XIX в., регион стал сферой военной экспансии царской России и ее полной политической гегемонии в Центральной Азии в 1867-1917 гг.

Как известно, XIX в. – начало XX в. в мировой истории отличаются ярко выраженным противоречием и обострением колониальных

¹ Статья подготовлена на основе работы автора в библиотеках Кембриджского Университета (Великобритания) в 2007 г. и Университета Гиссен (Германия) в 2009 г.

интересов Великобритании, Германии, Франции, России в разных регионах мира. Важное геостратегическое и геоэкономическое значение Центральной Азии является основанием активизации политики царской России и Великобритании и включением в этот процесс соседних стран региона – Турции, Ирана, Афганистана, Китая и др.

Россия аргументировала свою политику в Центральной Азии, прежде всего, необходимостью развития торговых отношений, Великобритания, напротив, мотивировала «угрозой Индии» со стороны России. Однако в реальности оба государства наиболее отчетливо, особенно со второй половины XIX в., преследовали цель установления военно-политического господства в регионе. В мировой историографии соперничество России и Великобритании в Центральной Азии было названо «Great Game» («Большая игра») и получило достаточно широкое освещение в исследованиях конца XIX – XX вв.² Особое значение в этом плане представляет шеститомное издание «Британия и Россия в Центральной Азии. 1880-1907». Оно вышло в свет в 2008 г. и включает в себя основные российские и британские источники, документы и воспоминания по англо-русскому соперничеству в Центральной Азии³. В частности, первый том в основном состоит из воспоминаний русских и британских военных, а также документов и соглашений, подписанных в разные годы царской Россией и Великобританией. Второй том состоит из двух частей и включает труды Чарльза Марвина «Русские у ворот Герата» и Германа Вамбери «Предстоящая борьба за Индию». Третий том содержит воспоминания британского генерал-губернатора Чарльза Магрегори «Защита Индии», и четвёртый том – труд Г. Курзона «Россия в Центральной Азии». Пятый том состоит из 3 частей: «Отчёт миссии в китайский Туркестан и Бадахшан в 1895-1896 гг.» Н. Елиаса; «Британцы и русские встретились на Памире» британского капитана Ф. Янгхусбанда и «Внешняя политика Тибета» Э. Кавачути, шестой том – работу Персевало Ландона «Открытие Тибета».

² Х а л ф и н Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX – начало XX в.). М., 1959; Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872-1995 гг. СПб., 1886. С. 4-6.; К и н я п и н а Н. С., Б л и е в М. М., Д е г о е в В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М.: МГУ, 1984. С. 298; U r q u h a r t D. Diplomatic transactions in Central Asia from 1834 to 1839. London, 1841; R a w l i n s o n N. England and Russia in the East. London. 1875; S w a r t z M. The politics of policy in the era of Disraeli and Gladstone. St. Antony's College, Oxford. 1985. P. 25; R a w l i n s o n H. C. The Russian advance in Asia // The nineteenth Century. 1885. № XCVIII; Х и д о я т о в Г. А. Англо-русские отношения в Средней Азии в конце XIX столетия. Ташкент: Фан, 1969 и мн. др.

³ Britain and Russia in Central Asia 1880-1907. Edited by Martin Ewans. Vol. I-VI. Routledge, London; New York, 2008.

Многотомник «Британия и Россия в Центральной Азии. 1880-1907» позволяет шире рассмотреть русско-британские отношения и противоречия в контексте внутривосточных и внешнеполитических факторов.

Следует отметить, что внешнеполитическая стратегия Великобритании XIX в. характеризовалась ярко выраженной приверженностью к континентальности и империализму⁴. Представители различных наук и дисциплин также способствовали теоретико-методологическому обоснованию геополитических устремлений Великобритании в разных частях мира. Среди них особо выделяется английский географ Халфорд Маккиндер, который внес огромный вклад в развитие мировой геополитики. Маккиндер особо выделяет Центральную Азию как *Hartland* (сердцевину мира), владение которой он рассматривал как основу мирового господства⁵. Он разработал и ввел в практику теорию «Географическая ось истории», разделив мир на три части – осевой регион, страны внутреннего полумесяца и государства внешнего полумесяца. Под термином «осевой регион» были обозначены срединные просторы Евразии. Следует заметить, что идеи Маккиндера были и остаются актуальными и по сей день. Так, книга известного американского государственного деятеля и политолога З. Бжезинского «Великая Шахматная доска» почти полностью основывается на концепции Маккиндера⁶. В этой книге З. Бжезинский отмечает огромную важность Евразии в мировой политике и необходимость геополитического плюрализма в Евразии.

Что касается Российской империи, то она, в свою очередь, также стремилась расширить сферу своего политического, военного и экономического влияния на обширном Евразийском пространстве. Так, к середине XIX в. царская Россия приступает к активным боевым действиям и начинает экспансии территории региона, где впоследствии создаётся Туркестанское генерал-губернаторство.

В процессе завоевания государственных образований на территории Центральной Азии для царской России была необходима удобная внешнеполитическая конъюнктура, поскольку Великобритания, являясь соперником России, проявляла особую настороженность в этом вопросе, в частности, отправляла послов к Хивинскому хану с предупреждением о возможности захвата ханства войсками царя. В 1872 г. состоялась встреча императоров Германии, Австро-Венгрии и России, завершив-

⁴ Swartz M. The politics of policy in the era of Disraeli and Gladstone. St. Antony's College, Oxford, 1985. P. 25.

⁵ См. Mackinder H. Geographical Pivot of History // Geographical Journal, 1904.

⁶ Zbigniew Brzezinski. The Grand Chessboard. 1997.

шаяся подписанием в 1873 г. между сторонами соглашения⁷. Документ включал пункт о предоставлении каждой из сторон 200 тыс. армии в случае нападения других держав на одну из них⁸. Данный союз позволял царской России рассчитывать на поддержку Германии и Австро-Венгрии в случае возникновения конфликта между Россией и Англией в Центральной Азии, хотя в 1872 г. представитель императора России дипломат П. А. Шувалов передал английскому правительству послание Александра II, в котором он обещал не включать Хиву во владения России⁹. Однако в следующем году Хивинское ханство было подчинено и в результате договора, подписанного в августе 1873 г., Хивинский хан признавал вассальную зависимость от царской России, отказывался от прямых внешнеполитических отношений с другими государствами и заключения с ними новых договоров без согласия России.

В XIX в. в контексте геополитических интересов России и Великобритании в Центральной Азии важную роль начинает играть Афганистан, объединенный в 1820-1830-е годы под властью кабульского эмира Дост-Мухаммеда¹⁰. Между тем Британия также рассматривала Афганистан как стратегически важную территорию в Центрально-азиатском регионе. С одной стороны, Лондон видел в Афганистане, примыкающем к северо-западным границам Британской Индии, перспективный рынок для своих товаров и государство, через которое шла транзитная торговля с Центральной Азией и Хорасаном. Овладение прочными позициями в Афганистане обеспечивало Великобритании связь Северной Индии с центральноазиатскими рынками. С другой стороны, геополитически Афганистан рассматривался в Лондоне как буферное государство на подступах к Британской Индии и перспективный плацдарм для колониальной экспансии Центральной Азии¹¹. Царская Россия же стремилась упрочить свои позиции в Центральной Азии и не допустить доминирования Англии в Афганистане¹². Вместе с тем Россия и Великобритания как конфликтовавшие стороны вели активные взаимные дипломатические переговоры по различным ас-

⁷ Jelavich B. St. Petersburg and Moscow. Bloomington, London, 1974. P. 199-200.

⁸ Кривошеев М. В. Россия и Средняя Азия // История России: Россия и Восток. Соств. Сандулов Ю. А. СПб.: Изд. «Лексикон», 2002. С. 243.

⁹ Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872-1895 гг. СПб., 1886. С. 4-6; Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. С. 298.

¹⁰ Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане.

¹¹ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. С. 231-252.

¹² Там же. С. 237.

спектам международных отношений на Востоке и, в частности, в Центральной Азии¹³. Так, обе стороны, предварительно обсудив между собой, выступили за мирное урегулирование между Ираном и Хивинским ханством в 40-е годы XIX в. Подобные сближения Англии и России были вызваны рядом факторов, в частности, поражением Англии в англо-афганской войне (1838-1841), приведшей к отступлению англичан из Афганистана, заключением в 1841 г. мирного договора. После этого Великобритания, как и царская Россия, пытались согласовывать свои действия.

Тем не менее, в военных кругах России понимали, что империя может нанести удачный удар по Англии в Центральной Азии. Об этом свидетельствуют многочисленные записки и отчеты высокопоставленных административных и военных чиновников¹⁴. В частности, высокий чиновник внешнеполитического ведомства России И. Игнатьев писал, что «относительно положения России и Англии в Азии будет зависеть значение наше в целом свете»¹⁵. Британские же исследователи отмечают, что главная цель продвижения России в Среднюю Азию состояла в создании потенциальной угрозы Индии с тем, чтобы при возникновении в Европе ситуации, аналогичной восточному кризису 50-х годов XIX в., иметь возможность отвлечь англичан проблемой безопасности их колоний и таким образом отбить у Лондона желание развязать войну¹⁶.

Многие советские исследователи, исходя из идеологических установок того времени, утверждали, что «русской угрозы» Индии не существовало¹⁷. Однако в действительности имелись многочисленные факты, позволяющие утверждать, что у России стояло на повестке дня достижение Индии как в экономическом, так и в политическом плане. В частности, в 1800 г. Российский император Павел I в целях совместных действий рассчитывал на союз с Наполеоном Бонапартом, который искал возможные пути завоевания Индии¹⁸.

¹³ Ingle H. N. Nesselrode and Russian rapprochement with Britain 1836-1844. Berkeley-Los Angeles-London, 1976. P. 150-151.

¹⁴ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. С. 257-259; Игнатьев Н. П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. СПб., 1897. С. 2-3.

¹⁵ Игнатьев Н. П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. С. 2-3.

¹⁶ Gillard D. The Struggle for Asia. 1828-1914. London, 1977. P. 145.

¹⁷ Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX – начало XX в.) и многие другие работы.

¹⁸ Кривошеев М. В. Россия и Средняя Азия // История России: Россия и Восток. С. 210.

Следует заметить, что Россия и Великобритания не только шли на взаимные конфликты, но и часто находили общие позиции в разграничении сфер влияния. Так, в 1873 г. Россия и Англия пришли к соглашению о признании независимости Афганистана. Тогда Лондон полагал, что Афганистан в результате соглашения переходил в протекторат Англии, а в Петербурге считали, что соглашение превращает Афганистан в «нейтральную зону». Однако ситуация вновь осложнилась и сторонники активизации политики в отношении Афганистана в Петербурге и Лондоне нагнетали обстановку заявлениями о полной торгово-экономической гегемонии соответственно Британии и России в этой стране. Стремясь перехватить у Лондона инициативу в Афганистане, Петербург направил в 1878 г. в Кабул специальную миссию во главе с генералом Н. И. Столетовым с предложением к новому афганскому эмиру Шер-Али перейти под покровительство России. Эмир поддержал идею союза с Россией. Английское правительство в ответ на это посчитало необходимым ввести в Афганистан свои войска, заняв три ключевых перевала на горном хребте Гиндукуш, на подступах к индийским рубежам¹⁹. Эмир Шер-Али тайно бежал из Кабула, а престол эмира унаследовал его сын Якуб-хан, которого вице-король Индии лорд Литтон принудил подписать 26 мая 1879 г. выгодный для Великобритании Гандамакский договор.

В начале октября 1879 г. восставшие афганские солдаты уничтожили английскую миссию в Кабуле. Англо-афганская война продолжилась под руководством племянника Шер-Али Али Абурахмана. В это время Россия захватывает Ахалтекинский оазис и в январе 1881 г. расположенная в центре оазиса крепость Геок-Тепе после долгой и жестокой осады была взята²⁰. После подчинения Туркмении Россия получила контроль над ключевым звеном Евразии – связью Кавказ – Туркестан.

В то же время Россия начала вести переговоры с Шахом Ирана о разграничении территорий между сторонами – посредником выступал представитель Англии. Между тем сложные переговоры между представителем России и шахом Ирана велись в глубокой тайне от английского представителя²¹, т. е. в процессе обсуждения были применены все методы дипломатии, включая «подковёрную». По результатам перего-

¹⁹ Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX – начало XX в.). С. 92-98.

²⁰ Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880-1881 гг. Спб., 1883. Т. II.

²¹ Хидояттов Г. А. Указ. соч. С. 393, 415; Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX в. Ташкент, 1964. С. 57.

воров в 1881 г. была подписана конвенция о разграничении территории между Россией и Ираном к востоку от Каспийского моря.

В начале 1880 г. обостряются отношения Великобритании и России в Афганистане. Значительная часть Афганистана была оккупирована британскими войсками и между афганским эмиром Али Абдуррахманом и представителем Великобритании было заключено мирное соглашение, которое сохраняло британский контроль над внешней политикой Афганистана. Однако на протяжении 1882-1891 гг. Али Абдуррахману при дипломатической и военно-технической поддержке со стороны Лондона удалось подчинить своей власти памирские княжества Шугнан, Рушан, Вахан, Зебак и Ишкашим²². В то же время Россия также активизировала действия на Памире, в результате чего в 1891 г. восточная его часть, в основном населенная приверженцами исмаилитов, была присоединена к царской России и включена в состав Ферганской области, а Западный Памир, при согласии Петербурга, завоеван вассальным от России Бухарским эмиратом.

В конце 1880 г. в политических кругах Великобритании стали высказываться предложения о необходимости улучшения отношений с Россией. В частности, в 1887 г. британский премьер-министр Солсбери на парламентском заседании отметил, что в Азии достаточно места и для русских, и для англичан²³. В результате между Россией и Англией начинается новый раунд переговоров по Афганистану. Так, на российско-английских переговорах в Лондоне в 1885 г. было принято решение об определении северо-западной границы Афганистана. А в 1887 г. подписан окончательный протокол, которым устанавливалась русско-афганская граница от Герируда на западе до Амударьи на востоке, проведение российско-афганской границы от озера Зоркуль параллельно Гиндукушу к Кашгарию. Соглашение предусматривало создание между российскими владениями на Памире и британскими владениями в Индии нейтральной территории, так называемого «Ваханского коридора», который отходил к Афганистану. Тем самым граница российских сфер влияния с Афганистаном была окончательно определена и прошла по реке Пяндж до озера Зоркуль и далее параллельно Гиндукушу до владений империи Цинь, на Памире граничили с Китаем по Сарыкольскому хребту. Статус Афганистана в отношениях между Россией и Великобританией был определен англо-русской конвенцией 1907 г., согласно которой Россия

²² Britain and Russia in Central Asia 1880-1907. Edited by Martin Ewans. Vol. I. Routledge, London; New York, 2008. P. 7.

²³ P o p o w s k i J. The Rival Powers in Central Asia or the Struggler between England and Russia in the East. Trans. From the German. Westminster, 1893. P. 78.

официально признала политическое преимущество Англии в этой стране при сохранении принципа торгового равноправия²⁴.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. царская Россия и Великобритания ведут активную внешнеполитическую борьбу за доминирование в Центральной Азии с активным применением военно-стратегических, дипломатических и торгово-экономических действий не только в регионе, но и в широком международном аспекте. На интенсификацию противоречий между сторонами сильное влияние оказали как внутривнутриполитические процессы в России и Великобритании, так и перемены в региональной и международной конъюнктуре.

М. Раҳимов

**XIX аср – XX аср бошларида Марказий Осиёдаги
халқаро муносабатларнинг Англия ва Россия
рақобатчилиги контекстидаги хусусиятлари**

Мазкур мақолада XIX аср ва XX аср бошларида Марказий Осиёдаги халқаро муносабатлар жараёнлари, шунингдек, минтақада Англия ва Россия рақобатчилиги кенг манбалар асосида ёритиб берилди. Муаллиф томонидан Англия ва Германия кутубхоналаридаги адабиётлардан кенг фойдаланилган.

M. Rakhimov

**International relations in Central Asia
in 19 – first part 20 century in the context
of Anglo-Russian vitalities**

The paper is attempt to analyze the process of international relation in Central Asia in period of 19-beginning 20 centuries and vitalities between Britain and Russian over domination in Central Asia and Afghanistan. The research also based on the academic visits of the author to the Cambridge University (UK) and University of Giessen, Germany.

²⁴ Britain and Russia in Central Asia 1880-1907. P. 19, 437-444.

Этнология масалалари

А. Тагаев

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ В НУРАТИНСКОМ ОАЗИСЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Как известно, развитие какого-либо этноса невозможно без наличия перманентных контактов с иными этническими группами. Характер и содержание межэтнических отношений традиционно обуславливаются общими экономическими, политическими и культурными интересами различных этносов. При этом межэтнические контакты особенно активны в так называемых «этноконтактных зонах», которые отличаются пестротой своего этнического состава. К таким активным этноконтактным зонам следует по праву отнести Нуратинский оазис первой половины XX в., сыгравший определенную роль в консолидации узбекского народа.

Отечественными исследователями-этнологами изучен обширный спектр вопросов, касающихся экономических, политических и культурных аспектов межэтнических отношений на примере различных регионов Узбекистана¹. В рамках данной статьи впервые предпринимается попытка анализа межэтнических отношений с точки зрения экологической перспективы. Данный анализ осуществлён на основе «концепции экологических ниш», разработанной основателем конструктивистской школы современной этнологии Фредериком Бартом. Апробация вышеупомянутой концепции впервые осуществлена Ф. Бартом на примере территории Северного Пакистана в 1956 г.² В своем следующем труде,

¹ См.: Губаева С. С. Население Ферганской долины в конце XIX – начале XX в. (Этнокультурные процессы). Ташкент: Фан, 1991; Қайумов А. Р. XIX аср охири – XX аср бошларида Сурхон-Шерабод водийсидаги этник жараёнларнинг баъзи омиллари // O'zbekiston tarixi. Тошкент, 2001. № 4. 27-31-бетлар; Абдуллаев У. С. Фарғона водийсида этнослараро жараёнлар. Тошкент: Янги аср авлоди, 2005; Маликов А. М. Узбеки группы кунграт долины Зарафшана в XIX – начале XX в. Самарканд, 2007; Турсунов Н. Н. Этнические особенности населения Южносурханского оазиса (конец XIX – начало XX века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2006; Бўриев О., Усмонов М. Ўзбеклар: этник тарихи ва этномаданий жараёнлар. Самарканд, 2008; Курбанов А. Э. Этнические и локальные особенности традиционной культуры жителей Северосурханского оазиса (конец XIX – первая половина XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2009 и др.

² Barth F. Ecologic relationships of ethnic groups in Swat, North Pakistan // American Anthropologist. Vol. 58 (6). 1956. P. 1079-1089.

вышедшем в свет в 1969 г., он попытался более четко сформулировать концепцию экологических ниш³.

Сущность данной концепции заключается в том, что экологическая взаимозависимость различных этнических групп способна принять несколько различных форм, для которых можно выстроить условную типологию. По Ф. Барту, в регионах более устойчивых и интенсивных контактов двух или более этнических групп их адаптация может принять следующие формы:

1. Этнические группы могут занимать совершенно разные ниши в природной среде и в минимальной степени конкурировать за ресурсы. В этом случае их взаимозависимость будет ограничена, несмотря на совместное проживание на одной территории: взаимодействие будет происходить преимущественно в сфере торговли.

2. Этнические группы могут монополизировать отдельные территории, в этом случае между ними начинается конкуренция за ресурсы, следствием которой станет взаимодействие в местах соприкосновения.

3. Этнические группы могут предоставлять друг другу необходимые товары и услуги, т. е. занимать взаимообусловленные, а значит разные, хотя и тесно взаимосвязанные ниши. Если этнические группы, помимо прочего, конкурируют и учитывают взаимные интересы, это приведет к более тесному экономическому и политическому взаимодействию с открытыми возможностями для выработки других форм взаимосвязи.

4. Две или более взаимодействующие группы вступают, по крайней мере, в частичную конкуренцию внутри одной ниши. Со временем можно ожидать, что либо одна такая группа вытеснит другую, либо они приспособляются друг к другу, постоянно развивая взаимодополняемость и взаимозависимость⁴.

В западной антропологической литературе можно без труда найти типовые случаи, подходящие под одну из этих форм⁵. Однако внимательный взгляд на большую часть эмпирических данных обнаружит множество смешанных случаев, которые только посредством условного упрощения могут быть сведены к типам.

³ Barth F. Ethnic groups and boundaries (Introduction). Oslo, 1969.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ См.: Abraham Rosman, Paula G. Rubel. Nomad-Sedentary relations in Iran and Afghanistan. – International Journal of Middle East Studies. Vol. 7. 1976. No. 4 Oct. Pp. 545-570; Thomas Hylland Eriksen. Ethnicity and Nationalism. Second edition. 2002; Его же. Economies of ethnicity. A handbook of economic Anthropology. 2006; Его же. Small Places Large Issues. Third Edition. An Introduction to Social and Cultural Anthropology. 2010 и др.

В рамках данной статьи проанализируем межэтнические контакты, имевшие место в Нуратинском оазисе в первой половине XX в., на основе вышеприведенных форм концепции экологических ниш. Для этого прежде всего требуется определить акторов (участников) межэтнического взаимодействия, в качестве которых выступало оседлое (узбеки, таджики) и полукочевое (казахские и каракалпакские роды) население, проживавшее на территории Нуратинского оазиса в рассматриваемый период.

Настоящее исследование географически охватывает центральную часть Нуратинского хребта с прилегающей территорией (с востока – пустыней Кызылкум, с запада – Нуратинским межгорьем). Данный регион представлял собой небольшой, естественно сложившийся экономический микрорайон с селением Сентаб в центре, где вследствие разнообразия природных условий издревле сложились три различных хозяйственных типа. В пустынной зоне казахи и каракалпаки вели кочевое скотоводческое хозяйство, разводя в основном овец и верблюдов⁶. Узбеки, которые в основном были представлены родом *туркман*⁷, населяли юго-западные пологие склоны Нуратинского хребта и широкое межгорное плато Уртачуль, занимаясь наряду с отгонным скотоводством в довольно широких масштабах поливным и особенно богарным хлебопашеством⁸.

У таджиков, населявших северо-восточный обрывистый склон хребта, изрезанный узкими скалистыми ущельями, наряду с их основными занятиями – орошаемым хлебопашеством и отгонным скотоводством были развиты садоводство, виноградарство, бахчеводство⁹. Однако, не имея возможности полностью обеспечить себя хлебом и продуктами скотоводства, они занимались также различными ремеслами, в том числе самым распространенным – ткачеством.

⁶ Материалы по землепользованию туземного кочевого населения района Голодной степи и прилегающих местностей Ходжентского и Джизакского уездов Самаркандской области. Ташкент, 1914. С. 30-44.

⁷ См.: Зезенкова В. Я. К вопросу об антропологическом типе туркмен Самаркандской и Бухарской областей // БАН. УзССР. 1945. № 4; Мошкова В. Г. Туркмены Самаркандской и Бухарской областей УзССР // БАН. Уз. ССР 1945. № 4; Е е ж е. Этнографическая экспедиция к туркменам Самаркандской области // СЭ. 1946. № 1; Е е ж е. Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпак и туркмен // Труды Института истории и археологии АН УзССР. 1950. Т. II; Е е ж е. Ковры народов Средней Азии конца XIX – начала XX в. Ташкент, 1970 и др.

⁸ Полевые записи автора. Кишлак Карабал Фаришский район Джизакской области, 2006.

⁹ Кармышева Б. Х., Пещерева Е. М. Материалы этнографического обследования таджиков Нуратинского хребта // СЭ. 1964. № 1. С. 14.

Таким образом, на первый взгляд представляется, что указанные акторы занимали различные экологические ниши, вследствие чего между ними не наблюдалось конкуренции за ресурсы. Между тем, на прилегающей к Нуратинскому оазису части пустыни Кызылкум можно было заметить соприкосновение интересов за ресурсы между казахскими и каракалпакскими родами, занимавшими одну экологическую нишу. Основным объектом конкуренции между указанными этническими группами, основными формами хозяйственной деятельности которых выступало скотоводство в различных вариациях, выступали пастбищные угодья. Таким образом, данное взаимодействие совпадает с четвертой формой концепции экологических ниш, которая характеризует конкуренцию внутри одной ниши. Однако целесообразно обратить внимание на историческую сторону вопроса.

История появления каракалпаков в Кызылкумах связана с вторжением джунгарских племен в 1723 г. на территории по среднему течению Сырдарьи. Часть каракалпаков совместно с казахами были вынуждены оставить обжитые места и расселиться по юго-западным регионам Кызылкумов, в то время как другая группа продвинулась далее на юг в долину Зарафшана и со временем слилась с местными узбеками¹⁰. Каракалпаки, расселившиеся в той части Кызылкумов, которая прилегает к Нуратинскому хребту, к середине прошлого века ассимилировались с казахским населением. И хотя в статистических материалах 1910-х годов они ещё фигурировали в качестве каракалпаков¹¹, однако уже к середине XX в., по свидетельству материала полевых исследований, они идентифицировали себя как *қазақ-қарақалпақ*¹². Как видно из вышеприведенных фактов, казахи и каракалпаки в результате конкуренции в рамках одной экологической ниши постепенно приспособились друг к другу, что отразилось даже в этнической идентичности последних.

Между оседлыми народами оазиса существовала конкуренция за земли, пригодные в первую очередь для орошаемого земледелия. В результате этого монополизировались отдельные земельные массивы оазиса. Так, например, на юго-западном и западном склоне хребта

¹⁰ Толстова Л. С. Материалы этнографического обследования группы «каракалпак» Самаркандской области Узбекской ССР // СЭ. 1961. № 3. С. 34-44; Е е же. Каракалпаки Бухарской области Узбекской ССР // СЭ. 1961. № 5. С. 44-51.

¹¹ Зарубин И. И. Население Самаркандской области // Труды Комиссии по изучению численного состава населения СССР и сопредельных стран. Л., 1926. Вып. 10. С. 12.

¹² Полевые записи автора. Кишлак Узункудук, Фаришский район Джизакской области, 2006.

земледелием занимались оседлые узбеки. В свою очередь земли, расположенные на северо-восточном склоне Нуратинского хребта, находились в пользовании таджикского населения. С посевными площадями, расположенными в альпийской части Нуратинских гор, пригодными, несмотря на сложность географического ландшафта, к поливному земледелию, традиционно были связаны интересы различных оседлых этнических групп. Несмотря на то, что земли в этой части оазиса были четко распределены между различными этносами, сохранялась угроза их потери в случае невозделывания их земель на протяжении определенного периода. Важно заметить, что между различными этническими группами региона традиционно поддерживались доброжелательные отношения, которые проявлялись во взаимном обмене опытом на приграничных землях.

Между отдельными этническими группами Нуратинского оазиса, каждой из которых соответствовал определенный тип хозяйственной деятельности, существовали тесные экономические связи, способствующие взаимовлиянию и сближению культур, а следовательно, и бурному развитию торговых отношений между ними. Рассмотрим один из таких примеров на конкретном этнографическом материале начала XX в.

Каждый четверг на территории большого селения Сентаб организовывался базар, который особенно оживлялся осенью¹³. Из узбекских кишлаков, расположенных по ту сторону хребта, в большом объеме на продажу поступали хлеб и злаки. Казахское и каракалпакское население пригоняло в значительном объеме мелкий скот, поставляло всевозможные продукты скотоводства, а также соль и уголь для продажи или обмена¹⁴. Хлеб также частично поступал из отдельных таджикских кишлаков, которые торговали свежими фруктами, арбузами, дынями и тканями¹⁵.

Согласно третьей форме концепции этнических ниш, процесс взаимного соприкосновения и учета взаимных интересов различных этнических групп способствует более тесному экономическому и политическому взаимодействию с открытыми возможностями для выработки других форм взаимосвязи. Необходимо подчеркнуть, что традиционные межэтнические контакты имели и свою культурную направленность, которая выражалась в этнокультурном сближении различных этносов.

¹³ Хорошин А. П. Кызылкумский дневник // Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. Спб., 1876. С. 400.

¹⁴ Пельц В. Очерк Южных Кызылкумов. Самарканд, 1912. С. 17.

¹⁵ Полевые записи автора. Кишлак Синтаб. Нуратинский район Навоийской области, 2005.

Этнокультурное взаимопроникновение служило следствием повседневных традиционных торгово-хозяйственных связей, отнюдь не сводившихся к собственно купле-продаже. Преобладали такие формы связей, которые влекли за собой живое общение людей. Это и получение недостающих продуктов и изделий путем обмена, и передача скотом земледельцу во временное пользование рабочего скота или перевозка урожая с полей в селения и получение за это зерна и соломы, и хранение оседлым жителем лишнего скрапа, откочевавшего на летовку кочевника, который наделял его за это шерстью, продуктами или оказывал в свою очередь какую-либо помощь, и многие другие взаимные услуги.

Одной из широко развитых форм экономических и хозяйственных взаимосвязей между различными этносами являлся институт «торгового друга» (ошночилик)¹⁶. Кстати, экономические связи «приятелей» порой, в результате браков, перерастали в родственные, открывая тем самым дорогу ассимиляционным процессам. В Нуратинском оазисе широко практиковались отношения «торговых приятелей» между полuosедлыми казахами, с одной стороны, и оседлыми народами – с другой. Без своего «торгового друга» казах или каракалпак не мог осуществлять крупные сделки с торговцами из-за вероятности быть обманутым скупщиками. Исходя из этого каждый казах или каракалпак, занимавшийся оптовой продажей, пытался обзавестись «торговым другом»¹⁷.

Во всех крупных и малых городах можно было встретить немало бывших кочевников, обосновавшихся там и нередко женившихся на горожанках, причем их родственные связи со степью не прерывались¹⁸. Случалось, что в неразделенной зажиточной семье один из братьев жил в степи и разводил скот, а другой, обосновавшийся в городе, торговал скотом, шерстью, кошмами, паласами и другими изделиями, получаемыми от родственников, держал мясную лавку и т. д.

В результате анализа конкретного этнографического материала мы пришли к следующим выводам:

– первая форма концепции характеризует сущность торговых отношений между различными этносами, занимавшими различные эко-

¹⁶ Кармышева Б. Х. О торговле в восточных бекствах Бухарского ханства в начале XX в. в связи с хозяйственной специализацией (по этнографическим данным) // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979. С. 131.

¹⁷ Полевые записи автора. Город Нурата Нуратинский район Навоийской области, 2006.

¹⁸ Кармышева Б. Х. «Кочевая степь» Мавераннахра и ее население в конце XIX века (по этнографическим данным) // СЭ. 1980. № 1. С. 54.

логические ниши. Отсутствие конкуренции за природные ресурсы способствовало стабильному развитию межэтнических отношений между полукочевыми родами степи и оседлыми народами оазиса;

— вторая форма помогла понять процесс выработки механизмов закрепления за отдельными группами оседлого населения определенных массивов орошаемых земель;

— третья форма позволила раскрыть суть культурного аспекта межэтнических отношений, которые проявлялись в этнокультурном сближении различных этносов и в виде института «торгового друга» между этносами, занимавших различные экологические ниши;

— четвертая форма позволила проследить, на примере полукочевых казахов и каракалпаков региона процессы дальнейшей эволюции этнических групп, соприкасающихся в рамках одной экологической ниши.

Таким образом, анализ в рамках данной статьи различных форм концепции экологических ниш продемонстрировал нам уместность применения данной теории к исследуемому региону.

А. Тогаев

Нурота воҳасида XX асрнинг биринчи ярмида кечган этнослараро муносабатларнинг экологик жиҳатлари

Мақолада республикаимизнинг ўзига хос этномулоқот ҳудудларидан бири ҳисобланган Нурота воҳасида XX асрнинг биринчи ярми давомида кечган этнослараро муносабатлардаги экологик жиҳатлар ёритилади.

Муаллиф, мамлакатимиз этнологиясида илк бора, этнослараро муносабатларни таҳлил қилишда конструктивистик ёндашувга асосланган ҳолда «экологик камгақлар» концепциясидан фойдаланади.

A. Tagaev

The ecologic perspective of interethnic contacts in Nurota oasis on the first half of 20th century

This article is devoted to the ecologic aspect of interethnic relations on the first half of 20th century in Nurota oasis, which was one of specific ethno contact zone in the territory of Uzbekistan. Author first time in the ethnology of Uzbekistan on the basis of theory of constructivism used the concept of «ecologic niches» for analyzing interethnic relations.

Ўзбекистон тарихи хориж тадқиқотларида

С. Мамедов

ГОСУДАРСТВО ХОРЕЗМШАХОВ-АНУШТЕГИНИДОВ КАК ВОЕННЫЙ СОЮЗНИК ШИРВАНСКОГО ГОСУДАРСТВА В XII ВЕКЕ

В военно-политической истории Азербайджана особое место занимают взаимоотношения государства Ширваншахов (861-1538) с государством Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097-1231).

Важное значение при формировании внешней политики и определяемой ею военной стратегии играли дружественные государству Ширваншахов страны, с которыми ширваншахи стремились наладить не только отношения мира и добрососедства, но, прежде всего, и военные связи. С некоторыми такими государствами заключались временные военные союзы, рассчитанные на конкретную военную операцию, с другими отношения носили долговременный стратегический характер.

Одним из государств, с которыми Ширван связывали стратегические отношения в рассматриваемый период, было государство Хорезмшахов-Ануштегинидов. Хорезм, являвшийся первоначально вассальным владением Сельджукской империи, к середине XII в. в результате упорной борьбы добился фактической независимости и самостоятельности, а к концу того же века государство Хорезмшахов-Ануштегинидов превращается в могущественную империю во всей Средней Азии и Северном Иране. Его территория включала Мавераннахр, Хорасан, Мазандаран, Керман, Сиджистан, Газну¹. Главное, что объединяло государство Ширваншахов и Хорезмшахов после середины XII в. как военных союзников, – совместные цели борьбы против общего врага – Сельджукидов. Хорезмшахи, как и Ширваншахи в этой борьбе были упорны и настойчивы, добиваясь всеми силами полной самостоятельности и независимости. При этом они опирались и на Ширван, рассматривая его в качестве своего военного союзника. В разгар борьбы хорезмшаха Ала ад-Дина Атсыза с султаном Санджаром, последний отправил ему угрожающее письмо, в ответ на которое Атсыз дал ставший знаменитым ответ:

¹ Бунятов З. М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов. Соч. в 3-х т. Баку: Элм, 1999. Т. 3. С. 9-10.

Если конь владыки быстр, как ветер,
То мой гнедой тоже не хромает.
Ты придешь сюда, а я пойду туда!
Ведь вселенная не тесна для её владыки!²

Исследователь Г. Кендли полагает, что в этих строках хорезмшах имел в виду земли Булгара и Ширвана, где он надеялся найти убежище и обосноваться³. Интересны зигзаги истории – пройдет немного времени и действительно в Азербайджане и, в том числе Ширване, попытается восстановить Хорезмийскую монархию на новой земле праправнук Атсыза – последний хорезмшах Джалал Ад-Дин (1220-1231).

Хорезмшах Ала ад-Дин Текеш (1193-1200) был дальновидным правителем и прекрасным стратегом, умеющим строить военные отношения с дальними и ближними соседями, особенно с теми, которых он рассматривал как своих союзников. К ним относились государство Атабеков Азербайджана, с которыми существовали тесные, в том числе и военные связи, установившиеся после нескольких боевых действий между сторонами. Когда атабеком Азербайджана стал Мухаммад Джахан-Пехлеван (1175-1186), союзнические отношения между ним и хорезмшахом Текешем продолжились и поддерживались в течение всей жизни атабека. Акад. З. М. Бунятов приводит краткое содержание нескольких писем хорезмшаха Текеша атабеку Мухаммаду Джахан-Пехлевану. Из них видно, что между двумя государствами, наряду с другими, существовали и определенные военные взаимоотношения. Так, в одном из своих писем хорезмшах Текиш благодарит атабека за послание, доставленное эмиром Салах ад-Дином, и отмечает, что Салах ад-Дин своими глазами видел прибытие огромного войска кыпчаков к границам Дженда на службу к хорезмшаху, после чего они вместе с воинами из Барджинлигкенда, Шахр(и)кенда, Рабатага и других местностей займутся «истреблением неверия и безбожия в соседних с Хорезмом областях»⁴. Дело в том, что военную силу кыпчаков в этот период использовали некоторые государства при ведении войн, причем это наблюдалось в самых разных регионах. Так, например, грузинский царь Давид IV Строитель (1089-1125) с целью привлечения кыпчаков в своё войско, женился на кыпчакской княжне Гурандухт, дочери Атрака, сына Шарагана, а затем в течение 1118-1120 гг. переселил 40000 кыпчаков вместе с семьями в Грузию, включив их в своё войско⁵.

² Там же. С. 24.

³ K e n d l i Q. Xaqani Sirvani ve Xarezmsahlar ocaqi // Azərbaycan-ozbek edebi elaqelerinden sehifeler. Bakı: Elm, S. 61.

⁴ Б у н я т о в З. М. Указ. раб. С. 56-57.

⁵ А ш у р б е й л и С. Государство Ширваншахов (VI – XVI в.в.). Баку: Элм, 1983. С. 128.

Так поступил и хорезмшах Текиш. Когда в 1181 г. множество кыпчаков во главе с вождем тюркских племен Уран Алп-Карой прибыли к границам Дженда и выразили желание служить хорезмшаху, тот, включив их в состав своих войск, тут же направил против кара-хитаев, о чем он сообщил атабеку Мухаммаду Джахан-Пехлевану в одном из своих писем. В другом письме он добавляет, что посланные против кара-хитаев войска достигли Тараза и что среди военачальников – Кыран, с которым Джахан-Пехлеван состоит в родственных отношениях⁶. Следует отметить, что в войсках атабеков Азербайджана-Илденизидов, которые, как известно и сами были родом из кыпчаков, сражалось много кыпчакских воинов⁷. Желая укрепить союз с кыпчаками, хорезмшах Текеш женился на дочери кыпчакского хана Джанкиши Туркан-хатун, из рода Баят, которая привела с собой ряд тюркских племен и со временем стала их могущественной покровительницей⁸.

Государство Ширваншахов поддерживало тесные связи с государством Хорезмшахов и, несмотря на то, что их друг от друга отделяло море, между ними существовали торговые, политические, культурные, а также военные связи, о чем свидетельствует активная переписка между придворным поэтом Ширваншахов Хагани Ширвани и Рашид ад-Дином Ватватом, придворным поэтом и мунши хорезмшаха Атсыза (1127/28-1156). Хагани направлял хорезмшахам Атсызу и Текешу посвященные им стихи, сохранившиеся в архиве секретаря хорезмшаха Текеша Баха ад-Дина Мухаммеда ал-Багдади. В том же архиве имеются несколько писем, написанных от имени хорезмшаха Текеша ширваншаху Ахситану I ибн Минучихру III (1160-1196/7)⁹. В письме ширваншаху Ахситану I, датированном 20 раби II 587 г. х. (23 августа 1182 г.), хорезмшах надеется на скорую встречу с ширваншахом, подчеркнув, что получил удовольствие от бесед с его послом эмиром Фарид ад-Дином и передает с послом сообщение о том, что он с 10-тысячным войском выступает в Хорасан для освобождения тамошнего народа от притеснений. Как следует из письма, хорезмшах вместе с послом ширваншаха отправляет к его двору своего посла Джамал ад-Дина, с которым он передает свои наилучшие пожелания и который сообщит обо всем, что происходит в Хорезме. Хорезмшах сообщает ширваншаху, что владелец Сыгнака со всеми своими войсками перешел к нему на службу и ему поручено уничтожение всех «неверных» на границах его госу-

⁶ Бунятов З. М. Указ. раб. С. 52.

⁷ Kendli Q. Указ. раб. С. 58.

⁸ Бунятов З. М. Указ. раб. С. 68.

⁹ Kendli Q. Указ. раб. С. 48-86.

дарства¹⁰. Как видно из содержания этого письма, хорезмшах ставит в известность ширваншаха Ахситана I о своих военных приготовлениях и военных планах, т. е. Ширван находится в орбите военно-стратегических интересов государства Хорезмшахов.

«Кипчакский вопрос» имел большое значение и в русле отношений между Ширваном и государством Хорезмшахов. Как отмечалось, Хорезмшахи использовали военную силу кыпчаков в борьбе со своими противниками. В своём письме ширваншаху хорезмшах Текеш, отмечая роль кыпчаков в его победе над врагами, даёт понять, что он имеет возможность и может оказать своё влияние на отряды кыпчаков, которые так или иначе угрожают безопасности Ширвана как со стороны Дербента, т. е. с северного направления, так и со стороны Абхаза, т. е. со стороны грузинского царя, в составе которых также находились кипчакские отряды. Возможно, хорезмшах Текеш намекал также на необходимость использования Ширваном военной силы кыпчаков, как это сделал он сам. Действительно, следуя примеру грузинского царя и хорезмшаха, Ширваншахи и сами имели все возможности для использования наемных отрядов кыпчаков в войнах, однако этого не произошло. В исследуемое время большинство мусульманских владык того времени содержали на военной службе тюркские отряды и Ширваншахи не были исключением, о чем свидетельствует и сообщение Мас'уда ибн Намдара¹¹.

По всей вероятности, Ширваншахи справедливо опасались, что многочисленная кипчакская конница в любой момент может повернуть оружие против пригласившей её власти. Кроме того, как представляется, большое значение в этом вопросе имела и избранная военная стратегия, вытекающая из внешней политики государства. Поскольку царь Давид IV вел захватническую внешнюю политику, то соответственно он избрал наступательную военную стратегию, направленную на захват территорий соседних стран. Поэтому его войско, по свидетельству источника, было разделено на три части. Одна часть должна была «стоять внутри», т. е. удерживать и защищать крепости и укрепленные города, другая – сопровождать царя, «дабы рядом быть», а третья, самая многочисленная, была призвана «неустанно зиму и лето ходить войной», т. е. имеется в виду постоянное войско, которое должно было все время вести захватнические войны. В качестве этой части войска на службу и были приглашены кыпчаки, которые должны были неизменно воевать

¹⁰ Бунятов З. М. Указ. раб. С. 57.

¹¹ Бейлис В. М. Из наблюдений над текстом Мас'уда ибн Намдара. Стихи и афоризмы Мас'уда ибн Намдара // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1970. М.: Наука, 1974. С. 7, 38.

в интересах Грузинского царства. Источник сообщает о постоянных заговорах кыпчаков против грузинского царя: «Сколько раз замыслили измену его же кыпчаки: подсылали к нему храбрых людей: одних – с мечами, других – с копьями, третьих – со стрелами. Было же это не раз, и не два, и не три, а много раз»¹².

Государство Ширваншахов придерживалось оборонительной стратегии, поэтому содержать многочисленное войско не было необходимо. К тому же нахождение такого контингента иноземных войск внутри государства было крайне опасно. Вместе с тем кыпчаки являлись большой проблемой для Ширвана, особенно в период правления Давида IV, а также и в последующие годы XII в., о чем свидетельствует анализ писем Хорезмшаха Текеша Ширваншаху Ахситану I и атабеку Азербайджана. В своём письме к ширваншаху хорезмшах Текеш также выражает надежду на скорую встречу с ним. Нам неизвестно, состоялась ли такая встреча, но сам факт упоминания его в письме свидетельствует о том, что такие встречи не были большой редкостью. Об одном таком контакте «на высшем уровне» между хорезмшахом Текишем и ширваншахом с участием владетеля Мазандарана упоминает и В. В. Бартольд¹³.

Между государствами Ширваншахов и Хорезмшахов наблюдалась общность и в вопросах военной стратегии, основанной на военной доктрине ислама. Как отмечает акад. З. М. Буниятов, хорезмшах Текеш главной и наиболее почетной своей задачей провозглашал борьбу с «неверными» и обращение их в ислам, что вытекает из его писем, адресованных правителю Гура¹⁴. Именно в такой форме ставится военно-стратегическая задача Ширваншахов на страницах основного источника по истории Ширвана этого периода «Истории Ширвана и Ал-Баба» (XI в.), причем буквально с самого образования государства Ширваншахов в 861 г. Уже первый правитель Ширвана Хайсам б. Халид и первый мусульманский правитель из династии Мазъядидов «стал известен как Ширваншах» и «сражался с неверными в стране Сарир... Ему наследовал его сын Мухаммад б. Хайсам б. Халид, который продолжал заветы своего отца, творя правосудие и ведя войну против неверных (газв ва джихад)... После его смерти ему наследовал его сын Хайсам б. Мухаммад б. Хайсам, который предпринял множество походов на неверных...

¹² Картлис Цховреба. История Грузии / Под ред. Метревели Р. Тбилиси: Изд-во Артануджи, 2008. С. 202.

¹³ Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Соч. М.: ИВЛ, 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 695.

¹⁴ Гусейнов Р. А. Последствия сражения при Манцикерте (1071 г.) для Закавказья // Византийский временник. М.: Наука, 1969. Т. XXIX. С. 52.

Как эмир он был милосерден, справедлив и рыан в борьбе (с неверными)...» и т. д.¹⁵

Последующие ширваншахи в силу своих военных, политических и социально-экономических возможностей также продолжали выполнять требования военной стратегии, предусматривающие ведение войн против неверных, если только они представляли угрозу для безопасности государства Ширваншахов и совершали набеги на Ширван. Сущностью военной доктрины ислама, лежащей в основе как внешней политики, стратегии государства, так и военной стратегии Ширваншахов и Хорезмшахов, являлось исламское положение о разделении государств мира на дар ал-ислам («область ислама») и дар ал-харб («область войны»)¹⁶. Под «дар ал-ислам» понималось мусульманское государство, в котором ислам был господствующей религией, под «дар ал-харб» – страны, населенные немусульманами или находившиеся под властью немусульманского правителя. Такое разделение не означало, что все страны, относящиеся к дар ал-харб («область войны»), были в состоянии постоянного военного противостояния с мусульманскими странами. Согласно принципам ислама, отношения с другими, в том числе немусульманскими странами, должны были строиться на основе мира и добрососедства. Война с немусульманскими странами должна была вестись исключительно в случаях их военной агрессии и враждебных действий по отношению к мусульманским странам¹⁷. Важнейшей идеологической составной военной стратегии, основанной на указанной военной доктрине ислама, было положение о том, что война должна вестись не ради чьих-то интересов, а ради религии Аллаха и что она является священной.

Крестовые походы, развязанные западными странами, победа Сельджукидов в 1071 г. в стратегическом сражении под Манцикертом, имели далеко идущие геополитические и геостратегические последствия и для судеб народов Южного Кавказа¹⁸. Войны, которые велись мусульманскими государствами на Южном Кавказе против христианских, рассматривались современниками как «священные войны против неверных». Источники этого периода свидетельствуют, что мусульманские государства своей первейшей задачей считали борьбу против «неверных» и именно под этим знаменем велись в то время многие войны. Завоевание той или иной страны, захват власти в том или ином государстве должен

¹⁵ Минорский Ф. В. Указ. раб. С. 47.

¹⁶ Ahmet Ozel. Islam hukukunda ulke kavrami: Darulislam, Darulharb. Istanbul, Ilkim yayimnlari, 1991.

¹⁷ Там же. С. 123-128.

¹⁸ Гусейнов Р. А. Указ. раб.

был сопровождаться подтверждением эмира всех верующих – багдадским халифом. Даже Сельджукиды для подтверждения законности своей власти в созданном государстве и признания в качестве верховного светского сюзерена получили благословение от багдадского халифа после того, как завоевали Багдад в 1055 г. Акад. З. М. Буниятов пишет, что дальнейшие войны Сельджукидов продолжались как «войны за веру» и защиту её «чистоты» и при преемниках Тогрул-бека – Алп Арслане и Малик-шахе¹⁹.

В свою очередь христианское Грузинское царство, как и другие христианские страны и, в том числе Византия, также рассматривало войны против мусульман как «священные» против «неверных», что находило поддержку среди других христианских государств. Так, в составе грузинских войск, сразившихся против Сельджукидов в Дидгорской битве 1121 г., участвовали также 100 рыцарей-крестоносцев²⁰. Давид IV со своим войском участвовал в сражении за взятие Иерусалима, кроме того, неоднократно посылал различные контингенты войск в помощь крестоносцам. Как видно из исследований грузинских историков, существовали тесные связи между крестоносцами и Грузинским царством, причем царь Давид IV пользовался среди них большой популярностью²¹. Таким образом, в средние века регионы Южного Кавказа в геостратегическом плане рассматривались современниками как южнокавказский театр военных действий общей войны крестоносцев против мусульманских стран, что дает и нам основание рассматривать такие войны как часть крестовых войн на южнокавказском фронте.

В то же время, как свидетельствуют сохранившиеся документы эпохи, Ширваншахи и Хорезмшахи рассматривали друг друга как потенциальных военных союзников, имеющих общие стратегические цели и задачи. Общность религии ислама и основанная на исламском вероучении военная доктрина создавали общую, единую базу для формирования военной стратегии в условиях военного и религиозного противостояния того времени, вызванное крестовыми походами, а также военной опасностью со стороны языческих племен и народов. В немалой степени созданию военного союза между двумя государствами способствовали и дружеские отношения, установленные правителями этих двух государств.

¹⁹ Буниятов З. М. Указ. раб. С. 7.

²⁰ Месхиа Ш. А. Дидгорская битва. Тбилиси: Мецниереба, 1974. С. 81-82.

²¹ Там же. С. 63; Метрели Р. В. Некоторые вопросы внешней политики Грузии в средние века (XII век). С. 36-38.

C. Мамедов

Хоразмшоҳлар-Ануштегинийлар Ширвон давлатининг XII асрдаги ҳарбий иттифокдоши сифатида

XII асрда Хоразмшоҳлар-Ануштегинийлар давлатининг Ширвон давлати билан ҳарбий иттифоқи тарихи ёритилган. Ҳарбий иттифок тарихида диний омилларнинг тутган ўрни таҳлил қилинган.

S. Mamedov

The state Horezmshachs-Anushteginids as the military ally of the Shirvan state in its military strategy in XII century

In this article it is enlightened the history of military strategy of Horezmshachs-Anushteginids state as the ally of Shirvan state. It is analyzed the role of religious factors in the history of military strategy.

A. Хаецкий

ПОПЫТКА ВНЕДРЕНИЯ ХЛОПКОВОДСТВА НА УКРАИНЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «РАСКУЛАЧЕННЫХ» ИЗ УЗБЕКИСТАНА

Среди актуальных проблем истории образовавшихся на постсоветском пространстве независимых государств особое место занимает изучение и переосмысление на основе современных подходов общего для них советского прошлого, в том числе межреспубликанских связей, в различных областях экономической, социально-политической и культурной жизни. Без основательного непредвзятого их изучения и усвоения исторических уроков невозможно успешное строительство современных цивилизованных взаимоотношений между ныне дружественными независимыми государствами.

Наша цель состоит в освещении особенностей участия хлопководов Узбекистана в развитии хлопководческой отрасли Украины в 30-50-е годы XX в. Это позволит глубже исследовать характер и формы межреспубликанских связей, в частности украинско-узбекских, в условиях

укрепления тоталитарного режима в СССР на примере конкретной отрасли.

Отдельные аспекты взаимосвязей Украины и Узбекистана в развитии хлопководства нашли отражение в отдельных, весьма идеологизированных, обобщающих работах советских историков по истории межреспубликанских связей¹, а также периодике 30-50-х годов XX в., в частности, в журнале «Хлопководство» и газете «Советское хлопководство». После ликвидации хлопководства на Украине в конце 1950-х годов об истории этой отрасли в республике и связанных с ней межреспубликанских связях практически не упоминалось, поскольку даже напоминание о неудачном эксперименте ставило под сомнение незыблемость навязанного советскими идеологами постулата о дальновидности и прозорливости руководства.

На территории Советского Союза была распространена, главным образом, поливная культура хлопчатника, который выращивали в республиках Центральной Азии, прежде всего в Узбекистане, а также в Закавказье (Азербайджане). С конца 20 – начала 30-х годов XX в. эту техническую культуру начали выращивать и на неорошаемых землях – на юге Российской Федерации, в Молдавии, а также на территории Украины (Херсонская, Запорожская, Николаевская, Одесская, Днепропетровская, Сталинская области). В 1940 г. посевная площадь хлопчатника на всех украинских землях составляла 400 000 га (20% всей площади под хлопчатником в СССР), из них в трех южных областях (Николаевской, Запорожской и Одесской) – 236 000 га. После войны посевная площадь хлопчатника в республике возросла до 475 000 га (1952 г.). При не вполне благоприятных климатических условиях и отсутствии опыта выращивания сложной в агротехническом отношении культуры урожайность хлопчатника в Украине была невелика – в среднем от 2 до 5 центнеров с гектара. Однако за счет значительных площадей под этой культурой и использования внеэкономических административных методов руководства отраслью собирали в год от 800 000 до 2 000 000 центнеров ценного сырья, что составляло 5-10% советского производства и 1-2,5% мирового².

Особенности климатических условий Украины требовали корректировки агротехнических приемов выращивания хлопчатника, выведения его новых сортов, создания соответствующей организационно-управ-

¹ Братское содружество союзных республик в развитии народного хозяйства СССР. 1917-1971 гг. М.: Наука, 1971.

² Махов Г. Бавовник. Енциклопедія українознавства. Київ: Глобус, 1993. Т. 1. С. 79, 80.

ленческой и материально-технической базы. В ноябре 1930 г. в Скадовском районе Херсонской области был организован первый в Украине хлопководческий совхоз. В следующем году такие же совхозы были созданы в Каховском и Голопристанском районах упомянутой области. Следует отметить, что новые специализированные хозяйства поначалу не обеспечивались в полной мере тягловой силой, семенами, не хватало рабочих рук, а главное – опыта выращивания новой для республики культуры. Поэтому поставленные перед хозяйствами задачи и планы не выполнялись. Однако руководство совхозного сектора Главхлопка в Москве настоятельно требовало от Укрхлопка увеличения посевных площадей и обеспечения любой ценой роста урожаев важной для страны технической культуры³.

Большие надежды в деле внедрения хлопководства в Украине возлагались советским руководством на использование опыта и ресурсов других республик, прежде всего Узбекистана, которому в хозяйственном комплексе СССР отводилось место основной базы хлопководства страны. Распространенной формой экономических связей между республиками была инициированная властью «шефская взаимопомощь», суть которой заключалась в организации поездок шефских бригад с целью оказания помощи в решении производственных вопросов и обмена опытом.

Летом 1931 г. в течение полутора месяцев в Украине находилась шефская бригада хлопководов из Бухарской области Узбекистана. Целью поездки бригады, как отмечалось в отчете о ее работе, был «обмен опытом по культивации хлопчатника, с одной стороны, с другой – перенять опыт украинских колхозников по организации и ведению крупного коллективного механизированного хозяйства, организации труда, введению сдельщины, отчетности колхозов, в чем Узбекистан похвалиться не может, т. к. в этом отношении отстал»⁴.

На территории Николаевского района шефы посетили два совхоза, шесть артелей и одну коммуны с общей площадью посевов хлопчатника 1347 га. Формами деятельности шефов были работа в правлениях хозяйств, в частности, ознакомление с документацией, осмотр полей и беседы с работниками. Как отмечалось в составленной в духе тех времен докладной записке политрука бригады Рахимбаева, агронома Рязанова и бригадира Очилева, «бригада выяснила из опросов и бесед с колхозниками, ... что разведение хлопчатника на Украине дело новое, совершен-

³ Государственный архив Херсонской области Украины (далее – ГАХО), ф. Р-433, оп. 1, д. 108, л. 3, 4.

⁴ Там же, ф. Р-453, оп. 1, д. 86, л. 19.

но незнакомое украинскому крестьянству, и благодаря агитации попов и кулаков породилось суеверие у крестьянства, что хлопчатник якобы приносит болезни и разного рода несчастья... ». Было также выявлено, что «некоторые несознательные работники под влиянием кулаков, подкулачников и духовенства во время сапания (мотыжения) умышленно срубают кусты для того, чтобы в дальнейшем облегчить свой труд и избавиться от посевов хлопчатника»⁵.

В докладной записке шефской бригады представлена также информация о состоянии посевов и указано на агротехнические недостатки в выращивании хлопчатника. В частности, отмечено, что в колхозе имени Ворошилова поле под хлопчатником площадью 51 га очень изрежено, всходы появились пятнами. А на участках единоличников, которые находились рядом, хлопчатник совсем погиб, поскольку не было проведено ни одного мотыжения. В плохом состоянии из-за отсутствия надлежащей обработки находились хлопковые плантации и в совхозе Промтехкультур. За халатное отношение к своим обязанностям агроном этого совхоза был наказан 4 месяцами принудительных работ. Однако, основываясь на результатах 1930 г., первого года развития хлопководства в Украине, и отдельных позитивных примерах текущего года, шефы сделали вывод, что «на Украине, в южных районах, вполне возможна культивация хлопчатника, и этим в Союзе увеличится площадь засева и получится большое количество сырьевого материала, чем мы можем обойтись без иностранного хлопка и освободиться от них, но необходимо повести борьбу за советский хлопок»⁶.

В завершение своей работы шефская бригада выступила с обращением «Ко всем колхозникам и трудящимся Украины районов степной полосы», в котором обосновывались полезность хлопчатника и возможность его выращивания в Украине, указывалось на недостатки в отрасли и возможные пути их ликвидации. По поводу отъезда шефской бригады из Узбекистана 12 августа 1931 г. состоялось объединенное совещание при хлопковом секторе Укрколхозцентра. В протоколе совещания отмечалась ценность обмена опытом между хлопководами республик, и высказывалось предложение организовать поездку бригады колхозников Украины в Узбекистан. В знак благодарности за оказанную помощь узбекских шефов премировали Сакковским плугом с надписью «Шефской бригаде Саиджана Рахимбаева узбекистанцев от хлопкового сектора Укрколхозцентра за лучшую работу в колхозах Украины по хлопководству». Руководитель бригады был премирован карманными часами,

⁵ Там же, л. 15.

⁶ Там же, л. 20.

а всем членам бригады были отпущены дефицитные промышленные товары (обувь, одежда) из магазина закрытого распределителя⁷.

Следует добавить, что приезд шефской бригады из Узбекистана был предан широкой огласке. Все этапы ее работы подробно освещались в республиканской и местной прессе. Выводы и рекомендации шефов, тщательно отредактированные в партийных кабинетах, должны были стать одним из аргументов в пользу внедрения хлопководческой отрасли в Украине.

Командировки работников сельского хозяйства Узбекистана в Украину с целью обмена передовым опытом практиковались и в последующие годы. Например, в 1939 г. делегация из Ферганской области изучала передовой опыт колхозов и МТС Николаевской и Херсонской областей. Крестьяне колхоза имени Сталина Баштанского района Николаевской области вызвали на социалистическое соревнование колхоз имени Ворошилова Уйчинского района Ферганской области. На Первомайские праздники была намечена поездка в Узбекистан колхозников Украины⁸.

Одной из наиболее острых проблем в развитии хлопководства в Украине было его обеспечение кадрами работников. В процессе решения данной проблемы власти прибегли к уже испытанному еще в начале 1920-х годов средству – использованию принудительного труда. На Юг Украины были переселены тысячи «раскулаченных» дехкан, преимущественно узбеков, а также представителей других народов республик Центральной Азии, которые в статусе спецпереселенцев были привлечены к работе в хлопководстве. В официальных документах этот контингент именовался до 1934 г. – «спецпереселенцы», в 1934-1944 гг. – «трудпоселенцы», с 1944 г. – «спецпоселенцы».

Постановлением ЦК ВКП(б) от 20 мая 1931 г. на ОГПУ возлагалось хозяйственное и административное обустройство бывших «кулаков» в местах их расселения. В секретной докладной записке заместителя председателя ОГПУ Г. Ягоды в ЦК ВКП(б) «О выполнении решения ЦК ВКП(б) об устройстве спецпереселенцев» от 4 января 1932 г. не скрывались истинные мотивы направления значительной части «раскулаченных» из республик Центральной Азии именно в южные районы Украины: «Расселение 3520 байских хозяйств на Украине ставило себе целью привитие навыков обработки хлопчатника, как новой для Украины

⁷ Там же, л. 62, 81.

⁸ Социалистическое строительство на Николаевщине (1921-1941). Документы и материалы. Одесса: Маяк, 1984. С. 200, 201.

культуры»⁹. К тому времени общее количество переселенцев из указанного региона в Украине составляло 15057 человек. Они направлялись в поселки, преимущественно бывшие хутора, Скадовского, Голопристанского, Каховского, Ново-Васильевского районов Херсонской области. Для проживания было выделено 785 домов, ранее принадлежавших выселенным местным «кулакам», а также три барака. В одном доме и даже в одной комнате нередко размещалось несколько семей¹⁰.

Вследствие тяжелых условий переезда, чрезвычайной жилищной тесноты, плохого питания, неудовлетворительного медицинского обслуживания, а также связанных с лишением свободы и разлукой с отчим домом, моральными страданиями многие спецпереселенцы, прежде всего дети и старики, умерли уже в первую, наиболее трудную зиму пребывания в Украине. Вскоре к трудностям адаптации к тяжелым условиям жизни на чужбине добавились испытания, связанные с голодом 1932-1933 гг., а также массовыми репрессиями. Процент заболеваемости и смертности среди спецпереселенцев был очень высоким и значительно превышал средние показатели среди местного населения. Сотни депортированных были повторно репрессированы и приговорены печально известными «тройками» к расстрелу или длительным срокам пребывания в сталинских лагерях.

Вопросы улучшения бытовых условий спецпереселенцев неоднократно рассматривались комиссиями различных министерств и ведомств, партийными и советскими органами. Однако принятые решения по этим вопросам, как правило, не выполнялись в полном объеме из-за нехватки средств и материальных ресурсов. В начале 1932 г. строительным сектором Укрхлопка был разработан эскизный проект строительства нового типового поселка для спецпереселенцев. В пояснительной записке к проекту сообщалось о намерениях построить в Херсонской области 6 новых поселков для размещения в каждом из них до 1 000 человек. Типичный поселок, где должны были жить, работать и «перевоспитываться» бывшие «кулаки» из республик Центральной Азии, по плану состоял из жилого, культурного, лечебно-бытового и школьного секторов. В центре поселка располагалась площадь для проведения общих собраний и митингов. Непременным объектом каждого поселка была комендатура, работники которой осуществляли учет спецпереселенцев и надзор за ними. Общая стоимость строительства в 1932 г. определялась в 2 314 672 руб. Копия документации на строительство

⁹ Цит. по кн.: Трагедия среднеазиатского кшшллка: коллективизация, раскулачивание, ссылка. 1929-1955 гг.: Документы и материалы. Ташкент: Шарк, 2006. Т. 2. С. 394.

¹⁰ Там же. С. 393.

была послана в Харьков руководству республиканского ГПУ¹¹. Масштабность упомянутого выше проекта свидетельствует о намерениях закрепить практику превращения значительных контингентов населения в спецпереселенцев и использования их труда в определенных властью отраслях, в частности, в хлопководстве. Однако данный проект так и не был реализован в полном объеме.

В постановлении Президиума ЦК ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР от 16 апреля 1933 г. «О трудовом использовании спецпереселенцев в хлопковых совхозах» отмечалось, что со времени расселения спецпереселенцев в совхозах Союзсовхозхлопка, с весны 1932 г., представительством Союзхлопка в Украине и руководством совхозов не приняты достаточные меры по использованию способных к труду лиц в хлопководстве, их хозяйственному обустройству и обеспечению продовольствием. Обращалось также внимание на факты незаконного изъятия у совхозов районными организациями хлеба для выполнения плана хлебозаготовок. Но больше всего волновали московское начальство низкие урожаи хлопка: в 1932 г. – всего 1,5-2 центнера с гектара. Для сравнения приводились показатели более высоких урожаев в спецпоселках Северного Кавказа, где собрали 5,4 центнера с гектара. От украинского руководства хлопководческой отрасли требовалось полное и эффективное использование труда спецпереселенцев в хлопководстве, улучшение материально-бытовых условий их проживания, а главное – повышение основных показателей по хлопку в 1933 г.¹²

Права и обязанности спецпереселенцев регламентировались специальными инструкциями ОГПУ, контроль выполнения которых осуществлялся спецкомендатурами. Со стороны работников комендатур и руководства хозяйств нередкими были случаи крайне грубого обращения с обитателями трудпоселков. Избиения, угрозы расстрелом, незаконное взимание штрафов, установление более высоких производственных норм по сравнению с вольнонаемными работниками, задержки выплаты заработной платы, необоснованное завышение цен на товары – вот далеко не полный перечень дискриминационных действий местной власти по отношению к спецпереселенцам. По воспоминаниям участников и свидетелей событий того времени, лишь в предвоенные годы в быту и условиях труда депортированных произошли определенные улучшения, благодаря упорному труду повысилось их благосостояние. В трудовых поселках были построены новые жилые дома, больницы, школы, детские дома для осиротевших детей. Однако главной, неразрешимой

¹¹ ГАХО, ф. Р-433, оп. 1, д. 132, л. 3-8.

¹² Трагедия среднеазиатского кишлака... Т. 2. С. 396-398.

проблемой для трудовых поселенцев оставалось освобождение и возвращение на родину.

Депортированные из Узбекистана дехкане длительное время были основной рабочей силой в ряде специализированных хлопководческих совхозов Украины. Несмотря на все бытовые трудности и тяжелые условия труда, большинство трудоспособных работников старались добросовестно выполнять свои производственные обязанности, не нарушать режима пребывания в спецпоселениях, надеясь, что это будет способствовать сохранению их семей, более быстрому освобождению и возвращению домой. Например, в 1936 г. в Скадовском совхозе № 1 из 532-х закрепленных за бригадами хлопководов-трудпоселенцев 71% перевыполнили нормы обработки междурядий посевов хлопчатника. Во время уборки урожая сезонную норму (16 центнеров) перевыполнили 60% работников¹³.

Количество обитателей трудовых поселков со временем менялось в сторону уменьшения в связи с высокой смертностью среди депортированных, а также их постепенным освобождением и отъездом домой. Нередки были случаи бегства из спецпоселений. Беглецов разыскивали, возвращали на прежние места или привлекали к уголовной ответственности. В мае 1937 г. в 4 хлопководческих совхозах находились 14713 трудпоселенцев (из них – 8751 работающий, остальные – иждивенцы)¹⁴. Большое количество бывших «кулаков» выбыло из трудовых поселений во время Второй мировой войны: несколько сот человек призывного возраста были разлучены с семьями и эвакуированы в тыловые районы или призваны в ряды советской армии, многие семьи самовольно выехали во время оккупации. В марте 1944 г., когда советские войска освободили территорию Херсонской области, в трудпоселках оставалось около 1,5 тыс. человек¹⁵. Вскоре в прежние места возвратились многие угнанные немцами во время отступления немецких войск, а также разысканные в других областях самовольно выехавшие спецпоселенцы. В марте 1945 г., когда возобновили деятельность спецкомендатуры, в спецпоселениях были взяты на учет 1396 семей (5576 человек, в том числе мужчин – 1246, женщин – 2212, детей до 16-летнего возраста – 2112)¹⁶.

На начальном этапе Второй мировой войны и после освобождения Херсонской области от оккупантов спецпоселенцы своим добросовестным трудом способствовали укреплению тыла и приближению

¹³ Там же. С. 411.

¹⁴ Там же. С. 409.

¹⁵ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960. М.: Наука, 2003. С. 51.

¹⁶ Трагедия среднеазиатского кишлака... Т. 2. С. 438, 439.

победы над врагом. Например, в 1944-1945 гг. в совхозе «Коминтерн» Голопристанского района из 507 работающих звание стахановцев получили 65, ударников – 123 человека. Трактористы Алибаев, Мурзаев, Хасанов, Халиков перевыполняли производственные нормы на 30-70%, а пахари Уджиев, Разаков, Толоков, Мередов – почти вдвое. За высокие производственные показатели многие спецпоселенцы получили правительственные и ведомственные награды (55 орденов, 131 медаль), сотни передовиков труда были отмечены денежными премиями. Распространенной формой поощрения отличившихся работников было их премирование дефицитными промышленными товарами¹⁷. Хлопководы-ударники были участниками сельскохозяйственной выставки в Москве.

В послевоенные годы общее количество ссыльных узбеков в хлопководческих совхозах Украины продолжало сокращаться. К началу 1947 г. в спецпоселениях осталось 1014 человек (мужчин – 91, женщин – 333, детей до 16-летнего возраста – 590)¹⁸. Освобождение спецпоселенцев в конце 40-х годов и возвращения большинства из них домой значительно обострили кадровую проблему в хлопководстве. Недостаток рабочих рук на хлопковых полях Украины власти пытались компенсировать привлечением временных работников – колхозников из других районов, а также студентов и учащихся. Например, согласно постановлению Совета Министров УССР и ЦК КП(б) Украины «О предоставлении помощи Херсонской, Запорожской и Николаевской областям рабочей силой для уборки урожая хлопка» от 5 сентября 1951 г., с 12 сентября по 30 октября в указанные области направлялись 65 000 колхозников из Житомирской, Станиславской, Дрогобычской и других областей Украины¹⁹.

Следует отметить, что в хлопководстве продолжала работать и часть бывших спецпоселенцев, которые после освобождения по разным причинам не уехали домой и остались в Украине. В газете «Советское хлопководство» за 19 сентября 1951 г. была напечатана заметка об успехах сборщиков хлопка Херсонской области, в которой упоминалась работница Скадовского хлопкосовхоза № 2 Майрам Качкарова. Возглавляемое ею звено в составе 13 человек выполнило суточную норму ста сборщиков. По инициативе Скадовского райкома партии звено демонстрировало свой метод сбора хлопка во многих сельхозартелях района²⁰.

¹⁷ Там же. С. 438-440.

¹⁸ Там же. С. 448.

¹⁹ Государственный архив Николаевской области Украины (далее – ГАНО), ф. Р-2025, оп. 1, д. 1, л. 3-8.

²⁰ 503 килограмма за день // Советское хлопководство (г. Москва). 1951. 19 сентября. С. 1.

Для поддержки развития хлопководства в Украине использовались связи между элитно-семенными хлопководческими станциями Украины и Узбекистана, осуществлявшими обмен образцами семян перспективных сортов хлопчатника²¹.

Однако, несмотря на все усилия властей, затраченные материальные ресурсы и использование принудительного труда, все более очевидной становилась нецелесообразность развития хлопководства в Украине. Неудачными оказались и попытки внедрения в отрасли орошения. Наконец, учитывая непостоянство урожаев хлопчатника в СССР и рост валовых сборов этой культуры в Узбекистане и других республиках Центральной Азии, власти приняли решение о прекращении с 1956 г. хлопководства в Украине. Так завершился продолжавшийся четверть века очередной эксперимент советской власти, в жертву которому были принесены тысячи загубленных жизней узбекских дехкан и членов их семей, могилы которых находятся в степях Украины, рядом с полями, где они выращивали «белое золото».

Таким образом, использование принудительного труда, а также шефской помощи узбекских хлопководов стало важным фактором внедрения и развития хлопководства в Украине в 30-50-е годы XX в. Анализ украинско-узбекских связей в хлопководстве данного периода свидетельствует о неэффективности и антигуманности тоталитарных методов руководства экономикой, а также бесперспективности попыток строительства хозяйственных взаимоотношений между народами без учета их национальных интересов. Это подтвердилось еще раз в процессе быстрого исчезновения после распада СССР межреспубликанских экономических связей в их прежнем виде и формирования цивилизованных взаимовыгодных экономических отношений между образовавшимися на постсоветском пространстве независимыми государствами, в том числе Узбекистаном и Украиной.

А. Хаецкий

Пахтачилик саноатини Украинада жорий этиш ҳаракати ва унда Ўзбекистондан «қулок» қилинганлардан фойдаланилиши

Мақолада муаллиф томонидан XX асрнинг 30-йилларида Украинада пахтачилик саноатини жорий этиш ва ривожлантириш ҳаракати очиқ берилди. Муаллиф янги манбавий маълумотларни жалб этган ҳолда

²¹ ГАНО, ф. Р-2025, оп. 1, д. 138, л. 9.

кулоқлаштириш сиёсати даврида Ўзбекистондан Украинага кўчирилган деҳқонларнинг ушбу жараёнлардаги муҳим иштироки, шунингдек, Украинага тажриба алмашиш мақсадида келтирилганлар масаласини ёритиб беради.

A. Xayetskiy

An attempt to install of cotton industry in Ukraine and using(participation) of «dekulakised» from Uzbekistan

In this article the author attempts to show an input and development of cotton industry in Ukraine in 30-50 years of the 20-th century. While attracting new source materials author lights an important participation of uzbek farmers in that process that have been migrated to Ukraine during the policy of dekulakisation and also those who visited the republic with the aim of experience exchange.

Ёш тадқиқотчи минбари

А. Кубатин

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ТИТУЛОВ

В традициях государственности народов Евразийских степей особое значение имела титулатура, генезис которой был непосредственно связан с процессом формирования государств в данном регионе, в том числе и Тюркского каганата. Так, процесс формирования титулатуры в Тюркском каганате был связан непосредственно с развитием государственности тюркских народов и многовековой преемственности традиций государственности политических объединений Центральной Азии. Как справедливо отметил Ю. А. Зуев, «с первых шагов государственной истории тюркское общество было строго ранжировано. Место и политический вес члена общества во многом определялись его титулом, нередко наследственным, закреплявшим положение его носителя в системе социальных связей и соподчинений»¹. Такое положение было присущей особенностью древнетюркского общества, что подтверждается сведениями китайских, древнетюркских и других источников, в которых большинство называемых в связи с различными событиями действующих лиц из древних тюрков упоминается не под личными именами, а под титулами и эпитетами.

Сведения письменных источников позволяют говорить о том, что в Тюркском каганате функционировала строгая иерархическая система, для каждой из ступеней которой имелся свой титул. При этом здесь уместны вопросы, было ли формирование титулатуры в Тюркском каганате одновременным процессом, происходившим в рамках только этого государственного объединения, или это был процесс, продолжавшийся в течение столетий и завершившийся только в Тюркском каганате, когда древнетюркская титулатура приняла заверченный вид, что послужило фундаментом для ее сложения и когда начался этот процесс? Постараемся дать на них ответы.

Как нам известно, на сегодня первым государственным объединением, создание которого связывают с тюрками, было государство *Сюнну* (хуннов)², которое уже на первых порах имела свою четкую иерархию с

¹ Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. С. 279.

² Golden P. B. *Türk Halkları tarihine Giriş*. Ankara, 2002. S. 46-54.

присущей ей системой титулов³. Государственное устройство *сюнну*, их лексика, в том числе и титулы, зафиксированные в виде транскрипций, нашли свое отражение в китайских хрониках «Ши цзи» («Исторические записки») и «Хань шу», являющихся единственными письменными источниками по данному вопросу⁴.

Так, в хронике «Ши цзи» Сыма Цян приводит следующее краткое описание политической структуры сюннуского общества:

«При Маодуне *сюнну* небывало усилились, покорили всех северных варваров, а на юге образовали государство, равное по силе Срединному государству, поэтому переходы власти от одного правителя к другому и названия государственных чинов [с этого времени] можно выяснить и изложить.

Ставятся левый и правый *сянь-ваны* (букв. мудрый ван); левый и правый *ду-ли-ваны*; левый и правый великий военачальник; левый и правый великий *ду-вэй*; левый и правый великий *дан-ху*; левый и правый *гу-ду-хоу*. *Сюнну* называют мудрого «*ту-ци*», поэтому старший сын [*шань-юя*] называется левым *ту-ци-ваном*. От левого и правого *сянь-ванов* до *дан-ху*, сильных, имеющих десять тысяч всадников, и слабых, имеющих несколько тысяч [всадников], – всего двадцать четыре начальника, для которых установлено звание – *вань-ци*. Все сановники занимают должности по наследству...

Левый и правый *гу-ду-хоу* помогают [*шань-юю*] в управлении. Каждый из двадцати четырех начальников также сам назначает тысячников, сотников, десятников, небольших князей, главных помощников, *ду-вэев*, *дан-ху* и *це-цзюев*»⁵.

При этом, как отмечает В. С. Таскин, в социальной лестнице, приводимой Сыма Цянем, отсутствует верхняя ступень, на которой стоял *шань-юй*, нарушая полноту и стройность изложения. Однако этот пробел дополняют сведения «Хань шу», в котором имеется следующий очень интересный отрывок, отсутствующий в «Ши цзи»:

«*Шань-юй* происходит из фамилии *Лю-ань-ди*. В их государстве его именуют «*Чэн-ли гу-ду шань-юй*». *Сюнну* называют небо – *чэн-ли*, а сына называют – *гу-ду*. [Слово] *шань-юй* означает «обширный» и показывает, что носитель этого титула обширен подобно небу»⁶.

Как видно из этих сведений, вышеупомянутый тезис Ю. А. Зуева о том, что с первых шагов государственной истории тюркское общество было строго ранжировано, еще раз находит свое подтверждение. Так как анализ всех титулов, употреблявшихся у *сюнну*, не относится к нашей задаче, рассмотрим лишь те, которые являются транскрипциями

³ Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Пер. и примечания Таскина В. С. Вып. 1. М., 1968. С. 39-40; Golden P. B. Türk Halkları tarihine Giriş. S. 53.

⁴ Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М., 2007. С. 81-82.

⁵ Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С.39-40; Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Пер. и примечания Таскина В. С. Вып. 2. М., 1973. С. 11-12.

⁶ Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 133, прим. 98.

сюннуских титулов, употреблявшихся и в дальнейшем и включенных в систему титулов в Тюркском каганате.

Как известно, верховным титулом сюнну был *шаньюй*, интерпретация которого до сих пор очень спорна. Так, Э. К. Пуллиблэнк на основании древнего чтения титула *шань-юй* как **dān-γwāy* восстанавливает его как *darxan/tarxan*⁷. Такой же интерпретации этого титула, как и некоторые исследователи⁸, придерживается А. В. Дыбо, которая приводит предположительное чтение данного титула для периода Западной Хань как **tān-wa*, считая, что финалью *-n* передано конечнослоговое *-r*⁹. В отличие от них Дж. Клосон титул *шаньюй* на основании древних чтений иероглифов восстанавливает в форме **davǵu* следующим образом: *shan-yü = ḍian > žian - giwo > ju*. По мнению исследователя, слово *davǵu* – самая древняя форма данного титула, а *yavǵu (yabyu)* – его последующая форма¹⁰. Подобное предположение имеется и у Х. В. Бэйли, который восстанавливает данный титул как *žiän-jiu/d'ian-giwo < žiän-jiu = ḍabǵu < yabǵu(yabyu)*¹¹. Хотя ни одна из двух вышеупомянутых точек зрения не является общепризнанной, но, на наш взгляд, более приемлема вторая, согласно которой титул *шань-юй* можно восстановить как *yabyu*.

В пользу этого можно привести четыре факта. Во-первых, во многих древних кочевых объединениях древности и раннего средневековья титул *yabyu* был верховным¹². Во-вторых, насколько нам известно, в истории государственности не отмечались факты, когда титул, стоящий на самой вершине ступени иерархии, в данном случае *tarxan*, опускался так низко, почти на низ иерархической лестницы. В-третьих, в письменных источниках нет сведений о том, что носитель титула *tarxan* когда-либо занимал высшую ступень иерархии, т. е. был главой государства, и, как известно, его обладатели не являлись представителями правящего рода. В-четвертых, по мнению некоторых исследователей, титул *tarxan* начал использоваться только с эпохи *То-ба (Tabγač)* (386-557)¹³. Хотя у усуней

⁷ Doerfer G. Türkische und mongolische Elementen in Neupersische. Bd. II Wiesbaden, 1965. S. 471; Golden P. B. Türk Halkları tarihine Giriş S.53.

⁸ Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish, Oxford, 1972. P.539; Шервашидзе И. Н. Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 85.

⁹ Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. С.105.

¹⁰ Clauson G. Turk, Mongol, Tungus // Asia Major. Vol. VIII. London, 1960/1961. P. 115.

¹¹ Golden P. B. Türk Halkları tarihine Giriş. S.53.

¹² Титул *yabyu* в качестве титула верховного правителя отмечается у Юечжи, на первых этапах у Кушан, Эфталитов и в Тюркском каганате.

¹³ Donuk A. Eski türk devletlerinde idari-askeri unvan ve terimler. İstanbul, 1988. S. 40.

в значении «чиновник» упоминается слово *дагян*, которое по мнению А. Н. Бернштама, это то же, что и позднейшее китайское *дагань*, является ни чем иным, как транскрипцией тюркского термина *tarxan*¹⁴. Если мнение А. Н. Бернштама верно, то мы имеем наиболее раннюю транскрипцию титула *tarxan*, которая упоминается одновременно с титулом *шаньюй*. Следовательно, это еще раз может служить свидетельством того, что интерпретация титула *шаньюй* как *tarxan* неверна.

Однако следует отметить, что некоторые ученые с титулом *yabuyi* отождествляют термин *си-хоу*, упоминаемый в китайских хрониках наряду с титулом *шаньюй*, носитель которого, по мнению Ю. А. Зуева, не входил в династийную структуру собственно *сюнну*, а, возможно, был представителем многочисленной юечжийской диаспоры – автономии в объединении *сюнну*¹⁵. При этом, согласно мнению некоторых исследователей, титул *си-хоу* является китайским и не связан с титулом *yabuyi*¹⁶. Учитывая, что в ранних китайских хрониках титулы, имевшиеся у центральноазиатских кочевых этносов в большинстве случаев переводились, например титулы Хуннов в «Хань шу», то вышеупомянутое предположение кажется нам верным. Но не следует забывать, что Т. Текин, опираясь на Г. Дёрфера, отмечает следующее – титул *yabuyi* в китайских хрониках передавался при помощи трех транскрипций – *шаньюй*, *си-хоу* и *ше-ху*¹⁷.

Другим титулом, который нашел свое отражение в «Хань шу» и который, по мнению Э. К. Пуллиблэнка, являлся, видимо, вторым высшим титулом у *сюнну* после *шаньюя*, был *ху-ю*¹⁸. Данный титул приводится в «Хань шу» в качестве титула наследника *шаньюя*, где излагается эпизод, в котором титул левого *сян-вана*, т. е. титул левого *ту-ци-вана*, при *сюннуском* дворе сочли несчастливым, и вследствие этого он достался, вопреки обычаю, другому лицу¹⁹. Э. К. Пуллиблэнк на основании древнего чтения титула *hu-yü* – *hou-hiou* восстанавливает его как

¹⁴ Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 107.

¹⁵ Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. С. 31; Боровкова Л. А. Царства «Западного края» во II – I веках до н. э. М., 2001. С. 288.

¹⁶ Han Hanedanlığı tarihi. Hsing-nu (Hun) monografisi. Çev. A. Onat, S. Ersoy, K. Ercilasun. Ankara, 2004. S. 113.

¹⁷ Gedikli Y. Hun türkçesi üzerine araştırma ve incelemeler – 3. Yabgu unvanının manası ve menşeyi // Türk dünyası araştırmaları. Sayı 167, Nisan 2007. S. 3; Doerfer G. Türkische und mongolische Elementen in Neupersische. Bd. IV. Wiesbaden, 1975. S. 124-135.

¹⁸ Doerfer G. Türkische und mongolische Elementen in Neupersische. Bd. III. Wiesbaden, 1967. S. 179.

¹⁹ Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. С. 107.

**hwax-hwāh* или *wax-wa*, передающего, по его мнению, сюннуское **γaγā* или *γ^waγ^wā*, и связывает его с древнетюркским титулом *qayan*. Подобное мнение нашло отражение и в трудах других исследователей²⁰. Однако подобная интерпретация Э. Пуллиблэнка титула ху-ю подверглась критике Г. Дёрфером, который пишет, что сюннуское **γaγā* не совсем хорошо соответствует древнетюркскому *χayan* (*qayan*), и где конечное *-n*, имеющееся в древнетюркском²¹. На основании предположительного чтения титула ху-ю для периода Западная Хань, когда этот титул был зафиксирован, как *w(h)āk/whrāk-wa*, которое проявляет фонетическую близость с хот.-сак. *hāha* «официальный титул, возможно кит.», *hauka* «официальный титул», а также возможную связь с хот.-сак. *rūkyā* «официальный титул»²², и учитывая вышеупомянутое замечание Г. Дёрфера, его подобная идентификация с титулом *qayan* кажется не очень обоснованной. Все это позволяет говорить о том, что под китайской транскрипцией ху-ю скрывается не титул *qayan*, а другой, а какой – это дело дальнейших исследований.

В китайских хрониках нашел также отражение термин *янь-чжи* (или *è-dī*), являвшийся титулом супруги *шаньюя*. К. Сиратори отождествлял этот титул со словом *asi-aši* «жена», имеющимся в языках тунгусской группы. В свою очередь В. А. Панов, занимавшийся исследованием языка сюнну, напротив, видел в нем несомненную передачу тюркского *ач* или *аш* – «женщина», «супруга», «жена» или же *ānчи* – *ābчи* – в том же значении «жена», «супруга», «хозяйка»²³. Э. К. Пуллиблэнк на основании древнего чтения иероглифов «*at-tcje* < **at-tēh*» интерпретировал данный титул как древнетюркский *qatun/xatun*²⁴. А. В. Дыбо, приведя предположительное чтение иероглифов для эпохи Западной Хань как *γāt-tāj*, также поддерживает вышеупомянутую интерпретацию, согласно которой титул супруги *шаньюя* отождествляется с древнетюркским *xatun* (*qatun*)²⁵.

В «Хань шу» в связи с сюнну упоминается также титул *ту-ци*, относящийся как к левому, так и правому *сянь-ванам*, и который традицион-

²⁰ Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. S. 611; Donuk A. Eski türk devletlerinde idari-askeri unvan ve terimler. S. 26; Golden P. B. Türk Halkları tarihine Giriş. S. 57; Шервашидзе И. Н. Фрагмент древнетюркской лексики. С. 84, 86; Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. С. 107.

²¹ Doerfer G. Türkische und mongolische Elementen in Neupersische. Bd. III. S. 179.

²² Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. С. 107.

²³ Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 130, прим. 88.

²⁴ Doerfer G. Türkische und mongolische Elementen in Neupersische. Bd. III. S. 140.

²⁵ Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. С. 106.

но интерпретируется как др. тюрк. *tegin* 'принц'²⁶. Вместе с тем следует отметить мнение А. В. Дыбо, которая на основании предположительного чтения иероглифов, которыми записан данный титул для эпохи Западной Хань как *dā-grjāj*, считает, что фонетически маловероятно интерпретировать титул *my-цзи* как *тегин*, и для его объяснения предлагает привлечь тюрк. **dogro*: др.тюрк. *doγrī*, тур. *doğru*, аз., гаг., турк. *doγru*, хор. *dō(γ)rā*, тув. *doora* «прямой, честный, законный», так, как это сделал в свое время Г. Шлегель, или сравнить его с др.тюрк. титулом *toγrul*, который отождествляется с *toγrul* «сокол»²⁷. Однако, если учесть, что титул *янь-чжи* на основании транскрипции *γāt-lāj*, восстанавливается как *xatun/qatun*, конечный *-n* которого в древнекитайском передан финалью *-j*, транскрипцию титула *my-цзи* – *dā-grjāj* более приемлемо восстанавливать как сюн. **däg(r)in*, т. е. др. тюрк. *tegin* «принц», а не как тюрк. **dogro*.

Таким образом, хотя большинство сюннуских титулов в китайских хрониках даны либо в виде переводов, либо их соответствий в номенклатуре китайской иерархии, некоторая небольшая часть все же приводится в виде транскрипций. Из них как тюркские, на основании вышеупомянутого материала, по мнению большинства исследователей, можно с уверенностью восстановить такие титулы как *yabyu*, *qatun*, *tegin*. Все эти титулы и в дальнейшем широко употреблялись в системе иерархии последующих тюркских государственных объединений. Вместе с тем переводами сюннуских военных должностей можно считать звание двадцати четырех крупных военачальников *вань-цзи* (букв. «десять тысяч всадников») – звание, которое, как отметил В. С. Таскин, соответствует термину «темник»²⁸, а также звания, назначаемых *вань-цзи* более мелких военачальников, упомянутых под такими терминами как *тысячники*, *сотники* и *десятники*²⁹. Под ними, вполне возможно, скрываются такие военные титулы, широко использовавшиеся в тюркских государствах, как *tümenbaşı*, *biñabaşı*, *yüzbaşı*, *onbaşı*.

При этом, английский исследователь Т. Барфилд, на основании вышеупомянутых сведений китайских хроник, делает заключение, что «в сюннуской империи существовали две системы званий, десятичная и политическая, каждая из которых имела свою отдельную функцию. Политическая система званий использовалась для повседневного руководства

²⁶ Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. С. 103-104; Шервашидзе И. Н. Фрагмент древнетюркской лексики. С. 84.

²⁷ Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. С. 103-104.

²⁸ Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 133, прим. 99.

²⁹ Материалы по истории сюнну. Вып. 2. С. 40.

племенами и территориями. Десятичная же система использовалась во время войн, когда под единое военное командование собиралось большое количество войск из различных частей степной империи»³⁰. Таким образом, это позволяет говорить, что *сюнну* все-таки имели сложную иерархическую систему. Именно их иерархическая система, с присущей ей титулами, послужила образцом для последующих государственных объединений, существовавших в Центральной Азии после государства *сюнну*, в том числе и для Тюркского каганата.

Следует отметить, что китайские хроники дают подробные сведения об иерархической системе только государства *сюнну* и Тюркского каганата, а относительно иерархии государств, существовавших в Центральной Азии в промежутке между ними, мы подобных сведений не имеем, а имеем лишь упоминания титулов в связи с тем или иным событием. Это в основном титулы, которые нашли свое отражение в иерархической системе Тюркского каганата. Именно в период, последующий после распада государства *сюнну*, в китайских хрониках мы находим сведения о ряде древнетюркских титулах, которые прежде не встречались в них, и чья интерпретация не вызывает сомнения.

Так, в этот период впервые в китайских хрониках появляется титул *qayan*, который в дальнейшем вытесняет титул *шаньюй*³¹, ставший титулом верховных правителей и употреблявшийся в течение столетий в ряде как тюркских, так и нетюркских государств. Как отметил К. Сиратори, впервые титул *qayan* в китайских хрониках зарегистрирован у сяньбийского племени *ци-фу*, что подтверждается легендой о мальчике по имени *Хэгань*, найденным чудесным образом представителями кочевьев – *Жуфусы*, *Чулянь* и *Чилу* у гор Да Иньшан и воспитанного стариком из кочевья *Цифу*, который не имел сыновей. Согласно ей, четыре кочевья, т. е. *Цифу*, *Жуфусы*, *Чулянь* и *Чилу*, выдвинули *Хэганя* на пост общего правителя, назвав его *Цифу кэхань тодо мохэ*. И как отмечается далее в хронике, один из его потомков *Юлинь* в начале эры *Тай-ши* (265-274) переселился во главе пяти тысяч дворов к границам Ся [т. е. Китая]³².

³⁰ Барфилд Т. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.). СПб., 2009. С. 42.

³¹ Таскин В. С. О титулах шаньюй и каган // *Mongolica*. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова (1884-1931). М., 1986. С. 213-218.

³² Таскин В. С. О титулах шаньюй и каган. С. 213-214; Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введение, перевод и комментарии Таскина В. С. М., 1984. С. 89-90.

По мнению К. Сиратори, поскольку деятельность *Юлиня* связывается по времени с эрой правления *Тай-ши*, его прародитель *Хэгань*, получивший титул *qayan*, должен был жить либо в конце поздней династии Хань (25-220), либо в период Троецарствия (220-280), и, следовательно, в это время среди сяньбийцев существовал данный титул³³.

Приблизительно в то же время в китайских хрониках титул *qayan* зафиксирован у *тууюйхуней*, относимых китайскими историками также к этнической группе *сяньби*³⁴. Так, в «Сун шу» приводится рассказ о том, что у сяньбийского вождя Илоханя было два сына – Тууюйхунь и Жологуй. При жизни Илохань выделил Тууюйхуню семьсот семей, и тот после смерти отца во главе отдельного кочевья жил рядом с Жологуем, наследовавшим власть. Однажды весной лошади двух поколений подрались и покалечили друг друга. Жологуй послал к Тууюйхуню гонца, упрекая его в происшедшей между лошадьми драке, и спрашивал, почему он не пасет лошадей подальше от него. Решив откочевать, Тууюйхунь двинулся на запад. Раскаявшийся Жологуй отправил к нему Иналоу с просьбой вернуться обратно. Тууюйхунь ответил Иналоу, что он откочевывает из-за лошадей, которые, видимо, подрались по воле Неба. «Если вы сможете заставить лошадей повернуть на восток, я последую за ними». На это Иналоу сказал: «*Чу кэ-хань*», в переводе на китайский язык «*Эргуань-цзя*» («эр» – слово, выражающее согласие, а «*гуань-цзя*» соответствует понятию «правитель, император»)³⁵. Как отмечает В. С. Таскин, Жологуй, брат Тууюйхуня, умер в возрасте 65 лет в 8-м году эры правления Сянь-хэ (333 г.) при восточнозиньском императоре Чэн-ди. Отсюда легко высчитать, что он родился в 269 г. и, следовательно, в период 269-333 гг. *сяньбийцы* пользовались титулом *кэ-хань* (*qayan*)³⁶. Однако, как можно судить из сведений китайских хроник, правители *тууюйхуней* на практике официально использовали два титула *шаньюй* и *qayan*, из которых, как считает В. С. Таскин, первый является тюркским, а второй сяньбийским³⁷. При этом, как отмечается в «Вэй шоу», из правителей *тууюйхуней* Куалюй первый присвоил прозвище *кэ-хань* (*qayan*). Далее в этой хронике говорится, что «сидел он (т. е. Куалюй) на золотой, ук-

³³ Таскин В. С. О титулах шаньюй и каган. С. 214.

³⁴ Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. С. 193; Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. С. 235-236; Таскин В. С. О титулах шаньюй и каган. С. 214.

³⁵ Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. С. 235-236; Таскин В. С. О титулах шаньюй и каган. С. 214.

³⁶ Таскин В. С. О титулах шаньюй и каган. С. 214-215.

³⁷ Там же. С. 215.

рашенной львами лежанке, свою жену называл *кэ-цзунь* (*катунь*)...»³⁸. В названии супруги правителя туюйхуней, который отмечен уже в «Чжоу шу», ряд исследователей усматривают древнетюркский титул *qatun*³⁹. Таким образом, можно сделать заключение, что уже в титулатуре *туюйхуней*, во всяком случае, имелись титулы *qayan* и *qatun*. Как известно, Куалюй вступил на престол после смерти Фулянчоу, последовавшей не ранее 525 года⁴⁰, и, следовательно, приблизительно с этого времени в титулатуре *туюйхуней* заняли свое место два вышеупомянутых титула. Но если относительно титула *qayan* это не вызывает сомнения, то относительно титула *qatun*, исходя из сведений «Чжоу шу»⁴¹, можно сказать, что он вошел в употребление в IV в.

Примерно в то же время, что у *туюйхуней*, у *то-ба* (*табгачей*) отмечается наличие титулов *qayan* и *qatun* в форме *кэ-хань* и *кэ-сунь*⁴². Однако в отличие от первых, у *то-ба* зафиксирован в качестве компонента имен их принцев термин *чжи-цин*, который рядом исследователей отождествлен с древнетюркским титулом *tegin*. Это наглядно подтверждается предполагаемым древним чтением иероглифов, использованных для транскрипции этого титула: ПДК *d(h)ik ghin*⁴³. По мнению Г. Дёрфера, этот титул *то-ба*, видимо, заимствовали от *жуань-жуаней* (*аваров*)⁴⁴. Кроме вышеупомянутых титулов, как считают некоторые исследователи, у *то-ба* имелся также титул *tarhan*, который вошел в употребление с этой эпохи (386-557)⁴⁵. Таким образом, для *то-ба* мы можем отметить наличие таких титулов, как *qayan*, *qatun*, *tegin* и *tarhan*, широко употреблявшихся в иерархической номенклатуре Тюркского каганата.

Непосредственным политическим предшественником Тюркского каганата было государство Жуань-жуаней, в подчинении которого определенное время находились тюрки. Следует отметить, что в отличие от упомянутых выше политических объединений, существовавших в промежутке от государства Сюнну до Тюркского каганата, у жуань-

³⁸ Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. С. 227.

³⁹ Doerfer G. Türkische und mongolische Elementen in Neupersische. Bd. III. S. 140; Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. С. 15; Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. С. 107.

⁴⁰ Таскин В. С. О титулах шаньюй и каган. С. 216.

⁴¹ Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. С. 107.

⁴² Doerfer G. Türkische und mongolische Elementen in Neupersische. Bd. III. S. 140, 167; Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. С. 107.

⁴³ Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. С. 194.

⁴⁴ Doerfer G. Türkische und mongolische Elementen in Neupersische. Bd. II. S. 538

⁴⁵ Doerfer G. Eski türk devletlerinde idari-askeri unvan ve terimler. S.40.

жуаней наблюдается большее разнообразие и количество титулов. Если обратить внимание на следующие сведения из хроники «Вэй шу»: «По обычаям жуань-жуаней правитель и сановники принимают прозвища в зависимости от поступков и способностей, подобно тому как в Срединном государстве даются посмертные титулы, но у них после смерти почетные титулы не подносятся»⁴⁶ и «ныне Шэлунь установил по примеру Срединного государства законы, ввел правила построения воинов»⁴⁷, то становится ясным, что у жуань-жуаней имелись определенная иерархическая система и сложное государственное устройство.

Именно правитель жуань-жуаней Шэлунь официально принимает титул *qayan* в качестве титула верховного правителя и с этого периода перестает употребляться в качестве такового титул *шаньюй*⁴⁸. Относительно присвоения Шэлунем титула *qayan* в китайской хронике «Вэй-шоу» имеются следующие данные:

«Все мелкие владения, страдавшие от набегов и грабежей Шэлуна, были [как бы] на привязи у него и подчинялись ему. В связи с этим Шэлунь присвоил себе титул *Цюдоуфа кэхань*. *Цюдоуфа* на языке династии Вэй означает «правлящий и приведший к расширению», а *кэхань* – «император»»⁴⁹.

В. С. Таскин считает, что впервые официально титул *qayan* принял не правитель *туюйхуней* Куалюй, а правитель жуань-жуаней Шэлунь, по крайней мере, на столетие раньше. Как отмечает исследователь, «судя по тексту «Вэй шу», это произошло между 9-м годом эры правления Дэн-го (394 г.) и 5-м годом правления Тянь-син (402), и, как считает Ду Ю (735 – 812), известный китайский историк, автор знаменитого сочинения «Тун дян» («Свод общих установлений государственного управления»), титул *qayan* появляется с этого времени»⁵⁰. Так, в «Тун дян» о принятии тюрками титула *qayan* имеются следующие сведения:

«Тумын (Бумын) объявил себя *и-ли ке-ханем* (*ellelig-qayan*). Во времена императора династии Поздняя Вэй Тайву глава Жуань-жуаней Шэлунь принял в качестве своего титула титул *ке-хань* (*qayan*). По этой причине Тукюе (*тюрки*) взяли этот титул»⁵¹.

По мнению А. В. Дыбо, данный титул у жуань-жуаней, скорее всего, – заимствование из терминологии предшествующих кочевых империй⁵².

⁴⁶ Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. С. 269.

⁴⁷ Там же. С. 270.

⁴⁸ Таскин В. С. О титулах шаньюй и каган. С. 216-217.

⁴⁹ Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. С. 269.

⁵⁰ Таскин В. С. О титулах шаньюй и каган. С. 216.

⁵¹ Taşağıl A. Gök-Türkler. I, 2. Baskı, Ankara, 2003. S. 96.

⁵² Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. С. 198.

Сведения китайских хроник указывают на то, что наряду с титулом *кэ-хань* (*qayan*), у жуань-жуаней имелись такие титулы, как *ка-га-тунь* (*qatun*), *сы-ли-фа* (*eltäbär*), *сы-цзин* (*erkin*), а также эпитет *мо-хэ* (*baya*)⁵³. Не исключено также, что под транскрипциями жуань-жуанских титулов *ту-доу-дэн* и *ту-доу-фа*, упоминаемых в хронике «Ли Яньшоу»⁵⁴, скрываются древнетюркские титулы *tudun* и *tutuq-beg*. Кроме того, титул *мо-фу*, или *мо-хэ-фу*, упоминаемый у жуань-жуаней, некоторые исследователи считают одним и тем же, что и *мо-хэ-ду* и отождествляют его с древнетюркским эпитетом *baxadur* (*batur*)⁵⁵. Г. Дёрфер, приводя следующее мнение Лю Ма-цая: «*чи-кин* жуань-жуаней идентичен с *те-кин* (*tegin*)». Этот титул заимствовали *мо-ба*», пишет об упоминании этого титула в китайских хрониках: сначала у жуань-жуаней (IV – VI вв.), потом у *мо-ба* (IV – VI вв.), а затем у древних тюрков (V в.)⁵⁶, а если учитывать вышеупомянутое сопоставление титула сюнну *ту-ци* с древнетюркским титулом *tegin*, то окажется, что он впервые был упомянут в них у сюнну (II в. до н. э. – II в. н. э.).

Как пишет М. В. Крюков, с V в. в Гаочане начинает заметно проявляться культурное влияние древних тюрков. Первыми источниками, свидетельствующими об этом, являются китайские тексты из Гаочана, относящиеся к 60-80-годам V в., и в которых в качестве компонента имен представителей местного населения встречается тюркский титул *tegin*⁵⁷. Эти сведения могут быть связаны с Жуань-жуанами. Данный факт, в свою очередь, дает возможность считать, что у них имелся титул *tegin*. Следует отметить также то, что у древних тюрков в период их подчинения жуань-жуаням, отмечается наличие титула *yabui*. Так, предводитель тюрков Ту-у (535 г.), отец основателей Тюркского каганата Бумыня и Истеми, имел титул *та шэ-ху* или *та йе-ху*, т. е. «великий ябгу»⁵⁸, а их предки *А-сян* и *На-ду-лу* упоминаются в китайских хрониках под титулом *ше* (*šad*)⁵⁹. Эти факты позволяют говорить, что в системе иерархии и управления государства жуань-жуаней имелись титулы *yabui* и *šad*.

⁵³ Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. С. 280, 284.

⁵⁴ Там же. С. 293.

⁵⁵ Там же. С. 412, ком. 45.

⁵⁶ D o e r f e r G. Türkische und mongolische Elementen in Neupersische. Bd. II . S. 538.

⁵⁷ К р ю к о в М. В. Восточный Туркестан в III в. до н. э. – VI в. н. э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / Под. ред. Тихвинского С. Л., Литвинского Б. А. М., 1988. С. 295.

⁵⁸ D o n u k A. Eski türk devletlerinde idari-askeri unvan ve terimler. S. 56.

⁵⁹ B o m b a c i A. On the Ancient Turkish title *šad* // Gururajamenjarika Studi Onare di G. Tucci. Napoli, 1974. P. 191.

Таким образом, для титулатуры жуань-жуаней можно отметить наличие таких титулов и эпитетов, как *qayan*, *qatun*, *yabyu*, *šad*, *eltäbär*, *erkin*, *baγa*, *tudun*, *tutuq-beg* и *baxadur*. Как указал в свое время Г. Дёрфер, титул *bäg* (*beg*), как и другие древнетюркские титулы, такие как *хан* ~ *qayan* (*qan* ~ *qayan*), *хатун* (*qatun*), *батур* (*baxadur*), *тегин* (*tegin*), *yabyu*, *šad*, *tarхан* и др., были заимствованы от жуань-жуаней⁶⁰. К числу таких титулов можно отнести и чисто тюркские титулы *erkin*, *eltäbär*⁶¹. Действительно, данные титулы встречаются намного раньше, чем возник Тюркский каганат, т. е. в V – VI вв., в связи с системой управления государства Жуань-жуаней, что находит подтверждение в сведениях китайских хроник⁶².

Таким образом, можно говорить о том, что древнетюркская титулатура возникла в государстве Сюнну (Хуннов) и в результате преемственности традиций его государственности вместе с титулатурой в последующих государственных объединениях, существовавших позже на его территории вплоть до Тюркского каганата, была непосредственно заимствована древними тюрками от жуань-жуаней, в состав государства которых они входили определенное время.

А. Кубатин

Қадимги турк унволларининг генезиси масаласига доир

Мақолада муаллиф, асосан, хитой манбаларида келтирилган маълумотлар ва лингвистик материаллар асосида бир қатор қадимги турк унволларининг генезиси масаласига тўхталади. Тадқиқотчининг фикрига кўра, қадимги турк унволлари Сюнну (Хунну) давлатида пайдо бўлган ва Турк хоқонлиги ташкил топгунига қадар Сюнну давлати ҳудудида мавжуд бўлган сиёсий уюшмаларда ушбу давлатнинг давлатчиликлари билан бирга унволларининг меросий изчил равишда бириктириги натижасида, мазкур унволларни қадимги турклар бевосита жуан-жуанлардан ўзлаштирганлар.

⁶⁰ Doerfer G. Türkische und mongolische Elementen in Neupersische. Bd. II . S. 405, 541.

⁶¹ Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. С. 280, 284.

⁶² Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 187, 201; Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. С. 40, 163.

A. Kubatin

To question about genesis Old Turkic Titles

In article author on the grounds of basically information of the chinese sources and linguistical material considers the genesis of the row Old Turkic Titles. In the opinion of researcher Old Turkic Titles appeared in state Xiunnu and as a result of receivership his(its) tradition statehood together with титулатурой in the following state associations, existed later on his(its) territory up to Turkic Qaghanat, was directly unoriginal ancient turks from Ruan-Ruan's, in composition state, which they determined time entered.

A. Собиров

ТУРКИСТОН ПАХТАЧИЛИГИ ТРАНСФОРМАЦИЯСИГА ДОИР

Туркистон Россия империяси томонидан истило қилингандан сўнг, ўлкада аграр ислохот олиб бориш бош масалага айланди. Бу сиёсатнинг замирида ўлкани пахтачилик соҳасига ихтисослашган мустамлакага айлантириш бош масала бўлиб, бу ҳолат мавжуд табиий ҳолатга, аҳоли маиший ҳаётига ўз таъсирини кўрсатди. XIX асрнинг иккинчи ярмидан бошлаб минтақа анъанавий пахтачилиги ўзининг аввалги хусусиятини йўқотиб, янгича кўриниш ола бошлади. Ўлкада жорий қилинган Ғарб агромаданияти узоқ йиллар давомида шаклланиб келган ер муносабатларини тубдан ўзгартириб юборди.

Ўрта Осиёда америка пахтаси маданиятини ёйиш ишларига генерал-адъютант фон Кауфман шахсан ўзи бошчилик қилган. Туркистонга 1868 йилдаёқ Ғарбдан янги чигит навлари келтирилиб, уни оммага таништириш мақсадида тарқатилган. 1870 йилда ҳосил яхши бўлмаса ҳам Тошкент, Хўжанд ва Самарқандда америка пахтасини етиштириш бошланди, ушбу тола сифати Бухоро навидан юқори эканлиги мутахассислар томонидан эътироф этилган.

Ўлкада янги навларни тезроқ ёйиш мақсадида, дастлаб пахтакорларга иқлимга мослаштирилган чигитлар бепул берилган. Хусусан, Туркистон қишлоқ хўжалиги жамияти раиси Н. Н. Раевский хоҳловчиларга текинга 45 пуд америка пахтаси чигитини тарқатган ва бу уруғлар бутун

ўлка бўйлаб тез ёйилган¹. Россия маъмурияти амалдорлари Ўрта Осиёга америка пахтаси маданиятини жорий қилишни табиат устидан ғалаба қозониш деб ҳисоблаганлар.

1871 йилда пахта униб чиқиши шароитини ўрганиш учун махсус тажриба плантацияси ташкил этилиб, у ерда жами бўлиб 40 хил чигит навлари синаб кўрилган². Пахтачилик соҳасидаги илмий изланишлар метеорологик, фенологик, иқлим ва тупроқ шароитини ўрганиш, янги навларни синаш ҳамда уларни аввал иқлимга мослаштирилганлари билан киёслаш устида олиб борилган. 1898 йилда Туркистон деҳқончилик бошқармаси ўлка пахта далаларида, Самарқанд ва Фарғона вилоятларида биттадан, Сирдарё вилоятида иккита жами тўртта тажриба майдони ташкил этиш учун рухсат сўраб Туркистон деҳқончилик департаменти-га мурожаат қилган. Кўп ўтмай Андижон ва Мирзачўл тажриба майдонлари ташкил қилиниб, ишга тушган³. Бундан ташқари, Туркистондан Америкага пахта ишини жойларда махсус ўрганиш учун икки нафар мутахассис юборилади. Ўлкада пахта компанияси 1878 йилдан бошлаб ўз фаолиятини бошлаган. Дастлабки уриниш муваффақиятсиз якунланган, бироқ йилдан-йилга ҳосил миқдори ошиб бориб, тўртинчи йилда бу кўрсаткич икки баробарга кўпайган. Гарчи, чигит текин берилса-да маҳаллий пахтакорлар, дастлаб, уни хоҳишсиз равишда олганлар. Кейинроқ маҳаллий деҳқон далаларида бундай пахта экилиши муттасил ортиб борган. Деҳқонлар америка пахта нави маҳаллий пахта нави билан бир хил ҳосил берса-да, унинг толаси қимматроқ, тозалаш арзонроқ, пояси қалинроқ ҳамда етиштириш енгилроқ, деб ҳисоблаганлар.

Франсуз биологи Де Вриеснинг «Die Mutations theorie» (Мутациялар назарияси) асари чоп этилиши жаҳон олимларининг ўсимлик мутацияси масаласига қизиқиши ортишига сабаб бўлди⁴. Туркистон далаларида ҳам хориждан келтирилган чигитлар билан маҳаллий навларни чатиштириш ишлари жонлана бошлаган. Бу навлар иқлимга тез мослашиб, кейинроқ улар, ҳатто, малла чигит, кўк чигит каби маҳаллий ном билан ҳам номлана бошлаган. Шуниси қизиқки, ушбу навларнинг бир қатор афзалликларига қарамай, маҳаллий деҳқонлар уларга ишончсизлик билан қараганлар.

¹ Опыты посева в Туркестане американского хлопка // Туркестанские ведомости. 1871. № 12. С. 50.

² Туркестанский сборник. Ташкент. Т. 518. С. 138.

³ ЎЗР МДА. 7-жамғарма, 1-рўйхат, 2465-иш, 7-варак.

⁴ Мутация в египетском хлопчатнике // Туркестанское сельское хозяйство. 1916. № 16. С. 637.

Россия империяси ҳукумати тўқимачилик саноатини ривожлантиришга, ўз тўқимачилик саноатини хомашё билан таъминлашга алоҳида эътибор берган. Шу мақсадда жайдари, маҳаллий нав ғўзанинг сифати яхши бўлмаганлиги учун толаси узун, ҳосилдорлиги юқори бўлган америка пахта нави жорий қилина бошлади⁵.

АҚШдан келтирилган ингичка ва пишиқ бўлган мобил, саванна, луизианна ва бошқа навлар ўртача толали ҳисобланган. 1915 йилдан бошлаб кўплаб ўрта толали христофорлярт, триумф, кўкчигит, россел навлари ўлка иқлимига мослашганлиги эътироф этилиб, калта толалилар ўрнига алмаштирилган⁶.

Ўзбекистонда етиштирилган ўша давр гибрид навларига толаси узун ва пишиқ Тошкент ушланди № 20 ва Аунсбол № 25, толаси калта, аммо тезпишар ва серҳосил Кинг № 21 ва Кўк чигит № 2, эртапишар ҳамда совукка чидамли Хаукинс № 33, иссиқсевар навлардан Дюранго № 33 ва Триумф № 44 кабиларни мисол қилиш мумкин⁷. 1915 йилда Туркистон тажриба майдонларида узун толали навларни ҳам текшириш ишлари якунланган. Узун толали пахта навлари иссиқ ўлкалардан, асосан, Мисрдан келтирилган. Жумладан, пахтачилик соҳасида фаолият юритаётган инженер Амианц Туркистон зироатчилик департаментига ўлкада миср пахта навини тажриба сифатида экиш учун мурожаат қилган. Тадбиркорга Мисрдан келтирилган «аффифи» ва «ашмуни» навлари чигити кўпайтириш учун берилган. Бир вақтнинг ўзида департамент худди шу чигитларни Туркистон тажриба майдонларига ҳам топширган⁸.

Туркистон ўлкаси иқлимига мослаштирилган пахта навларини экиш анча олдин бошланган бўлса-да, бу уринишларнинг аксарияти муваффақиятсиз якунланган. Фақатгина 1884 йилга келиб пахтанинг бу навларини экишга жиддий киришилган. Қишлоқ хўжалигининг бу соҳаси бир неча бор муваффақиятсизликка учраса-да, мустамлакачи ҳукуматнинг пахта талвасасини тўхтата олмади. 1884 йилда америка пахтасини етиштириш бошланган бўлса, ҳосил кўлами йилдан-йилга ортиб борган ва 1887 йилдан кескин ўсиш кузатилган:

⁵ Тарих шохидлиги ва сабоқлари. Тошкент, 2001. 108-бет.

⁶ Протокол общего собрания Туркестанского общества сельского хозяйства // Туркестанское сельское хозяйство. 1916. № 16. С. 1090.

⁷ Краткие соображения по вопросу об организации семенного хлопкового дела и распространении среди населения Голодной степи семян лучших сортов хлопчатника // Туркестанское сельское хозяйство. 1916. № 16. С. 637.

⁸ Выписка семян хлопчатника // Туркестанское сельское хозяйство. 1909. № 2. С. 161-162.

1884 йилда – 645 пуд, 1885 йилда – 2.915 пуд, 1886 йилда – 4.928 пуд, 1887 йилда – 23.053 пуд, 1888 йилда – 735.000 пудга етган⁹.

Америка навини етиштириш ишлари билан маҳаллий тадбиркорлар ҳам шуғулланганлар. Ўлка кишлоқ хўжалигига жорий қилинаётган янгиликларнинг афзалликларини биринчи бўлиб тушунган ҳамда тадбир этишни бошлаган маҳаллий вакиллардан бири Ақром Асқаров бўлган. Ақром Асқаров биринчилардан бўлиб кишлоқ хўжалигининг ушбу соҳасини даромадли деб топиб, ўз ерида Упланд навини етиштириш билан шуғулланган¹⁰.

Биринчи жаҳон уруши бошланиши туфайли Россияга АҚШдан келтириляётган пахта хомашёси тўхтаб қолган, хориждан келтириляётган толанинг камайиши Туркистон далаларида пахта экиш учун кўпроқ майдонлар ажратилишига сабаб бўлган. 1915 йилда ўлка тарихида биринчи бор пахта далаларида 13,5-14,5 млн. пуд тола йиғиб олинган¹¹.

XIX аср охирларигача Ўрта Осиёда қайта ишланган пахта чигитлари чиқинди ҳисобланган ҳамда ҳеч қандай қийматга эга бўлмаган, лекин дастлабки ёғ заводларининг пайдо бўлиши билан пахта чигитининг нархи ошиб борган. Аввалига қаерга ишлатишни билмай турган ёғ заводидаги хом ашёлар ўлкада саноат тараққиёти туфайли товар хусусиятига эга бўлиб, ўғит сифатида, қорамол учун арзон озуқа сифатида фойдаланилган ва, ҳатто, хорижга экспорт қилина бошлаган. Америка пахтаси маданиятининг кенгайиши билан пахта тозалаш заводлари сони ҳам ортиб борган. Уларда 1884 йилга қадар фақат маҳаллий навлар тозаланган.

Тажриба майдонларига экилган америка навлари тўлалигича мутахассислар томонидан юкори баҳоланган. Рус агрономлари маҳаллий пахта сифатини яхшилаш учун дунёдаги энг яхши навларни иқлимга мослаштириш ва пахтага ишлов берувчи замонавий машиналарни ишлаб чиқаришга жорий қилиш керак, деб ҳисоблаган.

Империя маъмурияти хўжаликда ишчи кучини камайитириш учун ўлкада ерга ишлов беришнинг механик услубига ўтилиши лозим, шундагина пахтани ишлаб чиқариш арзонлашади, деб ҳисоблаганлар. Чунки ҳар десятина ерга ишлов бериш қўл меҳнатига асосланса 80-90 рубль, механик услубда эса 50-60 рублга тушган. Туркистон кишлоқ хўжалиги жамияти умуммажлисида жамият президенти Р. Р. Шредер пахта маданиятига тўхталар экан, ўлкада ерга механик ишлов бериш усули

⁹ Туркестанские ведомости. 1889. № 27. С. 104.

¹⁰ А с к а р о в Ақрам // Туркестанские ведомости. 1891. № 45. С. 179.

¹¹ Хроника // Туркестанский земледелец. 1916. № 8. С. 77.

унумли ва ортиқча чиқимларни камайитиришини таъкидлаб ўтган¹². Туб аҳоли зироатчилари ерга ишлов беришнинг механик услуби қулай эканлигига ишонч ҳосил қилиб, Европа типигаги меҳнат қуролларида фойдаланишни ўзлаштира бошлаганлар. Тошкентда эса, ҳатто, шу қуроолларга тақлид қилиб маҳаллий хунармандлар деҳқончилик меҳнат қуроллари ясай бошлаганлар. 1880 йилда пахта экиш ва машина ёрдамида тозалаш тажриба-фермерлик хўжалигига асос солинган, 1884 йилда ферма қайтадан ташкил этилиб, газначилик тажриба плантацияси деб номланган¹³.

Пахта плантацияларида пахтакорлар ерга ишлов беришнинг янги усуллари ўзлаштириб, амалиётга жорий қила бошлаганлар. М. М. Стефаницкий биринчилардан бўлиб маҳаллий шароитда Туркистон даласида ерга ишлов беришда европа меҳнат қуролларида фойдаланиш фойдали эканлигини амалда исбот қилган. Айнан шу даврда, Туркистонда ишчи кучига эҳтиёж ортиши муносабати билан, ўлкага фан-техника ютуғи ҳисобланган дастлабки тракторлар кириб келган. 1914 йилда Туркистонда жами 5та, шу жумладан: Фарғонада 2та, Қорақалпоғистон, Сирдарё ва Термизда биттадан тракторлар пахта далаларида ерга ишлов берган¹⁴.

Ерга ишлов беришда маҳаллий шароитда омоч билан ер 3-4 маротаба ҳайдалса, плугда эса худди шундай ҳолда 2 маротабада унумлироқ ҳайдалган. Шу даврда бошқа қурооллар билан бирга Туркистонга «бирменгем» кетмонлари ҳам кириб келган. Дастлаб, 1900 йилда плуг маҳаллий деҳқонлар далаларида пайдо бўлган. Аввалига «омоч» нинг ташқи кўринишдаги ўзига ҳослик ишончсизликка сабаб бўлган. Лекин плуг омоч тиши ололмаган қаттиқ ерларни осон ва тез ҳайдай олиши билан бошқа деҳқонларнинг ҳам эътиборини ўзига тортган¹⁵. Тошкентда Туркистон Деҳқон хўжалиги жамияти механик қуроолларни кенг ёйиш мақсадида маҳаллий шароитга мос келувчи плуг ишлаб чиқаришни эълон қилган. Унга қўйилган асосий талаблар плуг арзон бўлиши ва кичик суғорма деҳқончилигига мўлжалланган бўлиши лозим бўлган. Ғолибга 1500 рубль ваъда қилинган¹⁶. Олиб борилган тадбирлар ўз натижасини секин-аста бера бошлаган. Бу меҳнат қуроллари аҳоли орасида кенг ёйишни тарғибот қилишда маҳаллий зиёлилар ҳам ўз улушини қўшган-

¹² Туркестанский сборник. Ташкент. Т. 500. С. 73.

¹³ Истекшее двадцатипятилетие (1867-1892) в экономической жизни Туркестанского края // Туркестанские ведомости. 1892. № 48. С. 244.

¹⁴ Гусеничный трактор // Туркестанские ведомости. 1914. № 112. С. 3.

¹⁵ Корреспонденции // Туркестанское сельское хозяйство. 1906. № 4. С. 56.

¹⁶ Конкурс плуга для замены туземного омача // Туркестанское сельское хозяйство. 1916. № 17. С. 268-269.

лар. Ўша давр миллий матбуотида бундай хитоблар учраб туради. Масалан, «Садои Фарғона» газетасида муаллиф минг таассуф билан деҳқонлар замонавий қуrollардан фойдаланмаётганлиги тўғрисида шундай ёзган: «...Ул амриқоликлар экин асбоблар ишлатуб, биз 10 киши 10 кунда қилғон ишимизни, онлар 2 киши билан 10 соатда қилмоқдадурлар. Онларда ўруш, чочиш, чопиш, териш, экиш ҳаммаси осон, машина билан тез тайёр бўладур. Онлар ўшал машина билан вақтинда тез йиғиштириб оладурлар. Шул осон асбоблар Русиянинг бутун деҳқонларида бордур. Биз ҳам шул экин асбобларидин олиб ишлатсак оғир меҳнатларимиз енгилланур эрди»¹⁷.

Янги аср бошларига келиб қишлоқ хўжалигида аграр муносабатларнинг замонавий усулларида фойдаланиш анча ўсган. Масалан, 1907 йилнинг биринчи чорагида Қишлоқ хўжалик машиналари ва қуrollари омборининг Андижон бўлими туб аҳолига 50 та плуг сотган. Шу даврга оид архив маълумотларига кўра биргина 1906 йилда Андижон уездига маҳаллий деҳқонлар 30 га яқин плуг сотиб олган эди¹⁸. Бу ҳолат ерга ишлов беришда европа қуrollари маҳаллий зироатчилар хўжалик ҳаётига кириб келаётганлигидан далолат беради. Плуг сотиб олган деҳқонлар ундан фойдаланишни тез ўзлаштириб олиб, унинг ўзларининг кўп асрлик омочидан афзаллигига тўла ишонч ҳосил қилишган. Андижон омборидан ташқари плуг ва такомиллашган меҳнат қуrollари савдоси билан хусусий тадбиркорлар ҳам шуғулланганлар.

Туркистондаги аксарият замонавий меҳнат қуrollари Ғарб давлатларидан ва АҚШдан келтирилган бўлиб, рус заводлари бундай қуrollарни ишлаб чиқармас эди. Ғарбдан келтирилган меҳнат қуrollари билан бир қаторда тажриба майдонларида инглиз-ҳинд плуглари ҳам намоёйиш қилинган. Бу плуг ҳинд деҳқонлари орасида кенг тарқалган бўлиб, кўп жиҳатдан омочни эслатиб турса-да, барча қисмлари темирдан ишланган эди. Туркистон маҳаллий деҳқонлари плугни иш жараёнида кўриб, унга катта қизиқиш билдирганлар¹⁹.

Қишлоқ хўжалик машиналари ва қуrollари жамияти Европа асбоб-ускуналарини маҳаллий аҳоли орасида оммалаштириш мақсадида, рус деҳқонлари билан бир қаторда маҳаллий меҳнаткашларга ҳам меҳнат қуrollари сотиб олиш учун кенг миқёсда кредит ажратган. Аф-

¹⁷ Ватанимиз Туркистонда зироат ва деҳқончилик // Садои Фарғона. № 10. 1914. 3-бет.

¹⁸ Туркестанские ведомости. 1907. № 5. С. 31.

¹⁹ Демонстрация англо-индийского плужка туземцам // Туркестанское сельское хозяйство. 1912. № 6. С. 506.

суски, бу имкониятдан оз сонли маҳаллий дехқонларгина фойдалана олганлар. Пахта далаларида техника воситаларидан фойдаланишга ўтишда маҳаллий аҳолининг ўзига тўқ қатлами муҳим роль ўйнаган. Тошкент уездидан Холмуҳаммад Бадалмуҳаммадбоев тажриба сифатида, тўлов эвазига «Баннер» сеялкасини ижарага олиб, чигит экишда ундан фойдаланади. Ҳосил қутилганидан ҳам яхши бўлиб чиққан, оқибатда кейинги йилдаёқ тадбиркор керакли анжомлар олиш учун Вилоят Дехқончилик бошқармасига кредит сўраб мурожаат этган²⁰.

Туркистон ўлкасида такомиллашган меҳнат қуроллари муомалага киритиш билан бир вақтда, тупроқ ҳосилдорлигини ошириш мақсадида олиб борилган тадбирлар рус мутахассислари томонидан амалга оширилган. Тупрокни минерал озиклантириш биринчи маротаба 1902 йилда Туркистон кишлок хўжалиги тажриба станциясида синовдан ўтган. Тажриба ишлари хусусий хўжаликларда ҳам ўтказилиб, аксарият ҳолларда минерал ўғитлар текинга берилган²¹. Шунга қарамай, маҳаллий дехқонлар кимёвий ўғитлардан фойдаланишдан кўра маҳаллий ўғитни афзал кўрганлар. Чунки, даставвал текинга берилаётган минерал ўғитларга энди юқори нарх белгиланган, оқибатда кўпгина хусусий дехқон хўжаликларининг сотиб олишга имкони бўлмаган.

Туркистон тажриба майдонлари лабораторияларида турли кимёвий ўғитлар устида изланишлар олиб борилган²². Бу тажрибалар натижасида кўшлаб буюртма қилинган минерал ўғитлар аста-секин табиий ўғитлар ўрнини эгаллаб, кишлок хўжалигида фойдаланила бошлаган.

XIX аср охирига келиб дунё бозорида минерал ўғит нархининг тушиб кетиши минтақадаги ҳолатга таъсир кўрсатган, натижада унинг таннархи арзонлаша бошлаган. Масалан, Тошкентда 1 пуд суперфосфатнинг нархи 1 рубль 93 тийинни ташкил этган. Натижада маҳаллий дехқонлар орасида ерни кимёвий озиклантириш кенг ёйилиб, ҳатто бу соҳада рус дехқонларидан ҳам ўзиб кетилган. Бу ҳолат қуйида номаълум рус муаллифи қайдларида ҳам келтирилган: «Ерга ишлов беришнинг маданий услублари маҳаллий аҳоли орасида тобора муомалага кириб бормокда, кундан-кунга кишлок хўжалиги меҳнат қуроллари ва минерал ўғитларга талаб ортиб бормокда. Туб аҳоли вакиллари русларни ҳам

²⁰ Н. А.-в. Интересный опыт с посевом хлопчатника // Туркестанский земледелец. 1916. № 1. С. 17-18.

²¹ Александров П. Результаты опытов с минеральными удобрениями в частных хозяйствах Туркестанского края // Туркестанское сельское хозяйство. 1906. № 4. С. 25-26.

²² Туркестанский сборник. Ташкент. Т. 495. С. 122.

бу соҳада қувиб ўтмоқда. Самарқандга савдогар Алишоев 1 пуди 2 рублдан тўрт вагон суперфосфат келтирган»²³.

Хулоса сифатида шуниси айтиш мумкинки, Туркистон мустамлакага айлантирилгандан сўнг, ўлкадаги деҳқончилик маданияти ривожига баъзи ўзгаришлар содир бўлган. Ушбу ҳолат айниқса пахтачиликда яққол намоён бўлган. XIX аср охиридаги саноат тараққиёти минтақа пахтачилигини капиталистик ишлаб чиқариш муносабатига тортилишига, дунёнинг аграр соҳасидаги ютуқлари жорий қилинишига сабаб бўлган. Бироқ амалга оширилаётган аграр ислохотларда ҳаддан ташқари маъмуриятчиликка йўл қўйилиши, турмуш тарзидаги кескин ўзгаришлар меҳнаткашлар ижтимоий ҳолатига салбий таъсир қила бошлаган. Империя ҳукумати томонидан амалга оширилаётган аграр сиёсат моҳияти ўлкани метрополияга қарамлигини мустаҳкамлаш ҳамда табиий ва иқтисодий ресурслардан рус зодагонлари, саноатчилари ва тадбиркорлари манфаатлари йўлида фойдаланишдан иборат бўлган. Оқибатда пахтачилик ва, умуман, деҳқончиликда эришилган ютуқлар оддий меҳнаткашларнинг маиший ҳаётидаги аҳволни яхшилаш ўрнига янада оғирлаштирган.

А. Собиров

Трансформации в Туркестанском хлопководстве

В статье рассматриваются преобразования в сельском хозяйстве Туркестана в конце XIX – начале XX в., в частности в хлопководстве, усовершенствование орудий труда, применение минеральных удобрений, акклиматизация гибридного сорта хлопчатника.

A. Sobirov

About transformations in Turkistan's cotton growing

In the article investigated changes in agricultural spheres in part cotton, such as improvement of, using of the mineral fertilization, acclimatization of hybrid sort of cotton took place in Turkistan in the end of the 19th and beginning of the 20th centuries.

²³ Туркестанские ведомости. 1907. № 33. С. 213.

А. Турсунметов

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О МУСУЛЬМАНСКОМ РЕФОРМАТОРСКОМ ДВИЖЕНИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Мусульманское реформаторство как социальное, культурное и политическое явление, охватившее в конце XIX в. многие страны Востока, имело свою специфику и политические цели. Некоторые англо-американские исследователи в изучении данной проблемы делают акцент на пантюркистской идеологии и социо-культурных аспектах джадидизма Российской империи. Зачастую последние оцениваются как наиболее важный смысл этого явления, а последующие события политического характера находятся в тени, т. е. политическому этапу джадидизма не придаётся большой роли¹. Причина этого кроется, скорее всего, во влиянии процессов междисциплинарной кооперации, различных социологических и философских подходов.

Ярким примером этому могут служить работы А. Фишера и А. Халида, которые довольно подробно исследовали социально-культурное поле джадидизма. Так, в работе А. Фишера артикулируется ценность создания у лидера крымских джадидов Исмаила Гаспринского общетюркского языка как базиса духовного возрождения и этнокультурного единства тюрков- мусульман. Он пишет: «Гаспринский был заинтересован в создании общего литературного языка для облегчения обновления, а не каких-либо политических целей»².

А. Фишер считает, что обновление (культурное переустройство) мусульманства и общества – главный акцент в деятельности джадидов. В то же время создание общетюркского языка, внедрение нового метода обучения в школах, проблема восприятия западной (или российской) культуры и идея общетюркского сотрудничества рассматриваются как необходимые условия объединения: «Не удивительно, что весь стиль намерений сводился к его (Гаспринского) попыткам распространения европейского просвещения среди мусульман империи, приводя к культурному единству, невзирая на различия языка и обычаев»³.

Нарративный дискурс А. Халида и А. Фишера имеет схожую интерпретацию по степени значимости ряда компонентов, присущих движе-

¹ Alan W. Fisher. *Tatars of the Crimea. Their struggle for Survival*. Durham; London, 1989; Khalid Adeeb. *The Politics of Muslim cultural reform*. Berkeley: Los Angeles, 1999.

² Alan Fisher. *Tatars of the Crimea*. P. 19.

³ Там же. С. 153. Перевод выполнен автором статьи.

нию. Но если А.Фишер акцентирует своё внимание только на культурных аспектах джадидизма, то А. Халид репрезентацию истории мусульманского реформаторства осуществляет с несколько иных позиций. В частности, с позиций социо-культурных капиталов. В своей работе «Политика мусульманской культурной реформы», используя позиции теории социальных капиталов П. Бурдьё⁴, он описывает специфику деятельности туркестанских джадидов и отображает проблему соперничества элит на социо-культурном уровне. Их деятельность в качестве издателей газет и журналов, театральных постановщиков и их идейную борьбу в этой нише он рассматривает как абсолютный ценностный смысл на протяжении всего периода своего существования. Так, рассуждая о разных точках зрения в оценке главных составляющих деятельности реформаторов, он в вводной части своей книги пишет: «Большая часть дискурса, имеющегося в этой книге, помещена скорее вокруг противоборства культурных притязаний – притязания воспроизводства и интерпретации культуры, в которых новая элита бросала вызов старой. В попытке реформирования общества она выдвигала притязания на свое верховенство, что было абсолютно губительным для укоренившегося старого порядка»⁵. Аналогичную позицию можно проследить в статье, посвященной печатному делу и издательской деятельности джадидов.

Исследовательская и, вероятно, мировоззренческая позиции в отношении туркестанских джадидов и джадидизма как такового, дублируется повествованием социо-культурных схем: «Тем не менее, в соответствии с моей дальнейшей аргументацией, джадидизм как реформистский проект был бы недостижимым без печатной прессы»⁶. Необходимо также заметить некоторый смысловой диссонанс. Автор пишет: «Тотальное преобразование традиционных жанров до 1902 г. свидетельствует о том, что ни одно из перемен, вызванных печатью, не было ей свойственно. Скорее они (перемены) были внутренне близко связаны с социальной борьбой джадидов и многие успехи печатного дела были приглушены политическими и экономическими реалиями жизни в имперской периферии»⁷.

⁴ В теории капиталов французского социолога Пьера Бурдьё они выступают как «структуры господства», позволяющие индивидам достигать своих целей, способные также изменять содержание социального поля. П. Бурдьё выделяет четыре группы капиталов: экономический, культурный, социальный и символический.

⁵ Khalid A. deeb. The Politics of Muslim cultural reform. P. 5.

⁶ Khalid A. Printing, Publishing, and Reform in Tsarist Central Asia. International Journal of Middle East Studies. Vol 26. 1994. P. 188.

⁷ Там же. С. 196.

Как отмечала в своей монографии Д. А. Алимова, освещение деятельности джадидов только как просветителей является недостаточным: «Это уникальный феномен в истории Узбекистана и как ренессанс нашей культуры, и как политическое национально-освободительное движение»⁸.

Это подтверждается целым рядом научных публикаций узбекистанских исследователей⁹.

Объектом внимания известного исследователя истории Центральной Азии и России Элен Каррер Д'Анкос в монографии «Ислам и Российская империя» явилась проблема общего кризиса ислама и начала реформаторских устремлений интеллектуальной элиты российских мусульман. В двух частях работы исследуются именно проблемы истории реформаторства, подходы и видение отдельных её представителей. Объектом её изысканий выступают противоречия мусульманского общества XIX – XX вв. на окраине Российской империи. Автором осуществляется, в основном, историческая репрезентация Бухарского эмирата и частично Туркестанского края в контексте их колониального положения. Повествование о пробуждении и генезисе мусульманской интеллектуальной элиты эмирата выявляет спорные утверждения. Прежде всего, это придание чрезмерно высокой значимости эффекта идей пантюркизма и панисламизма среди прогрессистов и коренного населения. Таковые скорее служили им примером успешного прихода к власти в мусульманской стране, а не аналогом политического поведения.

Так, в этом ключе Элен Каррер д'Анкос рассматривает становление бухарских прогрессистов благодаря младотурецкой революции: «Будучи сначала нерешительными, испытывая трудности в постановке целей, не заходя за рамки образовательных реформ, проходя по следам своих татарских учителей (наставников), джади́ды в 1909 году решительно обратились к Турции, взяв опыт младотурков в качестве модели. Страница истории их группы была перевернута: История младобухарцев началась»¹⁰.

⁸ Алимова Д. А. История как история, история как наука. В 2-х т. Ташкент, 2008. Т. 1. С. 28.

⁹ Абдуллаев Р. М. Туркестанские прогрессисты и национальное движение // Звезда Востока. 1992. № 2; Его же: Хроника противостояния // Звезда Востока. 1995. № 11-12; Его же: Национальные политические организации Туркестана в 1917-1918 гг.: Дис. ... док. ист. наук. Ташкент, 1998; Агзамходжаев С. История Туркестанской Автономии. Ташкент, 2006.

¹⁰ Helene Carrere D'Encausse. Islam and the Russian Empire. Berkeley. Los Angeles; London, 1988. P. 88.

Надо заметить, что Эллен Карер д'Анкокс, кроме А.Фитрата, никого из ключевых деятелей движения прогрессистов не рассматривает. Констатируя, что до 1910 г. движение оставалось без признанных лидеров, исследователь, перечисляя сложности положения джадидов, закрепляет за младобухарцами место ведущего реформаторского движения Российской империи: «Удивительно, что, оформившись намного позже остальных реформаторских движений России, движение джадидов эмирата должно было стать реально единственно способной к самоорганизации при решении проблем русской революции как оформившаяся единица»¹¹. Следует подчеркнуть, что лидеров движения было однозначно много. Оно имело два крыла: левое и правое, каждое из которых было представлено известными людьми не только в Бухаре, но и далеко за пределами Центральной Азии. Более того, туркестанские джадиды с большим вниманием относились к турецкому опыту реформаторства, однако оно не было моделью, поскольку условия, в которых развивалось движение, были не идентичными.

Несколько иначе джадидизм представлен в статье «Движение Джадидов» пакистанского исследователя Манзуры Хайдар. Манзура Хайдар отказывает общепринятым положениям в отношении реформаторского движения Центральной Азии: «Оценка движения джадидов как «прогрессивного движения» рассматривается исторически ошибочно и его сравнение с реформаторскими движениями Индии, возглавляемыми Раджа Рам Мохан Роем или даже просвещёнными демократами Советской России, характеризуются как обманчивые. Называть джадидов интеллектуальными глашатаями национальной либеральной революции также неуместно»¹².

Автор даёт весьма спорную историческую метафору о высокой значимости революционной борьбы (и революции) и считает, что к ней прогрессисты не имеют какого-либо отношения. В частности, автор вводит достаточно устаревшее деление общества на противников революции и её сторонников, представляя джадидов в «лагере колонизаторов, землевладельцев, кулаков, баев и меньшевиков». Таким образом, прогрессисты, не связанные с переворотом большевиков, в глазах исследователя теряют смысл своей деятельности. Большое значение она отводит младобухарцам (левым джадидам), только потому, что они имели отношение к революции в Бухаре и свержению эмирата. По мнению автора, они наиболее активная и значимая часть прогрессистов, «присоединившая к

¹¹ Там же. С. 92-93.

¹² Haider M. Jadid Movement // The Journal of Central Asian Studies. Vol. X. 1999. P. 75.

большевикам» Мансурова, Кадири, Ходжаева, Садриддина Айни. Создаётся впечатление, что эта путаная позиция полностью основана на советской литературе и её идеологии. К тому же Кадири, если это Абдулла Кадири, не имел никакого отношения к бухарским джадидам.

Вместе с тем, эти противоречивые утверждения заканчиваются признанием роли джадидов Центральной Азии в модернизации и просвещении края, несмотря на отсутствие программы, структуры, плана действия и общей цели¹³.

Хотя в работах этих англо-американских исследователей и содержатся спорные положения, а также имеется слабая освещённость политических аспектов в деятельности джадидов, репрезентация их точек зрения заслуживает особого внимания.

Таким образом, проблема истории джадидизма, столь детально разработанная в Узбекистане на основании изучения источников, также является объектом исследования зарубежных историков. В одних работах нет идейного расхождения в оценке джадидизма, хотя в англо-американской историографии среди джадидоведов имеются и непривычные для узбекистанских историков оценки. В других, как мы видим, на примере работы М. Хайдар фигурируют достаточно устаревшие подходы. Но в том и другом случае вывод однозначен: отечественная историография достаточно продвинулась вперёд в объективном освещении проблемы во многом благодаря расширению историографической базы и сопоставлению их с архивными данными, что в конечном итоге привнесло новизну в осмысление феномена джадидизма.

А. Турсунметов

**Инглиз-америка тарихшунослари Туркистон
жадидларининг XIX аср охири – XX аср бошидаги
ижтимоий-маданий ва сиёсий фаолияти тўғрисида**

Мақолада инглиз-америка тарихшунослигидаги Туркистон жадидларининг сиёсий фаолиятига тегишли баъзи илмий ишлар таҳлил қилинган. Мазкур тадқиқотларда жадидлар ижтимоий-маданий ташаббусининг моҳияти ва жамиятда мавжуд бўлган мафкуравий зиддиятларнинг жиҳатларига алоҳида урғу берилган. Мазкур ишларда жадидчиликни ёритиш ҳамда баъзи мунозарали қарашларнинг баҳоланиши борасидаги илмий ёндашувларга алоҳида эътибор берилган.

¹³ Там же. С. 82.

A. Tursunmetov

Anglo-american researchers on muslim reform movement in Russian empire in the end of XIX the beginning of XX

Analysis of some publications and views of anglo-american authors about political activity of jadids are shown in the article. A special attention in these works were paid to the researchers approaches in consideration of jadidism as well as estimation of some contestable statements.

Тарихчи кутубхонасига

ЎКТАМ МАВЛОНОВНИНГ «МАРКАЗИЙ ОСИЁНИНГ ҚАДИМГИ ЙЎЛЛАРИ: ШАКЛЛАНИШИ ВА РИВОЖЛАНИШ БОСҚИЧЛАРИ» МОНОГРАФИЯСИГА ТАҚРИЗ (Тошкент: «Akademiya», 2008. - 432 бет)

Йўллар – халқларнинг маданий ва иқтисодий алоқаларини боғловчи восита бўлиб, исталган икки манзил ўртасидаги доимий қатновнинг ўрнатилишидир. Йўллар тарихини ўрганиш – халқлар ўртасидаги маданий алоқалар тарихини ўрганиш демакдир. Шу маънода муаллиф жуда катта илмий юкни кўтаришни ўз зиммасига олган. Монографиянинг даврий чегараси «оз эмас, кўп ҳам эмас» сўнгги палеолит давридан сўнгги ўрта асрлар давригача бўлган вақтни камраб олган. Тарих фани илдам қадамлар билан ривожланиб, тарихчиларнинг қисқа даврлар бўйича мутахассислашиб бораётган ҳозирги вақтда бундай тадқиқотлар жуда катта энциклопедик билимни талаб қилади. Даврлар бўйича мутахассислашган тарихчилар бошқа давр илмий муаммоларидан кўра ўзи шуғулланаётган даврнинг ички муаммоларини ўрганишни афзал кўрадилар, шундай бўлганда фан янада ривожланган ва ишонарли илмий хулосалар олинган бўлар эди.

Монография кириш, бешта боб ва хулоса қисмлардан иборат. Биринчи боб йўлларнинг шаклланиши ва ривожланиш асослари муаммосига бағишланган. Муаллиф йўлларнинг пайдо бўлиш даврини инсониятнинг ибтидоий ажодлари даврига оид деб ҳисоблайди ва умумий хулосага кўра, энг аввал манзилгоҳлар ва озик-овқат захираларини боғловчи илк алоқа йўллари шаклланган. Қабилалар ўртасида маҳсулот айрибошлашга бўлган заруратнинг кучайиши ва халқлар миграцияси йўлларнинг пайдо бўлишига асос бўлган иккинчи ва учинчи омиллар ҳисобланади.

Ўрта Осиёнинг мезолит, неолит ва энеолит даврида йўлларнинг такомиллашуви масаласи ҳам шу бобда ёритилган. Албатта, тош даври мутахассислари ёдгорликлардан топилган моддий маданият ашёларига аналогиялар келтиради. Келтирилган аналогиялар ёдгорликнинг стратиграфиясини, ёшини, тош қуроолларнинг ясалиш техникаси ва технологияларига яқинлигини аниқлашга хизмат қилган. Ў.Мавлонов эса тадқиқотчилар келтирган аналогиялар асосида ёдгорликлар ўртасида йўллар бўлганлигини эътироф этган. Шу усул асосида ташқи алоқа йўлларнинг шаклланиш муаммосини ҳам «ҳал» этган, муаллифнинг ишонч билан ёзишига қараганда палеолит давридаёқ ташқи алоқа йўл-

ларига асос солинган. Жумладан, Самарқанд макони – Сибирь, мезолит даврида Мачай ғоридан Яқин Шарқ, Шимолий Африка, Кавказ, Қрим ярим оролига, неолит даврида эса Калтаминор ёдгорлигидан Месопотамия, Олд Осиё, Уралорти, Ғарбий Сибирь ҳудудлари билан боғловчи алоқа йўлларининг шаклланганлигини таъкидлайди. Қолган йўналишларни билмадик-ку, аммо қадимги Мачай ва Африка алоқа йўли нечта тоғ ва нечта дарёларни кечиб ўтиши, йўлнинг йўналиши, умумий узунлиги, неча кунлик йўл тўғрисида муаллиф изоҳ бериб ўтганида яхши бўлар эди.

Кейинги қисм энеолит ва бронза даврларида йўлларнинг асосий тармоқлари ва йўналишларига бағишланган. Бу даврда мис, ложувард конлари ва уларнинг тарқалиш географияси йўлларнинг асосий йўналишларини белгилашда асосий манба бўлиб хизмат қилган.

Г. Херман ва бошқа тадқиқотчиларнинг ўтган асрдаги фикрларига кўра, Бадахшон лал макони ягона деб келинди ва у «Буюк Хуросон йўли» ёки «Лал йўли» орқали Қадимги Шарқ шаҳарларига тарқалган¹. Аммо, кейинги йилларда Шаҳри Сўхта ёдгорлигидан олинган ложувард тошлар коллекцияларининг кимёвий таркиби бўйича айтиш мумкинки, бу ерга ложувард энг камида учта кондан келтирилган. Булар Покистондаги Чағай, Тожикистондаги Помир ва Бадахшон лал маъдан конлари тошларидир². Шундай бўлгандан кейин муаллифнинг Бадахшондан тортган ложувард йўллари йўналишларини ўйлаб кўриш, ложувардларнинг кимёвий таркибини аниқлагандан кейингина йўналишлар, йўллар тўғрисида гапириш лозим бўлади. Муаллифнинг ложувард йўллари ҳақидаги тадқиқотлари ўтган асрнинг 60-70-йилларидаги адабиётларга таянган.

Сўнгги вақтда тадқиқотчилар бронза даври маданиятлари ўртасидаги маданий алоқаларни хлорид, мармар каби маданиятлараро тарқалган тошлардан ясалган ашёлар ёрдамида аниқлашмоқда. Ҳозирги кунгача Месопотамиядан то Ҳинд ўлкасигача бўлган 30 та ёдгорликдан 300 дан ортиқ, Ўрта Осиёнинг кўплаб бронза даврига оид ёдгорликларидан шундай ашёлар топилган³. Сўх, Жарқўтон, Тоголок, Гонур хлорит

¹ Hermann G. Lapis Lazuli the Early Phaze of Trade. Iraq. V.30, 1968.

² Delmas A. B., Cazanova M. The Lapis Lazuli Sources in the Ancient East // South Asian Archaeology. 1987. P.1. Rome, 1990.

³ Frankfort H. The Art and Architecture of the Ancient Orient. L., 1977. P. 39-40; Woolley L. The Development of Sumerian Art. N. Y. 1935. P. 96; Pigott S. Prehistorik India. L., 1950. P.119; Lamberg - Karlovsky. Third Millenium Models of Exchange and Models of Production // Ancient Civilizations and Trade. Albuquerque, 1975. P. 358.

тошлари асосида бронза даври йўллари аниқланганда ишончли хулосалар олинган бўлар эди.

Бронза даврида Евроосиё халқлари тарихида Андроново маданияти аҳолиси нихоятда катта роль ўйнаган. Афсуски, бу маданиятнинг Ўрта Осиёга тарқалиши ва Ҳиндистонга йўналишлари ҳақида ва умуман арийлар муаммоси муаллифнинг эътиборидан қолиб кетган⁴.

Иккинчи боб «Қадимги алоқа-савдо йўллари: эволюцияси, йўналишлари ва хусусиятлари» деб номланади. Ушбу бобнинг биринчи қисми Илк темир ва Ахамонийлар даврида ички алоқа-савдо йўлларига бағишланган. Асарнинг ёзилиш анъанаси бўйича бу давр йўллари ҳам ички ва ташқи транзит йўлларга бўлинган (69-99-бетлар).

Шу давр бўйича археолог ва тарихчилар олдидаги энг катта илмий муаммо Марказий Осиёда Яз I маданиятининг пайдо бўлиши ва тарқалиши масаласидир. Йўллар ҳам шу маданият тарқалган тарихий ўлкалар бўйлаб жойлаштирилганда ёки кейинги даврда Қадимги Бактрия маданиятининг тарқалиш воқалари бўйича ўтказилганда мақсадга мувофиқ бўлар эди. Муаллиф Яз I маданиятининг Синьцзян⁵ ҳудудлари бўйлаб тарқалганлигини эътибордан четда қолдирган.

Илк темир даврида халқаро алоқа йўллари масаласи манбалар асосида ёзилиши керак эди. Жумладан, Яз I ёки Қадимги Бактрия маданиятлари қадимги Ҳиндистон аҳолиси билан маданий ёки савдо алоқа қилганлигини қандай манбалар асосида ёритиш мумкин? Шундай манбалар бўлмаса, «қўшимча тарих» яратиш мумкин эмас. Муаллиф ишонч билан Ҳиндистон – Қадимги Бактрия – Хоразм, Амударё орқали Касбий денгизи – Кавказорти – Қора денгизгача сув йўлларини қурган (95-бет). Барча тарихчиларга маълумки, Ойхонум ёдгорлиги Юнон анъаналари асосида қурилган. Муаллиф эса уни илк темир даври Ҳиндистон ва Ўрта Осиёни боғловчи йўл устига жойлаштирган (94-бет).

Ҳақиқатдан ҳам халқаро алоқа йўллари Ахамонийлар даврида кенг ривожланган. Бу ҳақида кўплаб тадқиқотлар ўтказилган. Муаллифнинг антик даврдаги транзит (99-131-бетлар) ва ўрта асрлар давридаги трансминтақавий йўллар (132-215-бетлар) тизими тўғрисидаги фикрларини қабул қилиш мумкин, бу фикрлар ёзма ва археологик манбалар билан асосланган.

Сув йўлларига бағишланган бобнинг аввалида ер юзида сув транспортининг пайдо бўлиши ҳамда ривожланиши муаммолари

⁴ Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. М.; Спб.: Летний сад, 2009. – 557 с; Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994. – 224 с.

⁵ Debaine-Francfort C. Archeologie du Xinjiang des origins aux Xan. Premiere partie // Paleorient. Vol. 1.1989. P. 183-213.

ёритилган ва калтаминорликлар Ўрта Осиёда кемасозликка асос солган, деган фикрга келган. Муаллиф мавзудан четга чикиб, кема тасвирланган қоятош суратларига, узукларда тасвирланган кемаларга, «Қуръон»дан оятлар, кема қурилишига, дарё кечувларига, мешдан ва қайиқлардан йиғма кўприк яшаш усулларига кенг тўхталган. Афсуски, бу маълумотлар сув йўллари масаласига ечим бермайди. Амударё ва Сирдарё бўйлаб серкатнов сув йўли бўлганлигини ҳеч ким инкор ҳам этмайди. Аммо бу мавзунини ёритиш учун шу дарёлар бўйларида жойлашган ёдгорликларни харитага жойлаштириб, улар орасидаги масофаларни ўлчаб тадқиқотлар ўтказилганда ҳақиқий сув йўли ўрганилган бўлар эди. Агар Амударё бўйларида жойлашган «порт» шаҳарларнинг жойлашишига эътибор берсак (Тахти Сангин, Эски Термиз, Кампиртепа, Амуля...), уларнинг бир кунлик сув йўли оралиғида жойлашганлигини кузатиш мумкин. Бу ҳолат нафақат қуруқлик, балки сув йўли бўйларида ҳам шаҳарларнинг барпо бўлиш қонунияти мавжуд эканлигини кўрсатади. Бу масалада Б. И. Вайнбергнинг тадқиқотларига эътибор қаратиш керак эди⁶.

Асарнинг бешинчи боби савдо йўлларининг иқтисодий ва маданий ҳаётда тутган ўрнига бағишланган. Йўл бўйи иншоотлари – работ, карвонсарой, қудуқлар, сардобалар ва бошқа иншоотлар тўғрисида кенг маълумотлар берилган (272-290-бетлар) ва шу билан бир қаторда карвон йўлларида хизмат кўрсатиш тизими ҳақида, жумладан йўл, алоқа, савдо, божхона, хавфсизликни таъминлаш, сарбозлик, тиббий хизмат масалалари ҳақида тўлиқ маълумотлар берилган.

Сўнгги сўз сифатида шуни айтиш жоизки, асар билан танишган ўқувчи Марказий Осиёда қадимги йўлларнинг шаклланиши ва тараққиёти бўйича жуда кўп маълумотлар олади ва беихтиёр муаллиф билан фикран «мулоқатга» киришади. Юқорида таъкидланганидек, талайгина саволларнинг туғилиши ҳам табиий ҳол. Муаллиф сизни ибтидоий даврлар, «Лал» ва «Буюк ипак йўллари»га олиб киради, мулоқатга чорлайди, муаллифнинг ушбу асарни ёзишдан мақсади ҳам шу бўлган, албатта.

*т. ф. д. проф. Ш. Шайдуллаев,
Ш. Даминов*

⁶ В а й н б е р г Б. И. Водный торговый путь по Амударье и культовые центры вблизи него // Проблемы истории, филологии, культуры. М.: Магнитогорск, 2005.

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
Б. М. БАБАДЖАНОВА «КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО:
ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, РЕЛИГИЯ»**

(Токио – Ташкент: «Yangi nashr», 2010. - 744 с.)

Процесс изучения истории Кокандского ханства можно охарактеризовать как весьма неравномерный. Бурный интерес к ней во второй половине XIX в., когда (вероятнее всего, в связи с присоединением этого государства к России) появился целый ряд работ общеисторической тематики В. В. Вельяминов-Зернова, Ч. Ч. Валиханова, А. П. Хорошхина, В. П. Наливкина и др., сменился более детальным изучением отдельных аспектов ее истории. Историки XX в. уже изучали актовые материалы, нумизматику, историографию Коканда (работы В. В. Бартольда, А. Л. Троицкой, Р. Н. Набиева, С. Х. Ишанханова, Т. К. Бейсембиева и др.).

По-видимому, именно значительные достижения в сфере изучения различных аспектов кокандской истории привели к тому, что почти одновременно в 2009-2010 гг. появились два фундаментальных труда, в значительной мере обобщающие все прежние наработки специалистов по истории Коканда. Это работы казахстанского исследователя Т. К. Бейсембиева (Бейсембиев Т. К. Кокандская историография. Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII – XIX веков. Алматы, 2009) и узбекистанского исследователя Б. М. Бабаджанова, которой и посвящена настоящая рецензия.

В отличие от труда Т. К. Бейсембиева, который в большей степени посвящен историографической проблематике – собственно анализу изучаемых исторических сочинений, созданных в Кокандском ханстве, работа Б. М. Бабаджанова носит характер более комплексного и разностороннего исследования. Автор поставил перед собой задачу – изучить сложные вопросы политической и религиозной легитимации власти, влияние религии на политическое и социальное развитие ханства, взаимоотношения Кокандского ханства с соседними государствами – в первую очередь, с Бухарским эмиратом и Российской империей – и влияние религиозных факторов на эти отношения. Результатом стал огромный труд – более 700 с. (свыше 47 п. л.), представляющий собой фундаментальное и многоплановое исследование, который, несомненно, займет значительное место среди исследований по истории Коканда и Центральной Азии XVIII – XIX вв. в целом.

Сразу же весьма позитивное впечатление производит то, что автор ставит перед собой четкую цель – проследить политическое и социаль-

но-экономическое развитие Кокандского ханства в контексте религиозной ситуации на основе исторических сочинений кокандских авторов (С. 6). Поставленная цель обуславливает и логическую структуру книги, первая часть которой посвящена общей политической истории Коканда, а вторая – отдельным аспектам государственного развития ханства с учетом факторов легитимации власти, религии и этики.

По сути, труд Б. М. Бабаджанова продолжает традиции исследователей кокандской истории XIX в. – именно с ними он сопоставим по охвату изучаемых вопросов, однако существенно превосходит их по масштабам исследования, охвату источников и литературы и глубине выводов.

Б. М. Бабаджанов в значительной степени опирается на методику выявления и оценки критериев легитимации, предложенной А. фон Кюгельген при анализе бухарской историографии раннего периода правления Мангытской династии (Кюгельген А. фон. Легитимация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII – XIX вв.). Алматы, 2004). Влияние исследования А. фон Кюгельген прослеживается на протяжении всей рецензируемой работы – включая выбор источников для исследования и даже сходство в стиле оформления указателя использованных источников и литературы (С. 701-732). Однако Б. М. Бабаджанов отнюдь не копирует (не «калькирует») методику А. фон Кюгельген – напротив, он критически оценивает ее, отмечая, что в Кокандском ханстве политические процессы имели значительные отличия от процессов, происходивших в Бухарском эмирате (С. 7-8, 306). Кроме того, следует добавить, что и спектр вопросов, исследуемых в монографии Б. М. Бабаджанова, гораздо шире, чем в работе А. фон Кюгельген.

Поначалу несколько настораживает то, что автор сразу же обнаруживает намерение исследовать именно позицию кокандских хронистов, их видение проблем легитимации власти, политического развития государства, оценки личностей и деятельности отдельных кокандских правителей (С. 5, 7). При подобном подходе исследователь неизбежно сталкивается с риском стать на позиции автора исследуемого источника и утратить научную объективность. Однако вскоре мы обнаруживаем, что отношение Б. М. Бабаджанова к источникам весьма взвешенное: он вполне отдает себе отчет, в какой степени влияли на позицию кокандских авторов такие факторы как их происхождение и образование, степень близости к ханскому двору, личные взаимоотношения с ханским родом, религиозность и пр. В ряде случаев отмечается и такой момент как вторичность одних источников по отношению к другим (см., напри-

мер: С. 160-161, 171), что также нельзя не учитывать при анализе позиции автора или передачи им конкретных фактов.

Анализ базы источников по истории Кокандского ханства, произведенный Б. М. Бабаджановым, представляется весьма подробным, глубоким и многоаспектным. В сочетании с упомянутой работой Т. К. Бейсембиева он дает практически полное представление о кокандской исторической мысли, о хронистах и их сочинениях, обстоятельствах их написания и месте в историографии.

Кроме того, необходимо отметить глубокий анализ Б. М. Бабаджановым не только источниковой базы, но и самого широкого круга исследований по истории и историографии Кокандского ханства. Автор постарался учесть практически все работы по кокандской (и не только) проблематике – труды русских и русскоязычных исследователей дореволюционного, советского и постсоветского периодов, а также многочисленные исследования зарубежных специалистов, критически проанализировать мнения ряда авторов. При этом Б. М. Бабаджанов очень благоразумно отказался от оценки последствий русского завоевания Кокандского ханства и его упразднения, поскольку при такой оценке эмоции, несомненно, могли бы взять верх над фактами и, соответственно, снизить высокий исследовательский уровень работы. Вероятно, именно поэтому автор книги не стал использовать некоторые из последних работ авторов из России и Узбекистана, которые в большей степени носят «реваншистский» характер, поскольку посвящены не столько изучению фактов, сколько вынесению собственных суждений о российской имперской политике в Средней Азии. Б. М. Бабаджанов же ограничился констатацией фактов российского завоевания Коканда и его последствий для этого региона, что, несомненно, добавляет еще одно основание для высокой оценки исследовательского уровня монографии.

Производит положительное впечатление и тот факт, что Б. М. Бабаджанов весьма взвешенно оценивает роль религии, религиозного фактора в политическом развитии Кокандского ханства. И это несмотря на то, что сам он является специалистом по истории и современному состоянию ислама в Центральной Азии – вероятно, именно поэтому несколько разделов (и даже отдельные главы) книги посвящены в большей степени вопросам религиозного, а не политического развития Кокандского ханства. Тем не менее, он вполне критически, без идеализации, характеризует религиозное состояние ханства, роль и деятельность мусульманского духовенства. Автор неоднократно фиксирует тот факт, что видные представители мусульманского духовенства готовы были оправдать с точки зрения религиозных норм решения и действия ханов

(С. 156, 202-203, 406, 616 и др.). Б. М. Бабаджанов также отмечает сращивание духовной и светской верхушки ханства (С. 466-467), претензии на монаршую власть самих представителей духовенства и ту свободу, с какой ханы расправлялись с чрезмерно амбициозными духовными деятелями (С. 145-147, 481, 492 и др.). Подобная позиция исследователя выглядит весьма привлекательной – особенно на фоне многочисленных работ, в которых авторы демонстрируют свою ревностную приверженность к религии (будь то ислам или православное христианство) и в связи с этим готовы идеализировать религиозные аспекты истории какого-либо государства, деятельность духовенства и пр.

Позволим себе более подробно отметить некоторые наиболее сильные стороны исследования Б. М. Бабаджанова, которые наиболее близки нашей собственной тематике исследований – вопросам государственно-правового развития тюрко-монгольских народов Евразии. Некоторые из них, конечно, спорны и могут послужить предметом для дискуссии, однако следует признать, что автор приводит убедительные доводы в пользу своей позиции по этим вопросам.

Прежде всего, автор книги критически переосмыслил ряд критериев легитимации власти, предложенных А. фон Кюгельген, отчасти дополнив их собственными наблюдениями. В результате он констатировал, что легитимация власти кокандских правителей имела как чингизидскую и/или темуридскую (тюрко-монгольскую), так и мусульманскую природу, причем они сосуществовали в течение всего времени существования Кокандского ханства, и роль одних критериев возрастала по мере снижения роли других. Это наблюдение особенно ценно и с политико-правовой точки зрения, поскольку позволяет объяснить также и степень признания (в том числе со стороны мусульманского духовенства) существования монгольских имперских традиций, которые проявлялись в Коканде в виде отдельных правовых норм, наличия придворных и военных должностей. В частности, очень характерным соблюдением чингизидской традиции представляется поднятие ханов на войлоке – старинный тюркский обычай, который в отношении некоторых ханов применялся даже неоднократно (С. 239, 255, 278): вероятно, считалось, что с помощью повторной церемонии возвращенный на трон хан усиливал свою легитимность. Другой пример соотношения чингизидского и мусульманского права – позиция кочевых племен: они весьма слабо придерживались мусульманских законов, предпочитая опираться на чингизидское право и кочевые обычаи (адаты), однако неоднократно восставали против центральной власти, мотивируя свои восстания тем, что их облагали дополнительными налогами, не соот-

ветствующими шариату (С. 197-198, 233, 286, 421). Наконец, по-видимому, влиянием чингизидских традиций следует объяснять активное ханское законотворчество в Коканде, причем ханы порой вмешивались даже в сферу частных правоотношений, которые первые Чингизиды не затрагивали – например, распоряжения хана Худояра относительно порядка наследования (С. 289, 611).

Очень важным наблюдением Б. М. Бабаджанова, характеризующим саму природу политического состояния и развития Кокандского ханства, является фиксация доминирующей роли фактора трайбализма. Автор книги отмечает, что в течение всего времени существования ханства в нем так и не сформировалась единая совокупность ханских подданных, единое общество: ханство, как лоскутное одеяло, состояло из отдельных племен, городов и областей, обладавших сильной степенью автономии (С. 679). Отсюда – и множественность государственных традиций, правовых систем, политических компромиссов с отдельными племенами или областями, постоянные мятежи, проявления сепаратизма и пр. Безусловно, объективным наблюдением автора представляется его вывод о том, что лишь после присоединения Кокандского ханства к России этим проблемам был положен конец (С. 680).

Очень интересным также представляется вывод о регентстве как специфическом институте власти в Кокандском ханстве, его легитимации (С. 102-103 и др.). Учитывая специфику и неразработанность этого вопроса, на наш взгляд, ему можно было бы посвятить самостоятельный раздел исследования. Весьма ценны наблюдения Б. М. Бабаджанова о символах власти, таких как хутба, чеканка монеты и столица (С. 100, 102, 116, 138, 355, 376-380). Они уже были выявлены и другими исследователями тюрко-монгольских государств, автору же рецензируемой монографии удалось продемонстрировать, что они были весьма характерны и для Кокандского ханства.

Учитывая, что основой для исследования Б. М. Бабаджанова являются именно кокандские исторические хроники, автор весьма убедительно, на наш взгляд, сумел показать процесс легитимации правителя через исторические сочинения. Представление того или иного монарха как идеального правителя или, напротив, как тирана, попираателя норм шариата и пр., способствовало и легитимации его законных наследников (сыновей и пр.). Поэтому весьма противоречив в историографии образ Алим-хана – первого кокандского правителя, официально принявшего ханский титул: одни авторы представляют его почти идеальным государем, другие – жестоким тираном (С. 118). Много усилий кокандских историков было потрачено на то, чтобы представить идеальным

правителем и его брата – Умар-хана (161-162), а затем Малла-хана (С. 238). Легитимация правителей через исторические сочинения – весьма характерный для Средней Азии способ, и Б. М. Бабаджанову удалось убедительно показать это на конкретных примерах.

Рецензируемая работа, тем не менее, не свободна и от некоторых недостатков, на которые считаем целесообразным обратить внимание, отмечая при этом, что большинство нижеследующих замечаний носит дискуссионный характер. К числу наибольших упущений, на наш взгляд, следует отнести то, что автор слишком уж скрупулезно следует достижению своей цели – анализу политического и религиозного развития Коканда на основе исторических сочинений. В связи с этим Б. М. Бабаджанов очень редко ссылается на другие источники – актовые материалы, нумизматические источники, данные эпиграфики. Это тем более обидно, что сам автор книги прекрасно осведомлен о работе исследователей над этими источниками, поскольку учитывает их работы и в списке использованной литературы, и в тексте книги, а к тому же и сам является автором исследования о легитимации власти среднеазиатских правителей по данным эпиграфики (С. 307). Несомненно, привлечение официальных документов и других источников (нумизматических, эпиграфических и пр.) позволило бы сделать выводы автора более убедительными – ведь главным недостатком исторических сочинений как источника по политической и государственно правовой истории, как известно, является слишком большая степень авторской субъективности. В подтверждение своего мнения отметим, что в некоторых случаях Б. М. Бабаджанов все же ссылается на дополнительные источники – те же актовые или нумизматические материалы (С. 100, 189, 206-207, 212, 247, 392, 660), и это очень украшает работу, делает выводы автора более объективными и от этого более убедительными для читателя.

Другим недостатком работы, на наш взгляд, является то, что автор ограничивается, так сказать, «автохтонной» характеристикой политического развития Кокандского ханства, не пытаясь сравнить его с развитием современных Коканду других ханств Средней Азии. Нам кажется, что проведение параллелей с развитием Бухарского эмирата и Хивинского ханства существенно украсило бы работу, позволило бы выявить общие закономерности политического развития всех трех среднеазиатских ханств. Да и сам Б. М. Бабаджанов прекрасно осознает это, отмечая, в частности, что на рубеже XVIII – XIX вв. во всех трех ханствах прошла своего рода «волна легитимации господства» (С. 393). Кроме того, в ряде случаев он все же вынужден упомянуть, что происходило в описываемый период не только в Коканде, но также в Бухаре и Хиве

(правда, чаще – в качестве ретроспективы, а не прямого сравнения). Впрочем, объективности ради, следует отметить, что Б. М. Бабаджанов уже буквально на первой же странице своего введения объясняет причины того, почему он сосредоточился на истории только Кокандского ханства (С. 3).

Иногда выводы Б. М. Бабаджанова представляются не вполне доведенными до логического завершения. Например, он много внимания уделяет значительной роли чингизидских обычаев в Кокандском ханстве, их применению в сфере легитимации власти, в управлении и пр., но практически не рассматривает их правовое значение. Так, например, на с. 24 отмечается, что брак Мадали-хана с его мачехой противоречил законам шариата и был легитимирован кадием войск, но не упоминается, что подобные браки с женами покойного отца были весьма распространены среди Чингизидов. Вполне вероятно, что этот брак был заключен в рамках чингизидской (имперской) правовой традиции и потому вполне нормально воспринят кочевой верхушкой ханства. В другом случае автор упоминает о раздаче Умар-ханом ярлыков и должностей, подчеркивая, что это – не шариатская традиция (С. 142). И снова он не доводит до конца свою мысль по поводу того, что это – традиция, присущая всем правителям-Чингизидам.

Выше отмечалось, что очень важным наблюдением Б. М. Бабаджанова представляется характеристика регентства как специфического политического института в Кокандском ханстве. Однако не столь убедительной выглядит попытка экстраполировать этот институт на более ранние исторические реалии Мавераннахра – в частности, на времена правления эмиров Казагана и Темура (1340-1370-е годы). В данном контексте термин «регент» представляется чрезмерным неологизмом, поскольку политическая ситуация в этот период предусматривала несколько иные формы соправительства (назовем это так) легитимных ханов и фактических временщиков.

В книге имеется ряд фактических неточностей. Так, в примечании на с. 84 указаны следующие даты правления турецкого султана Махмуда II – 1808-1822 (если, конечно, это не дословное воспроизведение рассматриваемой в данном примечании работы Х. Болтобоева). Известно, что Махмуд II правил в 1808-1839 гг. (именно эти даты приведены самим же Б. М. Бабаджановым на с. 150). На с. 117 автор книги говорит о четырех сыновьях Нарбута-бия, но перечисляет пятерых. На с. 510 начало борьбы бухарского эмира Насруллаха за власть со своим братом Умаром датировано 1800 г., хотя на самом деле эта борьба имела место в 1827 г. (по-видимому, в данном случае мы имеем дело с обычной опе-

чаткой, поскольку Б. М. Бабаджанов на протяжении всей книги демонстрирует безукоризненное знание хронологии). В период захвата Ташкента (1865 г.) генерал М. Г. Черняев был не первым генерал-губернатором Туркестанского края (С. 517), а лишь военным губернатором Туркестанской области: Туркестанский край был образован только в 1867 г., и его первым генерал-губернатором стал К. П. фон Кауфман; М. Г. Черняев стал его преемником и, таким образом, вторым генерал-губернатором (1882-1884). Соответственно, Туркестанское генерал-губернаторство (так у Б. М. Бабаджанова) не могло быть подчинено губернатору Оренбургской области (С. 529): это военный губернатор Туркестанской области находился в подчинении у Оренбургского генерал-губернатора, тогда как генерал-губернатор созданного впоследствии Туркестанского края был равен ему по статусу.

Высказанные замечания и соображения ни в коей мере не могут умалять высокой ценности книги Б. М. Бабаджанова. Несомненно, она не только станет одной из главных работ по истории Кокандского ханства, но и послужит базой – своего рода отправной точкой для дальнейших исследований в области историографии, истории религии, государства и права как собственно Коканда, так и других государств Средней Азии в XVIII – XIX вв.

к. ю. н., доцент Р. Ю. Почекаев

Илмий ҳаёт

МЕТОД ORAL HISTORY В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ АН РУз

Научно-исследовательская группа по «устной истории» (oral history) осуществляет свою деятельность в Институте истории АН РУз при финансовой и технической поддержке dvv international (Германия) с апреля 2010 года.

«Oral history» является методом исторического исследования на основе сбора воспоминаний очевидцев исторических событий XX века. Данные, полученные таким образом, особенно от обычных людей, – ценный архив и для современных, и для будущих историков, хотя устные исторические материалы требуют осторожной оценки на достоверность и репрезентативность.

Картина истории будет неполной без оценок и интерпретаций определенных событий самими участниками и очевидцами. Прежде всего, нужно знать, чем человек «дышал», постараться понять его внутренний мир, чтобы ответить на вопрос, почему в конкретных условиях он действовал именно так, а не иначе. Осмысление исторического процесса на основе воспоминаний среднестатистического жителя, с одной стороны, и тщательный анализ письменных источников – с другой, позволяет детализировать события, одновременно расширяя глобальную картину исследуемого периода.

Реализуемый группой образовательный проект называется «Вызовы времени и устная история» (развитие в Узбекистане новой исследовательской практики oral history – «устная история»).

Цель проекта – создание и институциональное развитие Центра «oral history» в Институте истории АН РУз как учебно-методической базы для обучения специалистов и заинтересованных лиц новым методам истории на основе устной информации.

Особенность проекта заключается в том, что теоретический курс освоения устной истории как метода сопровождается полевой и исследовательской практикой. Большое внимание уделяется принципам источниковедческого анализа интервью, а также сопоставлению устных источников с другими типами источников; важное место в программе занимает обучение современным технологиям записи, обработки и архивирования аудио- и видеоинформации.

В июле-августе были проведены два этапа тренинга, посвященные общей теме «Как использовать методы устной истории». Были

изучены такие вопросы, как «Ситуация интервью (схема, вопросы, темы)», «Метод наблюдения» (А. Сабилов), «Социальные сети. История, теория, практика» и «Устная история. Семья как социальная память (методология)» (К. Каланов), «Методы распознавания достоверности источников информации» (Р. Назаров), «Работа с техникой при проведении полевых исследований» (Р. Сатаров), «Создание гайдов» (Х. Абдурасулова) и т. д.

Были также приглашены специалисты – канд. психолог. наук И. Махмудов с лекцией на тему «Психологические аспекты работы с респондентами» и режиссер-документалист Д. Исхаков, снявший фильм «Воспоминания о войне», опираясь на устные рассказы свидетелей.

Тренинги были проведены для междисциплинарной команды, включающей в себя специалистов разных отраслей знания (историки, социологи, этнографы, лингвисты, архитекторы, режиссеры, журналисты).

В рамках проекта 26 сентября – 4 октября 2010 г. было проведено полевое пилотажное исследование на тему «Жизнь малых городов Узбекистана. Социо-культурный аспект (2 половина XX – начало XXI века)». Исследование было проведено в трех областях Ферганской долины – Наманганской (города Чуст и Туракурбан), Андижанской (города Шахрихан, Асака), Ферганской (города Алтырык и Кувасай). В результате было получено более 30 аудиоинтервью, значительная часть которых к тому же зафиксирована в фотографиях и видеоформате, что послужило основой для создания устно-исторического архива группы.

25-28 октября 2010 г. был проведен завершающий этап тренинга, связанный с вопросами транскрибирования информации. Для этой цели был приглашен эксперт – канд. философ. наук Михаил Рожанский (РФ), который отработал в группе процедуры триангуляции, на основе методов анализа интервью, включая расшифрованные интервью из числа полученных участниками проекта на «поле». Тренинг завершился выдачей сертификатов всем участникам проекта (29 человек), прошедшим полный курс (72 учебных часа).

В процессе проведения тренингов с 20 по 23 октября 2010 г. специалистам Института истории АН РУз – участникам данного проекта, удалось провести мастер-класс «Традиционная и современная архитектура узбекской махали через oral history» в рамках симпозиума «Архитектура между традицией и современностью», поддержанного усилиями представительств ряда немецких организаций. Работа в секции по изучению и апробированию метода «Устной Истории» была организована Представительством в Ташкенте *dvv international* (Германия).

В этой секции участвовали студенты, аспиранты и научные сотрудники различных вузов Ташкента и Института истории АН РУз. Цель своего практического исследования участники мастер-класса сформулировали следующим образом: «Трансформация облика узбекской махалли (архитектура, традиции, ментальность)». В выбранных махаллях Ташкента, были собраны устные рассказы жителей, информация фиксировалась в виде аудиозаписей, фото- и видеоматериалов. Вопросы задавались в соответствии с разработанной во время теоретической части мастер-класса схемой и касались таких тем, как: ощущение чувства общности, проведение досуга, форма проведения традиционных мероприятий, моно/полиэтничность, степень автономности семьи и индивидуума, новые постройки и их роль в махалле и другие. Все это способствовало тому, что студенты на практике осваивали один из новых научных методов, учились правильно его использовать под руководством опытных специалистов Института истории АН РУз. Полученный материал обсуждался, анализировался в группах и на заключительном пленарном заседании. Завершающая презентация вызвала большой интерес аудитории, о чем свидетельствовала оживленная дискуссия. Многие участники мастер-класса высказали желание продолжить свою научно-исследовательскую работу на основе использования метода «Устная история».

Следующим этапом проекта явилось проведение научно-практического симпозиума «Устная история – oral history: теория, методология, практика» (декабрь 2010 г.) и издание сборника научных трудов «Устная история. Теория и практика» (февраль 2011 г.).

к. и. н. А. Т. Сабиров

УСТНАЯ ИСТОРИЯ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА (научно-практический симпозиум)

Научно-исследовательской группой «Устная история» (Oral history) Института истории АН РУз при финансово-технической поддержке организации *dvv-international* (Германия) 24 декабря 2010 г. был проведен научно-практический симпозиум на тему «Устная история – oral history: теория, методология, практика». С приветственными словами в адрес симпозиума выступили вице-президент АН РУз, акад. С. С. Гулямов, председатель Общества историков Узбекистана, д. и. н.,

проф. Б. В. Хасанов, декан факультета международной журналистики, к. ф. н., доц. А. Нурматов, заместитель руководителя представительства *DVV-international* в Узбекистане Е. Сабирова.

В рамках работы симпозиума было заслушано 23 научных доклада. Среди докладчиков были историки, историографы, социологи, психологи, этнологи, философы, журналисты, филологи. Основную часть докладчиков составили члены группы устной истории и другие сотрудники Института истории АН РУз. Докладчики представляли такие исследовательские и учебные учреждения как Академия государственного и общественного строительства, Узбекский государственный университет мировых языков, Институт культуры, Бухарский и Самаркандский университеты, Навоийский пединститут, социологический центр «Эксперт». Гости симпозиума представляли Институт востоковедения АН РУз, Институт языка и литературы АН РУз, Институт философии и права АН РУз, Национальный университет Узбекистана, Ташкентский государственный педагогический университет, Андижанский, Каракалпакский, Каршинский, Наманганский, Самаркандский, Ферганский университеты, Ташкентский областной педагогический институт (Ангрен), Ташкентский институт востоковедения, Музей истории Узбекистана АН РУз, Музей памяти жертв репрессий. Общее число участников симпозиума превысило 70 человек, что говорит о закономерном росте интереса к проблематике устной истории.

Работа симпозиума была построена следующим образом. С основным торетико-методологическим докладом «Устная история как источник и метод исторического исследования» выступил руководитель научно-исследовательской группы «Устная история» (Oral history) Института истории АН РУз, к. и. н. А. Т. Сабиров. Затем на 1-й сессии симпозиума были рассмотрены вопросы взаимодействия, предметного пересечения, сотрудничества устной истории со смежными научными дисциплинами – социологией (А. Жолдасов, центр «Эксперт»; к. с. н. К. Каланов, УзГУМЯ), этнологией (к. и. н. Б. М. Убайдуллаева), психологией (к. пс. н. И. Махмудов, АГОС), теорией и практикой журналистики (к. ф. н., доц. В. Ф. Каюмова, УзГУМЯ),

В рамках 2-й сессии симпозиума был проведен анализ различных аспектов методологии устной истории. В рамках данной сессии рассмотрены такие вопросы, как методы распознавания достоверности различных источников устной истории (к. филос. н. Р. Р. Назаров), применение методов устной истории при изучении малых городов Ферганской долины (д. и. н. К. К. Раджабов), исследование автобиографий респондентов методом устной истории (М. Д. Тен), роль фотографий

как коммуникативного канала в устной истории (к. ф. н. О. Богатова, УзГУМЯ), роль методологии устной истории в социальной работе с молодежью (М. Юлдашева, Институт культуры).

3-я сессия симпозиума была посвящена рассмотрению практических аспектов устной истории. Так, 3 доклада были посвящены воспоминаниям об истории Второй мировой войны: кинорежиссер Дж. Исхаков рассказал как на основе устных историй живых свидетелей событий создавался документальный фильм, который был назван – «Дети войны». В 2-х других докладах были раскрыты моменты, связанные с героизмом и трагизмом войны – трагедия плена и вынужденной эмиграции (д. и. н., проф. БухГУ Ш. Хайитов) и тяжести социально-бытовой жизни в тылу (Х. Бабаджанов).

2 доклада были посвящены анализу жизни махалли: к. и. н., этнолог Н. Х. Азимова рассказала о применении метода глубинного интервью (один из методологических приемов устной истории) в махаллях Ташкента, активист махалли «Янги Камолон», к. т. н. Н. Н. Садыков изложил историю своей махалли.

В рамках данной сессии было рассмотрено также использование методов устной истории при исследовании следующих научных и практических проблем: истории создания и становления одного из ведущих центров высшего образования в республике – Самаркандского университета (д. и. н., проф. И. М. Саидов, СамГУ), изучения немецкой диаспоры Узбекистана путем анализа жизни одной семьи (к. и. н. В. А. Германов), интервьюировании американских специалистов по проблемам центральноазиатского исламоведения (Х. Абдурасулова), раскрытия героической и трагической истории семьи видного государственного деятеля Файзуллы Ходжаева (д. и. н., проф. С. Иноят, Навоийский ГПИ), изучения истории археологической науки Узбекистана путем анализа воспоминаний ученых-археологов (Т. И. Гюль), исследования истории международных отношений (к. и. н. М. А. Рахимов), сравнительного анализа архивных документов и воспоминаний (к. и. н. Ш. Б. Мухамедов).

Среди тех, кто активно задавал вопросы докладчикам и принял участие в острой интересной дискуссии, были как научные сотрудники Института истории АН РУз, так и гости. Если судить по заинтересованности слушателей и остроте проходивших дискуссий, симпозиум в целом достиг поставленных целей. По результатам работы данного симпозиума в 2011 г. планируется издание научного сборника «Устная история – oral history: теория и практика».

к. философ. н. Р. Назаров

Муаллифлар ҳақида маълумот

И. Алимов – Андижон давлат университети профессори, т.ф.д.

А. Ҳакимов – ЎзР ФА Санъатшунослик институти етакчи илмий ходими, акад., т.ф.д.

О. Масалиева – Абдулла Қодирий номидаги Тошкент давлат маданият институти «Ижтимоий-маданий фаолият ва социология» кафедраси мудири, т.ф.н.

М. Раҳимов – ЎзР ФА Тарих институти катта илмий ходими, т.ф.н.

А. Тоғаев – ЎзР ФА Тарих институти катта илмий ходими, т.ф.н.

С. Мамедов – Озарбайжон тарихи миллий музейи тадқиқотчиси

А. Хаецкий – В. А. Сухомлинский номидаги Николаев Миллий Университети тарихшунослик, манбашунослик кафедраси доценти, т.ф.н.

А. Кубатин – ЎзР ФА Шарқшунослик институти аспиранти

А. Собиров – ЎзР ФА Тарих институти аспиранти

А. Турсунметов – ЎзР ФА Тарих институти аспиранти

Ш. Шайдуллаев – Термиз давлат университети профессори, т.ф.д.

Ш. Даминов – Термиз давлат университети аспиранти

Р. Почекаев – Россия Олий иқтисодиёт мактаби Санкт-Петербург бўлими доценти, ю.ф.н.

А. Т. Сабилов – ЎзР ФА Тарих институти катта илмий ходими, т.ф.н.

Р. Назаров – ЎзР ФА Тарих институти катта илмий ходими, фал.ф.н.

Журнал муқовасида: IX – X асрга мансуб лаган тасвири.

На обложке журнала: ляган IX – X века.

ноф

9575

Индекс 1027

ISSN 2010-7234. O'zbekiston tarixi. 2010. № 4